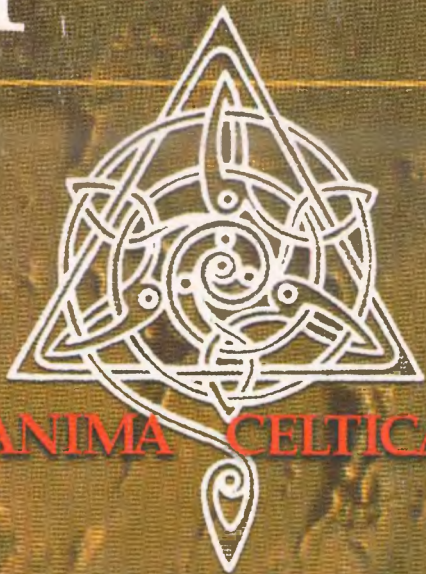


Хроника Бриттов



ANIMA CELTICA

КНИГА
СКАЗАНИЙ

Художественное оформление серии М. Verte

П56 Уэльс: Хроники бриттов. Книга сказаний / Перевод с английского, сост. и коммент. С. Шабалова.—М.; СПб.: Летний сад, 2005.—208 с.—(Anima Celtica; 4).
ISBN 5-94381-093-5

Четвертая книга из нашей серии «Anima Celtica» посвящена бриттам и их потомкам — народу Уэльса. Она представляет разноязыкие и разновременные источники — хроники, сказания и поэмы, — которые питаются древней бриттской традицией.

Оригинальный подбор текстов и обширный историко-культурный комментарий.

ББК 84(4Вел.)3

ПРЕДИСЛОВИЕ



Британия — один из сакральных Островов на севере древней Европы. Оттуда, по свидетельству Юлия Цезаря (I в. до н. э.), происходит учение друидов: «Их наука, как думают, возникла в Британии и отсюда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с нею познакомиться, [галлы] отправляются туда для ее изучения» (О Галльской войне, VI, 13). Галлы — континентальные кельты — рассматривали Британию как Иной Мир: «Иной Мир всегда расположен за текущей водой. Для кельтов Галлии это, по-видимому, была Британия» [1].

Дион Кассий (II в. н. э.) приписывал бриттской царице Боудикке такие слова: «Мы [бритты] владеем воистину нашим собственным миром и отделены океаном от остального человечества, так что там полагали, будто мы обитаем на другой земле и под другим небом, и даже мудрейшие люди внешнего



мира до сих пор не знали точно, каким именем мы называемся» (Римская История, LXII, 4, 2).

Некоторые античные писатели отождествляли жителей Британии с гиперборейцами. «Постепенно имя гиперборейцев, которое изначально обозначало мифическую расу, стало превращаться в географическое понятие. В конце IV в. до н. э. Гекатей Абдерский упоминал расположенный напротив Кельтики вдоль Океана остров, такой же большой, как Сицилия, который тянется к северу и населен гиперборейцами» [2].

Особенно важно свидетельство Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), которое многие ученые соотносили с Британией: «Этот остров... расположен на севере и населен гиперборейцами, которых называют таким именем потому, что они живут за теми краями, откуда дует северный ветер; их земля плодородна, и все, что на ней сеют, дает хороший урожай, а так как там необычайно умеренный климат, они собирают два урожая в год. О них рассказывают, кроме того, следующую легенду: Лета родилась на этом острове, и поэтому гиперборейцы чтят Аполлона [сына Леты] больше, чем других богов; их считают жрецами Аполлона, так как каждый день они безмерно восхваляют его в песнях и воздают ему великие почести. И есть также на этом острове великолепное святилище Аполлона, а также прекрасный храм, украшенный многочисленными жертвоприношениями, сферический по форме. Кроме того, там есть город, посвященный этому богу, и большинство его жителей играют на кифаре; они непрерывно играют на этом инструменте в храме и поют гимны, восхваляющие бога и его деяния. Гиперборейцы также имеют свой язык... и очень дружелюбно относятся к грекам, и особенно к афинянам и делосцам,



которые унаследовали эту доброжелательность с самых древних времен. Легенда также утверждает, что некоторые греки посещали Гиперборею и оставили в храме богатые подношения с надписями на греческом языке. И тем же путем гиперборей Абарис прибыл в древние времена в Грецию и возобновил дружбу своего народа с делосцами. Говорят также, что с этого острова Луна видна так, будто бы она очень близка к Земле, и глаз различает на ней такие же возвышенности, как на Земле. Говорят также, что бог посещает остров каждые девятнадцать лет; это период, за который звезды завершают свой путь по небу и возвращаются на прежнее место... При своем появлении бог играет на кифаре и танцует ночь напролет от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, выражая таким образом восторг по случаю своих побед. А цари этого города и хранители [хранительницы?] святилища именуются Бореадами, так как они происходят от Борея, и должности эти передаются в их роду из поколения в поколение» (Историческая Библиотека, II) [3]. Этот текст имеет внутреннюю связь с текстами «Бладуд» и «Стоунхендж» в наст. изд.

Здесь мы ограничимся самым беглым очерком истории бриттов. Читатель может обратиться при желании к недавно вышедшим в русском переводе книгам: Кристиан-Ж. Гюйонварх и Франсуаза Леру. Кельтская цивилизация (СПб., 2001); Майлз Диллон и Нора Чедвик. Кельтские королевства (СПб., 2002). Необходимые исторические справки читатель найдет в примечаниях к текстам нашей книги.

Британия (лат. Britannia, валл. Prydein) до прихода англосаксов, т. е. до V в. н. э., была «поделена» между двумя основными туземными расами — бриттами и пиктами.



Пикты занимали территорию Каледонии — нынешней северной Шотландии. Согласно бриттской традиции, пикты были пришлым народом, однако именно их эта традиция именует «бриттами» (валл. *brudun*), что значит «узорчатые» или «раскрашенные» (отсюда лат. *picti* с тем же значением). Происхождение пиктов остается темным. По одной из версий, язык их принадлежал к бриттской ветви кельтских языков. Пикты были, вероятно, древнейшим населением Британских островов; они, во всяком случае, участвовали в этногенезе ирландцев, жителей Гебридских и Оркадских островов, горных шотландцев, валлийцев и корнуэльцев.

Все старинные источники сходятся на том, что пикты взяли себе в жены ирландок и с тех пор наследовали имущество и выбирали себе королей не по мужской, а по женской линии. (См. также примечания к тексту «Хаврен» в наст. изд.) Пикты, однако, заслуживают отдельной книги.

Возможно, каледонский вождь по имени Калгак, известный нам из Тацита (Жизнеописание Юлия Агриколы, 29—30), был именно пиктом. Тацит приписывает ему такие слова: «Предыдушие битвы с римлянами завершались по-разному, но, и понеся поражение, британцы хорошо знали, что мы сильны и не оставим их своею поддержкой, потому что мы — самый древний народ Британии и по этой причине пребываем в сокровеннейшем лоне ее и не видим тех ее берегов, где обитают рабы, и, не сталкиваясь с чужестранными поработителями, не осквернили даже глаз наших лицезрением их. Живя на краю мира и единственные, не утратившие свободы, мы вплоть до последнего времени были защищаемы отдаленностью нашей родины и заслоном молвы; но теперь крайний



предел Британии стал доступен, а все неизвестное кажется особенно драгоценным; за нами нет больше ни одного народа, ничего, кроме волн и скал и еще более враждебных, чем они, римлян, надменность которых не смягчить ни покорностью, ни уступчивостью» [4].

Римское завоевание Британии, о котором идет речь, было начато Юлием Цезарем в 55—54 гг. до н. э. и продлилось до 410 г. н. э., когда император Гонорий официально предоставил Остров самому себе. (См. далее текст «Боудикка» в наст. изд.)

Владычество римлян не имело для бриттов катастрофических последствий (если не считать истребления друидов на острове Англси в 47 и 61 гг. н. э.), а пиктов, по-видимому, не затронуло вовсе. В отличие от континентальных кельтов (галлов), бритты не настолько романизировались, чтобы утратить свой кельтский язык. Здесь уместно привести выдержку из книги археолога Марка Шукина «На рубеже Эр» (1994): «Римляне развивали свою социально-военную организацию и достигли здесь совершенства, а кельты в этой области так и остались варварами, совершенствуя, вероятно, область религиозно-магических представлений. Свидетельства тому: и упомянутые явления кельтского искусства [«стиль Чеширского кота»], и святилища-обсерватории, позволяющие производить астрономические наблюдения, предсказывать солнечные и лунные затмения, и те имеющиеся у античных авторов скудные сведения о деятельности, пользовавшейся большим почетом и авторитетом, надплеменной корпорации друидов — жрецов, врачей, астрологов, певцов и предсказателей. Сам Стоунхендж, хотя и был создан еще на заре эпохи бронзы, но



продолжал функционировать и в кельтское время, — черепки кельтской керамики там найдены» [5].

Владычество римлян, сколь долгим оно ни было, оставалось для бриттов в значительной степени «внешним».

Катастрофой для бриттов стала начавшаяся вскоре после ухода римлян англосаксонская колонизация. Эту катастрофу и оплакал бриттский историк VI в. Гильдас Мудрый в своем послании «О разорении Британии» (см. перевод В. Эрлихмана в книге: Беда Достопочтенный. Церковная история народа англ. СПб., 2001).

Начав в V в. с юго-восточного побережья (Кент), англосаксы к IX в. овладели большей частью бриттской Британии и оставили за бриттами лишь запад: Уэльс и Корнуолл. (См. также примечания к «Стоунхенджу» в наст. изд.) Часть бриттов пересекла Ла-Манш и осела в Арморике, основав там Малую Британию (Бретань в нынешней Франции). Почти все земли пиктов на севере Британии были между тем захвачены скоттами — ирландскими колонистами, экспансия которых началась еще в IV—V вв.; пикты слились со скоттами, и на месте прежней «Пиктландии» появилась в IX в. Шотландия.

Таким образом, к X в. север Британии был за скоттами, запад за бриттами, а всю остальную территорию занимали англосаксонские королевства. После нормандского завоевания Англии (1066) и бриттам, и скоттам пришлось иметь дело с могущественным централизованным государством англо-нормандцев; и бриттам, и скоттам суждено было утратить впоследствии всякую независимость.

Следует отметить, что бритты никогда не имели единого государства в масштабе хотя бы всего Уэльса или Корнуолла.



(См. далее тексты «Смерть Роберта Рудланского» и «Хроника принцев» в наст. изд.) О кельтах в целом можно сказать, что «языковое, религиозное и культурное родство так никогда и не послужило делу установления политического единства. Не существует какого-либо исконного кельтского слова, способного передать значение французского *patrie* или немецкого *Vaterland*, и как задолго до Веркингеторика, так и после него галлы не имели понятия о патриотизме в государственном масштабе. Бритты и ирландцы никогда не прекращали грызню между собой, и, в более близкую к нам эпоху, несмотря на огромную временную дистанцию, первым политическим событием в независимой Ирландии стала гражданская война 1921 года» [6].

Здесь имеет смысл привести любопытное высказывание русского историка XIX века М. Погодина: «Народы вступают в брак между собою, как лица, и от сих бракосочетаний происходит новое потомство. Так, Норманны женились на наших Словенах, Франки на Галлах, Англо-Саксы на Бриттах... Сии мужья, несмотря на свою малочисленность, преобразовали совершенно своих жен со всем их приданым... Примечательно, что жены получили и имена от сих мужей-победителей. Галлия была названа Франциею, Британия — Англиею, Словенская земля Россиею и проч.» [7]. Легенду о призвании варягов на Русь (из «Повести временных лет») не раз сравнивали с легендой о приглашении англосаксов в Британию (из Гильдаса и Ненния).

В роли «мужей» выступали всегда, как мы видим, германские народы, и все такие «браки» были похожи больше на изнасилование. Так или иначе, настоящим «приданым» кель-



тов оказалась богатая древняя Традиция, которая легла в основу средневековой европейской культуры. А. Л. Мортон писал: «Как раз в то время, когда нормано-французский мир окончательно и бесповоротно прощался с этим [Героическим] веком, он открыл для себя сокровищницу преданий Уэльса и Бретани и грабил ее точно так же, как эксплуатировал валлийские и бретонские земли» [8]. Трудно представить себе средневековую европейскую культуру без романов о Тристане и Изольде, о Мерлине и Артуре, о рыцарях Круглого стола и поисках Грааля. «Корни всей этой группы стихотворных и прозаических произведений кроются очень глубоко, — в несохранившихся, конечно, устных сказаниях, которые были принесены кельтами часто даже при переселении их в Европу» [9].

Жители каких областей Британии могут считаться потомками бриттов, если не по языку, то по крайней мере «генетически» и ментально? Прежде всего это Уэльс, где валлийский язык, развившийся из бриттского, благополучно дожил до наших дней; затем Корнуолл, где корнский язык вышел из массового употребления к началу XIX века. Добавим сюда несколько «пограничных» графств на западе и юго-западе Англии: Девон, Сомерсет, Глостер, Монмут, Херефорд, Шропшир, Чешир, где о бриттах, кроме немногих топонимов, ничто уже не напоминает. Бриттский субстрат довольно долго присутствовал в южной Шотландии и северной Англии; именно на этих территориях (приблизительно до V в. н. э.) существовали самые мощные племенные союзы и королевства бриттов («бриганты» античных писателей); эти северные бритты (обобщенно — кумбры) противостояли натиску пиктов с севера, скоттов с северо-запада, римлян, а позже англосаксов с юга и востока.



Впоследствии часть кумбров переселилась в Уэльс, а часть «растворилась» между скоттами и англосаксами. Кумбрийский язык исчез, вероятно, к IX в.

Что касается французской Бретани, то она, как полагают, заселялась бриттами в V—VI вв. и по большей части с территории Корнуолла; по одной из версий, именно Бретань явилась «посредником» в передаче бриттской традиции не только другим народам, но и самим бриттам, «забывшим» ее. Однако разговор о Бретани выходит за рамки этой книги.

О бриттах с лингвистической точки зрения см. недавно вышедшую книгу А. И. Фалилеева «Древневаллийский язык» (СПб., 2002) и соответствующие статьи в академическом издании «Языки мира. Германские языки. Кельтские языки» (М., 2000).

Наша книга сделана в жанре «Celtic Miscellany» («Кельтская смесь»); она представляет разноязыкие и разновременные источники — хроники, поэмы, сказания, — объединенные тем, что все они питаются бриттской традицией. Уэльс — главный «наследник» этой традиции — уже представлен на русском языке книгой В. Эрлихмана [10], содержащей перевод «Четырех Ветвей Мабиногион» и других повестей, известных читателю также по многочисленным переложениям [11]. Основной корпус валлийских текстов, переведенный В. Эрлихманом, мы решили дополнить несколькими, так сказать, маргинальными текстами. Но бриттская традиция сохранилась не только в Уэльсе, Корнуолле и французской Бретани. Соседи бриттов очень рано усвоили и переработали весьма значительную часть бриттской традиции. Многие из наследия бриттов дошло до нас лишь во французских и английских



источниках (включая тексты на латыни). Мы имеем в виду не только «беллетристику», но и разнообразные исторические и псевдоисторические хроники.

Романы о Тристане и Изольде (Беруль и Тома, XII в.), «История бриттов» и «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского (также XII в.), «Сир Гавейн и Зеленый Рыцарь» (аноним XIV в.) — пожалуй, самые известные примеры. Все эти источники, кроме «Сира Гавейна», давно уже изданы в русских переводах (серия «Литературные памятники»). Читатель может обратиться и к «Смерти Артура» Томаса Мэлори (XV в.), изданной в той же серии: это, как известно, итоговое произведение «артурианы». Все эти издания сопровождаются прекрасными статьями и комментариями (см. основной список литературы в наст. изд.).

Что касается другой группы источников — собственно бриттских, а также английских и французских хроник, которые содержат много легендарного и исторического материала по бриттской традиции, — то работа по их переводу и изданию в России только началась (впрочем, Ненний и Гальфрид вышли в 1984 г. одной книгой в серии «Литературные памятники»). Можно приветствовать появление Беды Достопочтенного и Гильдаса в переводе В. Эрлихмана и с его подробными комментариями [12]. Любопытное собрание рассказов, почерпнутых из различных хроник, содержится в книге Н. Горелова «Плавание святого Брендана» [13]. Огромный корпус валлийских, англо-нормандских и франко-нормандских хроник, прозаических и стихотворных, исторических и псевдоисторических, написанных как на латыни, так и на «народных» языках, еще ждет своего перевода. В этой книге



мы предлагаем читателю несколько текстов из «Брута» Лаймона, из «Церковной Истории» Ордерика Виталия и валлийской «Хроники принцев».

Хотя большинство текстов нашей книги почерпнуто не из хроник, мы расположили их в приблизительной хронологической последовательности, от легендарной эпохи Брута до конца XII в., и назвали «Хрониками бриттов».

Читатель, конечно, обратит внимание на яркие образы кельтских женщин, запечатленные авторами самых разных эпох и народов — от Диона Кассия («Боудикка») до Томаса Пеннанта («Маргарет, дочь Ивена»).

Во всех текстах мы стремились сохранять стиль и особенности источника.

Сергей Шабалов

1. Рис Алвин, Рис Бринли. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. и послесл. Т. А. Михайловой. М.: Энигма, 1999. С. 413—414.

2. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000. С. 13.

3. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Пер. с англ. П. С. Гурова. — М.: Мир, 1973. С. 169—170.

4. Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. М.: ООО «Издательство АСТ»; «Ладомир», 2001. С. 444—445.

5. Щукин М. Б. На рубеже Эр. СПб.: «Фарн», 1994. С. 16.

6. Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Г. В. Бондаренко, Ю. Н. Стефанова. Науч. ред. Г. В. Бондаренко. СПб.: Культурная Инициатива, 2001. С. 32.



7. Погодин М. Исторические афоризмы и вопросы // Московский вестник. 1827. Ч. 6. № 23. С. 303—304.

8. Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота / Пер. с англ. А. Зверева и Г. Прохоровой. М.: Прогресс, 1970. С. 31.

9. Грифцов Б. А. Теория романа. М., 1927. (История и теория искусства; Вып. 6). С. 48.

10. Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса / Пер. с валл. В. Эрлихмана. М.: Аграф, 2002.

11. Сказания Красного Дракона: Волшебные сказки и предания кельтов / Под общей ред. А. Платова. М.: Менеджер, 1996 («Золотая ветвь»). Валлийские сказания / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: Арт-Флекс, 2000.

12. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступит. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. Там же: Гильдас. О разорении Британии. Там же: Из Англосаксонских хроник.

13. Плавание святого Брендана / Пер. с лат. и ст.-фр. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2002.



Брут держал эту страну в своих руках четыре и двадцать зим, и от Игноген, своей королевы, он имел трех прекрасных сыновей. Когда их отец умер, они посоветовались друг с другом и похоронили его в граде Новая Троя, который с большой радостью строил их отец. Затем три брата сошлись вместе; в полном согласии и полюбовно они поделили эту страну. Старшего брата звали Локрин; он был мудрейший, самый благоразумный и самый сильный из всех; крепок он был умом. Он взял себе в надел землю на юге, которая по нему стала называться Логрией.

Второго же звали Камбр; он был средним братом; ему досталась в надел та земля, что была названа Камбрией, — это дикая земля, которую любят валлийцы. Потом она была названа Валлисом; по королеве Галлоэс и по герцогу Гвалуну люди [той земли] прозываются валлийцами.



Третьего брата звали Альбанак, — впоследствии король [гуннов] Хумбер убил его. Альбанак взял себе землю в северном краю, который наш народ теперь зовет Шотландией; Альбанак же в свое время называл ее Альбанией. Граница [владений] Локрина проходила на юге и востоке; Альбанак владел всем севером; Камбр держал все, что к западу от [реки] Хаврен. Когда три брата владели этой страной, их любил народ, [и они правили] в мире и приязни семнадцать зим.

Спустя семнадцать годов или около того прибыл в страну тот, кто был королем [своего] народа; его звали Хумбер, король гуннов. Злы были его обычаи; его тань были свирепы. Он опустошил многие земли, и истребил [многие] народы под солнцем, и [захватил] много сотен островов, что были у побережья моря; [разорил он] всю наибольшую часть света, отсюда до Германии. Король Хумбер со всем своим флотом и всем своим огромным войском прибыл на кораблях в землю Альбанака и стал воевать его людей, обращая их в бегство, — огнем, и мечом, и многими разными бедами. Альбанак вышел на него и на его огромное войско, и они сошлись [в битве], — там пали воины. Все люди Альбанака полегли на поле, кроме тех, кто спасся в лесу или в укрытии; и сам Альбанак был убит в том сражении; такое зло в стране учинил могучий Хумбер! Люди, что выжили в битве, бежали из той земли в Британию — к могучему Локрину. Они рассказали ему в правдивых горестных речах, что мертв его брат Альбанак, что Хумбер убил его.

Воистину, вместе сошлись два оставшихся брата, Локрин и Камбр, и весь их народ, и все воины, которых они смогли собрать. Они двинулись на Хумбера с могучею силой. А Хумбер так рассвирепел (ведь в его руках находилась [почти] вся



страна), что переправился через Шотландское море со всеми своими воинами, и в упорных битвах хотел завоевать Британию. Локрин и Камбр вышли против него; они потрясли своим оружием, — погибель была средь народа, — ибо были они разгневаны. Туда пришел Хумбер — [себе] на горе, а бриттам на радость. Всех своих людей он потерял там, [павших] от рук Локрина и Камбра, и сам с трудом бежал к реке, где и утонул, и с ним множество его людей. По смерти короля Хумбера [та река] была названа Хумбер.

[Ранее] Хумбер с сильнейшим войском вел войну в Германии, и ужасно разорил ту страну, и нанес великий урон народу. Он забрал у жителей трех самых красивых девушек; одну звали Эстрильд, дочь славного короля, прекраснейшая из всех женщин, что жили тогда на земле. Эти девы были на кораблях с людьми Хумбера, которые стерегли его сокровища, куда он ходил сражаться. Когда Хумбер погиб, утонул в [реке] Хумбер, Локрин и Камбр пошли к тем кораблям, чтобы забрать все добро, которым владел король Хумбер. Среди толпы корабельщиков они нашли трех этих девушек. Там Локрин увидел Эстрильд; он посмотрел на нее с любовью и обнял ее; радостно было у него на сердце. И он сказал ей: «Добро тебе; женщина ты красивая, и я с великим почетом приму тебя как свою благородную королеву. Пока я жив, не буду иметь другой. С тобой я так счастлив, как прежде никогда не был в жизни!»

Тогда еще был жив Кориней, который был владельцем в Корнваллисе. Он имел только одну дочь, но она была ему дороже всего. У Локрина был с ним уговор, что он возьмет ее в жены, и он обручился с ней пред всеми своими домочадцами.



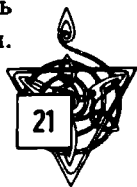
Однако ради любви к Эстрильд он захотел покинуть ее. Кориней, владетель в Корнваллисе, услышала, что его возлюбленная дочь опостылела Локрину. Душа Кориней была в смятении и печали. Он направился в эту землю [и шел], пока не пришел к Локрину. Он нес на своем плече огромный боевой топор. Он встал перед Локрином, с ненавистью посмотрел на него, и молвил ему воитель Кориней такие слова: «Ответь мне, Локрин, ответь мне, мерзкий человек, ответь мне, явный дурак, — пусть горе постигнет тебя и никто не прикроет тебя от позорной смерти! Ты оскорбил мою дочь, мое дорогое дитя, и меня самого, посему ты должен умереть! Я странствовал с твоим отцом и вел его войско. Много трудов, много потов, много горьких потех, много жестоких атак, много могучих ударов, много ран, много дивных сражений я вынес в поле перед Брутом, который был моим дорогим другом, моим благородным вождем. Посему ты должен умереть, ибо он никогда не был твоим отцом; ведь если б ты был сыном Брута, ты никогда б не опозорил меня. Ради любви к нему много великанов я уложил за смертью на землю, а ты хочешь отплатить за мой великий труд обидой, хочешь покинуть мою милую и прекрасную дочь Гвендолен ради чужеземной девицы по имени Эстрильд! Ты не знаешь, из какой земли она прибыла сюда, и что за король ее отец, и что за королева ее мать. Но ты получишь за любовь к ней то, что тебе меньше всего хочется, — ты будешь разрублен на куски моим острым топором!» Кориней взмахнул [топором], его топор опустился и ударил могучим ударом по огромному камню, на котором стоял Локрин, так что весь камень раскололся на куски, а Локрин отпрянул назад. Все поспешили к ним на ту и другую сторону и оттеснили их



друг от друга; раздор был среди народа, много было [сказано] резких слов. И лучшие из всех людей собрались и держали большой совет; знатнейшие из народа [сказали], что они не хотят страдать за чужеземное золото, если из-за него произойдет вражда между Коринеем и Локрином. «Но мы хотим посоветовать и предложить, чтобы мы приняли Гвендолен как королеву Локрина, и сдержали все наши клятвы меж Коринеем и Локрином, и скрепили любовь народа верным залогом, и выслали Эстрильд прочь из этой страны». И Локрин одобрил это, ибо то был совет его мудрых людей. Он взял Гвендолен и принял ее как жену, благородную королеву; и сказал он (хотя это было неправдой), что он вышлет Эстрильд из страны.

Но он все не сделал этого, ибо замыслил обман, а призвал одного из своих приближенных, которому очень доверял, и приказал ему неслышно отлучиться со двора, и велел ему пойти к граду, что назывался Триновант, а на нашем языке зовется Лондоном, и как можно быстрее устроить там под землю дом, красивый и богатый — стены из камня, двери из китового уса; и притом в самом подходящем месте, подальше от людских глаз; и [Локрин велел] поместить туда побольше угля и довольно одеяний, плащей, багряниц и золотых [покрывал], много вина, много воска, много приятных и дорогих вещей; а затем сразу же пойти, но обязательно ночью и ловко скрываясь, — и привести туда Эстрильд. Так и сделал этот вельможа, как приказал ему Локрин, ибо каждый добрый человек должен исполнить приказ своего господина.

Семь лет пробыла Эстрильд в том подземелье, никогда не выходя за дверь, и ни один человек не знал, что она находилась там, кроме короля Локрина, а с ним его верного вельможи.



Когда он шел в Триновант, то говорил тогда Гвендолен, что пробудет там семь ночей и помолится втайне своему божеству, по-другому он не смеет [делать этого], иначе кто-нибудь узнает, о чем он там молится. Гвендолен верила ему; скверными были все его хитрости! Так поступал буйный Локрин; и вот Эстрильд оказалась с ребенком, и Гвендолен тоже, — обе они оказались с детьми.

У Эстрильд была в подземелье дочь. Король велел, чтобы ее окрестили по законам, что держались в те дни. Ее назвали Хаврен; не было ребенка прекрасней! А у Гвендолен был сын — на сердце у нее стало веселей. Он был назван Маданом, славный сын короля. Ребенок этот рос и расцветал и был любим всеми людьми. Когда он научился ходить и говорить, король Локрин забрал его, своего прекрасного сына Мадана, и отправил его в страну Коринейя, чтобы тот хорошенько воспитал его и научил его обычаям; и тот старательно делал это, покуда был в силах. Затем приспело время, которого должен ожидать всякий человек, и могучий Кориней скончал свою жизнь. Король прослышал об этом; для него это было самое приятное [известие]. Когда он узнал наверное, что Кориней умер, то отобрал двенадцать добрых мужей из своих людей и отослал Гвендолен в землю ее отца, в Корнваллис — на ее родину.

Тогда оказалась Гвендолен дома со своим сыном Маданом, и сильно жаловалась на это всем людям — своим друзьям, которые были при ее отце, пока он был жив. Она собрала вместе всех друзей своей семьи и всех воинов, которых смогла найти, и людей со всей страны, которые были ей дружественны, и всех чужеземцев, что пришли к ней из весьма многих



имель за серебром и за золотом. И она щедро раздавала его своим добрым воинам, и велела им ради их чести и любви к ней отомстить за ее обиду.

Король Локрин взял к себе Эстрильд — она была ему мила — и сделал ее своей королевой. Посреди этого счастья наступили великие бедствия. Люди сообщили Локрину-королю, что Гвендолен с войском наступает на его страну, дабы выместить свои обиды на короле и на королеве. Король со своими людьми выступил против нее, и они сошлись вместе у одной реки; река эта называлась Стоур в Дорсете. Сражение было жесточайшим. Локрин принял [в нем] смерть. Стрела попала ему в сердце, так что он погиб. Там погибли и он, и многие из его войска, а проворные [в ногах] люди бежали прочь, учинив повальное бегство. Гвендолен одержала верх и завладела всей этой страной. И она пошла к замку, где была Эстрильд. Она взяла Эстрильд и Хаврен, велела их связать и бросить в глубокую реку. Там они утонули и приняли смерть. Тогда стала Гвендолен госпожою народа. Затем отдала она приказ с глубоким смыслом, — чтобы люди эту самую реку, где утонула Хаврен, называли Хаврен — по деве Хаврен и [в память] о любви Локрина, который был ее [Гвендолен] царственным мужем и зачал Хаврен с Эстрильд. Итак, она погубила короля, и новую королеву, и их ребенка, а та река до сих пор зовется Хаврен; у Кристчерч она впадает в море.

Гвендолен была очень могущественна, ибо вся Британия была у нее в руках, и она была в таком превосходном расположении [духа], что с каждым человеком поступала справедливо; всякий мог [без опаски] проходить по ее земле, хотя бы он нес в руках червонное золото. Десять лет она была с

Локрином, и часто печалилась и скорбела. Пятнадцать лет и девять дней после того, как Локрин умер, она правила всей Британией вместе с лучшими людьми, в согласии и мире; радость была среди народа. Впоследствии она вручила Мадану все королевство его отца [Локрина]; сама же возвратилась в Корнваллис, коим владел [прежде] ее отец [Кориней], и стала жить в той земле; люди [оттого] стали счастливее.

ПРИМЕЧАНИЯ

«Брут» Лайамона создан на основе одноименной метрической хроники нормандца Роберта Васа, которая является переложением известной «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (русский перевод см. [3]). Известно, что «валлийский народ рассматривал повествование Гальфрида как подлинную сохранившуюся историю своей расы» [54, р. IX].

Самые ранние переводы Гальфрида с латинского на валлийский язык сделаны около 1200 г., тогда как «Брут» Васа создан на старофранцузском в 1155 г., спустя год после смерти Гальфрида. Одноименная метрическая хроника Лайамона на староанглийском языке («полусаксонском», как писал Ф. Мэдден) создана около 1200 г., а самая ранняя из двух сохранившихся рукописей (MS. Cotton Caligula A. IX Британского Музея) датируется примерно 1225 г.

«Брут» Лайамона, наряду с анонимным романом в стихах «Сир Гавейн и Зеленый Рыцарь» (XIV в.), можно считать важнейшим памятником на староанглийском языке, сохранившим древние предания бриттов.

По сравнению с «Брутом» Васа, «Брут» Лайамона значительно вырос в объеме: в произведении Васа 15 300 строк, в произведении



Лайамона — 32 241. Это произошло во многом благодаря тому, что Лайамон использовал устную и письменную традицию Уэльса, по соседству с которым жил, в том числе предания, отсутствующие у Альфрида и Васа [74, I, p. XVI].

А. Л. Мортон отмечал, насколько Лайамон выигрывает, в сравнении с Васом, от своей близости к бриттским преданиям и от живости языка [24, с. 32—33].

О Лайамоне известно только то, что он рассказал о себе в начале своего «Брута»: «Был на земле священник, который звался Лайамон; он был сыном Леовената... жил он у Эрли, при славной церкви на берегу [реки] Северн... близ Рэдстона, где он читал книги» [74, I, p. 1]. Церковь Лайамона существует и поныне в Эрли, в Ворчестершире [6, с. 147].

Три текста из «Брута» Лайамона — «Хаврен», «Бладуд» и «Стоунхендж», — помещенные в этой книге, переведены с авторитетного подстрочника Фредерика Мэддена и сверены с оригиналом.

Перевод сделан по изданию: Layamon's Brut, or Chronicle of Britain: a poetical semi-Saxon paraphrase of the Brut of Wace. Now first published from the Cottonian MSS in the British Museum; accompanied by a literal translation, notes, and a grammatical glossary / By Sir F. Madden, keeper of the MSS in the British Museum. Vol. 1—3. London: Published by the Society of Antiquaries of London. 1847. Vol. 1. P. 88—107.

Брут — иначе Брит (валл. Brut); имя легендарного прародителя бриттов впервые появляется у историка VIII в. Ненния (см. русский перевод его «Истории бриттов» [3]). Ненний приводит сразу две родословные Брута (Брита); обе они восходят к троянцу Энею, которому Брут приходится то ли внуком, то ли правнуком. Итак, «Брит, играя с другими детьми, не намеренно, а случайно убил стрелюю своего отца и, изгнанный из Италии, стал скитальцем».

После Греции и Галлии «он прибыл на этот остров, получивший название от его имени» [3, с. 173].

Нужно отметить, что среди кельтов не одни бритты возводили свою родословную к выходцам из Трои; так же поступали, по свидетельству римских историков, галлы-эдуи, причем римляне считались с этим мнением эдуюв: как пишет Тацит, «они единственные из галлов именовались братьями римского народа» (Анналы, XI, 25) — это подтвердил договор 121 г. до н. э. Аммиан Марцеллин (IV в. н. э.) писал: «Некоторые говорят, что после разрушения Трои рассеявшиеся повсюду греки в небольшом числе заняли эти [галльские] местности, бывшие тогда незаселенными» (Римская история, XV, 9, 5). Согласно «Книге Захватов Ирландии», предки ирландцев тоже пришли в Ирландию из Средиземноморья.

Ненний, по его словам, почерпнул историю Брута как из устной традиции, так и из «древних книг наших предков». Гальфрид Монмутский (которому следовали Вас и Лайамон) изложил историю Брута куда более подробно, чем Ненний. О приключениях Брута и его людей до их прибытия в Британию (в Греции и Галлии) см. русский перевод «Истории бриттов» Гальфрида [3].

В «Белой Книге Риддерха» (XIII—XIV вв.) содержится иная версия того, как Британия получила свое имя: «Первое имя, которое носил этот остров, прежде чем он был захвачен и заселен, — Надел Мирдина. А после того, как он был захвачен и заселен, — Остров Меда. А после того, как он был завоеван Придейном, сыном Аэда Великого, он стал называться Островом Frydein [Британией]» [53, p. 229].

О Придейне, сыне Аэда, мы больше ничего не знаем. Зато известно, что имя Frydein, «Британия», было знакомо античным писателям уже в конце IV в. до н. э.; в валлийских текстах Frydun (а в ирландских Cruithni) означает «пиктов» (лат. «раскрашенные»). Вероятно, «бритта-



ми» изначально назывались загадочные пикты, а «Британия» была их страной.

Кроме того, у нас есть древняя ирландская традиция, согласно которой одно из племен, захвативших Ирландию в доисторические времена — племя Немед — вышло, как и пикты, из псевдомой «Скифии». У Немед был сын Фергус Летдерг («Полукрасный», или «Краснобокий»), а у Фергуса был сын Британ Маэл («Лысый»). «Книга из Баллимота» (XIV в.) сообщает: «Британ Лысый со своим отцом Фергусом и своим кланом отправился на остров Мона [Ангси], с которого их потомки заселили великий остров Британию, на коем они обитали до прихода саксов, которые прогнали потомков Брута (sic!) на одну из окраин страны, а потомков Британа Лысого обратно на Мойнн Коайннг», или остров Мону [78, II, p. 185]. Джеффри Китинг, автор «Истории Ирландии» (ок. 1634), также пишет: «Гэльский был родной язык Бриотана, сына Фергуса Летдерга, сына Немед, и это по нему Британия была названа Британией, согласно Кормаку Мак Куилленану и Книге Захватов Ирландии; именно в Британии жили он и его потомки после него» [73, II, p. 67]. Как соотносятся друг с другом Брут (Брит), внук Энея, и валлийский Придейн, сын Аэда, и ирландский Британ, сын Фергуса, — остается только гадать.

Игниген — согласно Гальфриду, дочь греческого царя Пандраса, выданная замуж за Брута. Ее имя, возможно, образовано от лат. *ignigena*, «огнеорожденная».

Новая Троя — иначе Триновант, легендарное название города Лондона, которое связано с названием племени триновантов, обитавших на юго-востоке Британии.

Альбания (правильнее Альба, в косв. пад. Альбан) — гойдельское (гэльское) название Шотландии, а некогда — Британии в целом; вариант «Альбион».



У средневековых британских историков имела хождение любопытная легенда о происхождении названия «Альбион»: от Альбины, самой старшей из тридцати трех дочерей мифического царя Сирии Диоклетиана, которые умертвили своих мужей; приговоренные отцом к изгнанию в море, они волей случая пристали к острову Британия [48, II, p. 616].

С точки зрения лингвистики, этимология «Альбании», или «Альбиона» такова. В. П. Калыгин пишет: «...лексема * *albijo* существовала в континентальных кельтских языках и обозначала „мир, обитаемая поверхность суши“, а его пракеельтский прототип * *albijo(n)* имел значение, которое по-русски хорошо передается как „свет“. От последнего в конечном счете был образован этноним *Albiones* и название территории — *Albion*. Основа на *-ion* женского рода указывает на то, что исходным могло быть имя богини, персонифицирующей страну/соответствующую часть космоса. Аналогичный способ наименования засвидетельствован и в ирландском: название страны идентично именам богинь *Eriu, Banba, Fotla*» [12, с. 55]. Древние ирландцы называли Альбой (*Alba, Albu*, откуда в косвенном падеже *Alban*) Британию в целом, но затем это название стало обозначать одну Шотландию. Вместе с тем *Albiones* было и самоназванием жителей Британии, вытесненным позднее другими этнонимами — *Pridein, Brythol* и, частично, *Sutrgy* [12, с. 54]. У древних бриттов, судя по всему, «Альбион» («этот свет») противопоставлялся «Аннувну» («тому свету»), причем каждый из этих миров олицетворялся богиней, условные имена которых — Альбиона и Дубиона [12, с. 56].

Логрия (Loegyr) — до прихода англосаксов бриттская область между реками Трент и Хаврен (Северн) на юге Британии. В VI в., когда здесь утвердились англосаксы, Логрия («потерянные земли») стала обозначать «Англию».



Камбрия — латинское название Уэльса, образованное от само-названия валлийцев: Сумгу (из Combrogēs, «земляки, соотечественники»). Именем «Камбрия» (точнее — «Кумбрия») обозначалась и территория бриттов в нынешней южной Шотландии и северной Англии (от Firth of Clyde до Moresambe Bay); эти бритты частью растворились между скоттами и англосаксами, частью мигрировали в Уэльс.

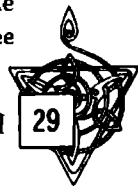
В VII в. (655 г., битва на Winwaed Field) северные бритты были окончательно отрезаны от южных.

В Средние века «камбров», по созвучию названий, отождествляли с древним галло-германским племенем кимвров и даже с киммерийцами, возводя все эти народы (и кельтов вообще) к Гомеру, сыну Иафета [56, p. 10—11].

В «Белой Книге Риддерха» говорится: ...и никто не имеет право на этот остров, кроме только народа Сумгу, оставшихся бриттов, которые пришли сюда в былые дни из Трои» [53, p. 229].

...по королеве Галюэс и по герцогу Гвалуну... — Wallis (Wales) на самом деле — англосаксонское название «чужой», «заграничной» (т. е. бриттской) территории (ср. совр. англ. wall, «стена»). В конце VIII в. король англосаксов Мерсии по имени Оффа соорудил на границе с Уэльсом ров и вал, который тянулся от устья реки Уай до устья реки Ди. Что касается Галюэс, Галаес или Гвалес, то она была дочерью Эбраука (эпоним Йорка), правнука Гвендолен. У Гальфрида сказано, что она была «самой красивой из всех девушек Британии и Галлии» [3, с. 21]. О Гвалуне (у Гальфрида — Валлон) ничего неизвестно (по некоторым данным, он был муж Галюэс).

Хумбер, король гуннов. — Эти гунны в легендарной бриттской истории являются «условными». В Европе гунны появились в начале V в., но в Британию никогда не переправлялись. Под «гуннами», скорее



всего, разумелись пикты и скотты, оставившие по себе ужасную память у бриттов (в сочинениях Гильдаса и Ненния).

У Лайамона есть живописный рассказ о расправе бриттских женщин над людьми Мелги и Ваниса, двух «гуинских» королей, виновных, согласно традиции, в мученичестве св. Урсулы и еще одиннадцати тысяч девушек из Британии (рассказ об этом см. у Гальфрида Монмутского [3, с. 58—59]): ...женщины шли вперед по лесам и полям, по холмам и долинам, и всюду, где они находили кого-нибудь из тех, кто был с Мелгой, королем язычников, и избежал [смерти], — женщины, громко смеясь, разрывали его на куски и молились, чтобы душе его никогда не было хорошо. Так бриттские женщины убили много тысяч [врагов] и так они освободили это королевство от Ваниса и Мелги» [74, II, р. 112—113].

Таны (англосакс.) — здесь: наместники или дружинники.

...о Британию, к могучему Локрину... — Почему земля Локрина именуется «Британией», непонятно. У Гальфрида просто «к Локрину».

Хумбер (*Хамбер*) — точнее, не река, а устье, образованное двумя реками, Трент и Уз, на северо-востоке нынешней Англии, между Йоркширом и Линкольнширом. Эти реки сливаются у Фэкслита и текут к Северному морю.

Территория, занятая англосаксами к северу от Хумбер, получила название «Нортумбрия» (лат.), «Нортумберленд» (из North-an-humbra-land).

Эстрильд. — Любопытно, что в валлийском варианте «Истории» Гальфрида (*Brut y Brenhinedd*, или Хроника Королей) имя этой девушки — Эсилт (Изольда) [54, р. 24].

Кориней. — Согласно Гальфриду, Кориней также был потомком выходцев из Трои и присоединился к Бруту во время страствий последнего по Средиземноморью. Кориней — легендарный эпоним



Корнуола (валл. Cerniw, лат. Cornubia), земли, доставшейся ему по прибытии воинства Брута в Британию.

Название «Корнуола» («Корнваллис»), вероятно, связано с племением корнубиев, хотя раньше это название расшифровывали как «Рог» (лат. Cornu) Валлиса, т. е. Уэльса.

Корнуола, Девоншир, Сомерсет и Глочестер были отрезаны от древнего Уэльса после победы англосаксов над бриттами в 577 г. (битва при Deorham).

Гвендолен — валл. Гвендолеу. По словам Гальфрида, она была «пеистовая и яростная, как и ее отец» Кориней, любимым занятием которого было сражаться с великанами [3, с. 20]. В «Жизни Мерлина» это имя носит жена Мерлина (Мирдина Дикого).

Что касается кельтских цариц, то Н. С. Широкова приводит интересный археологический факт: «Самым замечательным из бургундских курганов является курган, открытый в 1953 г. в Виксе (у Шатильон-сюр-Сен в области возвышенности Кот д'Ор). В нем обнаружено богатое захоронение гальштатской „княгини“ Под курганом (диаметр 42 м, высота 6 м) была сооружена деревянная погребальная камера. В ней на кузове четырехколесной колесницы было положено тело молодой женщины с золотой диадемой на голове (вес — 480 г) и большим количеством украшений: браслетов, ожерелий из янтаря, фибул... По мнению П. Коркорана, археологический материал из Вика подтверждает литературные свидетельства о существовании царицы Боудикки в Британии и легендарной королевы Медб в Ирландии» [14, с. 25—26]. См. также «Боудикка» в наст. изд.

Стоур в Дорсете — река в юго-западном графстве Дорсет; одноименная река течет в графстве Кент.

Хафрен (Hafren) — бриттское название крупнейшей реки южной Британии, отделяющей Англию (Логрику) от Уэльса. Римляне называли

ее Сабриной; плыне — река Северн. В Триадах записано: «Три главных реки Острова Британия — Темза, Хаврен и Хумбер» [53, р. 229].

По жанру этот рассказ Лайамона (более обстоятельный и красноречивый, чем у Гальфрида) можно отнести к «преданиям о старине мест».

Кристчерч (Крайстчерч) — древний городок в Саутгемптоншире, при слиянии рек Афон и Стоур.

...стали счастливей. — В качестве приложения к этому тексту мы воспроизводим (без комментария) заметку, опубликованную в «Санкт-петербургских Ведомостях» от 18 апреля 1833 года: «Азиатское Общество в Калькутте купило драгоценную рукопись, недавно найденную в библиотеке Браминской Коллегии в Бенаресе, — рукопись не менее любопытную по своей древности, как и по содержанию. Она писана на священном языке браминов и содержит в себе описание Англии до завоевания оной Юлием Цезарем. Темза и некоторые другие реки имеют в сем описании те же самые имена, под которыми и теперь известны. Храмы и памятники друидов сравниваются с индоостанскими капищами. — Азиатское Общество намерено перевести и издать в свет сию достопримечательную рукопись для поощрения к новым изысканиям в Англии» [16, с. 338].



Дока в Риме шла своего рода детская потеха, в Британии случилось ужасающее бедствие. Два города были разграблены, восемьдесят тысяч римлян и их союзников погибло, и остров был потерян для Рима. Более того, всю эту погибель навлекла на римлян женщина — обстоятельство, которое само по себе принесло им величайший стыд. Правда, небеса послали им знамения предстоящей катастрофы. Ибо ночью было слышно, как из здания курии [в Камулодуне] раздавалось варварское бормотание, перемежаемое смехом, а из театра — крики и стенания, хотя никто из смертных не разговаривал и не стонал; в реке Темзе стали видны под водою дома, а океан между сим островом и Галлией с приливом сделался вдруг кроваво-красным. <...>

Но человеком, который был главным возмутителем туземцев и убедил их сражаться с римлянами, человеком, которого

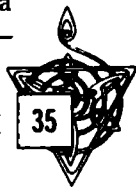
сочли достойным быть их вождем и который руководил ходом всей войны, была Боудикка, бриттская женщина из царского рода, обладавшая притом большим разумом, чем обычно бывает у женщин. Эта женщина собрала свое войско, числом около ста двадцати тысяч, а затем поднялась на трибунал, который был сооружен из земли по римскому образцу. Ростом она была очень высокая, обликом весьма устрашающая, взор ее глаз был самый яростный, а ее голос был резок; громадная копна самых рыжих волос ниспадала ей на бедра; вокруг ее шеи было большое золотое ожерелье; а носила она разноцветный хитон, поверх которого был плотный плащ, скрепленный брошью. Таково было ее неизменное одеяние. И вот она ухватила копьё, дабы еще более устрашить всех своих зрителей, и сказала следующее: «<...> Не бойтесь римлян ни в чем; ибо они не превосходят нас ни числом, ни храбростью. И вот доказательство: они обезопасили себя шлемами, нагрудниками и наколенниками, да к тому же оградилась частоколами, валами и рвами, дабы иметь уверенность, что не потерпят вреда от набега своих врагов. Ведь они подвластны своим страхам, когда избирают такой способ воевать, предпочитая его образу действий, которому следуем мы, — грубому и скорому бою. Конечно, мы обладаем таким избытком храбрости, что считаем наши шатры более надежными, чем их стены, и наши щиты более безопасными, чем все их одеянья из брони. Как следствие, когда мы побеждаем, то берем их в плен, а когда побеждены, то ускользаем от них; если же мы, к примеру, предпочитаем куда-нибудь отступить, то укрываемся в таких непроходимых болотах и горах, что нас не могут ни обнаружить, ни захватить. Наши противники, однако, не могут



ни преследовать кого-либо, из-за тяжелых своих доспехов, ни даже убежать; если же они когда и ускользают от нас, то укрываются в известных, определенных для этого местах, где они запирают себя словно в западне.

Но не только во всем этом они сильно уступают нам: дело еще в том, что они не способны переносить голод, жажду, холод или жару, как можем мы. Им требуется прохлада и кров, они нуждаются в хлебе из теста, в вине и масле, и если чего-нибудь из этого им недостает, они погибают; для нас же, напротив, любые травы или корни служат хлебом, сок любого растения маслом, любая вода вином, всякое дерево домом. Более того, этот край нам родной и он наш союзник, а для них он неведом и враждебен. Что же до рек, то мы переплываем их гольшом, а они с трудом переправляются через них даже в лодках. Поэтому выйдем на них, смело доверившись удаче. Покажем им, что они зайцы и лисицы, а пытаются править псами и волками».

Закончив говорить, она занялась чем-то вроде гадания, выпустив из складок своего одеяния зайца; и после того, как он побежал в ту сторону, которую они считали благоприятной, вся толпа закричала от радости, а Боудикка, воздев руку к небу, сказала: «Благодарю тебя, Андраста, и зываю к тебе как женщина к женщине; ибо правлю я не носильщиками-египтянами, как Нитокрис, и не торгошами-ассирийцами, как Семирамида (ведь мы уже так много узнали от римлян!), и тем более не самими римлянами, как некогда Мессалина, потом Агриппина, а теперь Нерон (который, хоть и называется мужчиной, на деле женщина, что доказывает его пение, игра на кифаре и украшательство себя); нет, те, кем я правлю —



бритты, мужи, которые не умеют возделывать землю или заниматься ремеслом, зато сполна постигли искусство войны и всем владеют сообща, даже детьми и женами, так что те обладают такой же доблестью, что и мужчины. И вот, как царица таких мужей и таких жен, я заклинаю и прошу тебя о победе, о сохранении [нашей] жизни и свободы и поражении мужей надменных, несправедливых, ненасытных, нечестивых, — если, конечно, мы должны называть мужами этих людей, которые купаются в теплой воде, едят изысканные лакомства, пьют несмешанное вино, мажут себя елеем, спят на мягких ложах с отроками вместо наложниц, — отроки тратят на это свою юность, — и являются рабами игреца на кифаре и к тому же бедняка. Поэтому пускай эта царица Домиция-Нерон больше не правит ни мною, ни вами, мужи; пускай эта девка распевает и распоряжается римлянами, ибо они воистину достойны быть рабами такой женщины, после того как подчинялись ей так долго. Но для нас, Госпожа, ты одна будь всегда нашей повелительницей».

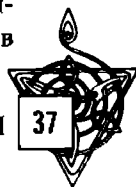
Закончив воззвание к свосму народу такого примерно содержания, Боудикка повела свое войско против римлян; ибо тем случилось быть без предводителя, поскольку Паулин, их военачальник, ушел в поход на Мону, остров рядом с Британией. Это дало ей возможность опустошить и разграбить два римских города и, как я сказал, учинить неопишемую резню. Те, что были захвачены бриттами в плен, были подвергнуты всем известным видам поругания. Наихудшее и самое зверское злодеяние, совершенное их захватчиками, было следующее. Они подвешивали самых благородных и именитых женщин обнаженными, затем отрезали им груди и пришивали к их



ртам, чтобы казалось, будто жертвы поедают их; после этого они насаживали женщин на острые колья, пронзавшие их насквозь во всю длину тела. Все это они совершали вкупе с жертвоприношениями, пиршествами и развратом во всех своих священных местах, но особенно в роще Андате. Так они именовали Победу и чтили ее с исключительным благоговением.

И вот случилось, что Паулин уже привел Мону к повиновению, и поэтому, узнав о бедствии в Британии, он сразу же отплыл с Моны туда. <...>

После этого армии стали приближаться одна к другой — варвары с громкими криками вперемешку с грозными боевыми песнями, а римляне молчаливым строем, — покуда не подошли на расстояние броска вражеского копья. Затем, когда враги все еще наступали на них шагом, римляне бросились по сигналу вперед и на полном ходу напали на них, и когда сшиблись с противником, то легко прорвались сквозь его ряды; но, поскольку они были окружены огромным числом врагов, им пришлось сражаться сразу повсюду. Борьба их приняла множество форм. Легковооруженные воины обменивались дротиками с легковооруженными, тяжеловооруженные противостояли тяжеловооруженным, конница сшибалась с конницей, а против колесниц варваров сражались римские лучники. Варвары атаковали римлян натиском своих колесниц, беспорядочно стреляя, но поскольку сражались без нагрудников, бывали сами отогнаны стрелами. Всадник опрокидывал пехотинца, а пехотинец сражал наземь всадника; группа римлян, составленная тесным строем, пробивалась навстречу колесницам, а другие были рассеяны ими; толпа бриттов приходила в



соприкосновение с лучниками и рассеивала их, тогда как другие довольствовались тем, что уклонялись от их стрел на расстоянии; и все это происходило не в одном только месте, но во всех трех дивизионах сразу. Сражались долго; обе стороны вдохновлялись одинаковыми рвением и отвагой. Но в конце концов на исходе дня одолели римляне; и многих они убили в сражении возле повозок и леса, а многих захватили в плен живьем. Впрочем, немало [врагов] спаслось бегством и готовилось сражаться снова. Тем временем, однако, Боудикка разболелась и умерла. Бритты горько оплакивали ее и устроили ей пышные похороны; но чувствуя, что теперь наконец они в самом деле разгромлены, рассеялись по своим домам.

ПРИМЕЧАНИЯ

Извлечение из «Римской Истории» Диона Кассия (Эпитама Книги LXII). Дион, родом грек из Вифинии, родился между 155 и 164 гг. н. э., умер ок. 230 г. Раньше Диона Кассия те же события описал Корнелий Тацит в «Анналах» (Книга XIV) и в «Жизнеописании Юлия Агриколы» (15—16). Дион включил в свое повествование речи главных героев и многие детали, которых нет у Тацита, а главное — «Дион Кассий оставил нам портрет Боудикки, который справедливо был назван самым драматическим изображением кельтской героини в классической литературе». «Судя по Картимандуе и Боудикке, британские женщины едва ли уступали своим галльским сестрам в силе личности и политическом и военном престиже» [8, с. 48].

В собственно бриттской традиции (в том числе у Гальфрида и его продолжателей) память о Боудикке не сохранилась, хотя царицы, подобные ей, — совершенно бриттские по архетипу; в Уэльсе известна,



например, Элен Лидауг (Элен с Великим Воинством), которая совершала походы и в Иерусалим, и в Скандинавию (см. примечание ниже).

О Картимандуе, царице племени бригантов см.: Тацит. *Анналы*. Кн. XII, 36; *История*. Кн. III, 45.

Перевод сделан по изданию: Dio's Roman History / Transl. by E. Cary. On the basis of the version of Herbert B. Foster: In 9 vols. London; Cambridge, 1955. Vol. 8. P. 82—105.

...детская потеха. — Имеются в виду известные развлечения тогдашнего римского императора Нерона (54—68 гг.). См. о нем, например, в «Жизни двенадцати цезарей» Светония, в «Анналах» и «Истории» Тацита.

...в Британии случилось ужасающее бедствие. — События, о которых повествует Дион Кассий, произошли в 61 г. н. э. в юго-восточной части Британии, в области, населенной бриттскими племенами иценов и триновантов. Со времени первых римских походов в Британию (Юлий Цезарь, 55—54 гг. до н. э.) римляне уже основательно там закрепились (император Клавдий, 43 г. н. э.).

Два города были разграблены... — Тацит сообщал, что бритты опустошили и разграбили города Камулудун (Колчестер), Лондиний (Лондон) и Веруламий (Сент-Олбенс). Дион Кассий имел в виду Камулудун и Веруламий (Лондиний не считался колонией).

...сделался вдруг кроваво-красным. — Далее следует не очень убедительное («меркантильное») объяснение причин восстания, опущенное нами. Тацит (*Анналы*, XIV, 31) о причинах бриттского восстания писал следующее: «Царь иценов Прасутаг, славившийся огромным богатством, назначил в завещании своими наследниками Цезаря [т. е. Нерона] и двух дочерей, рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от насилий. Но вышло наоборот, и царство стали

грабить центурионы, а достояние — рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия. Прежде всего была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных именов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают обращаться как с рабами. Возмущенные этими оскорблениями и страшась еще худших, поскольку их земля стала частью провинции, иены хватаются за оружие и привлекают к восстанию тринобантов...» (пер. с лат. А. С. Бобовича) [40, с. 344].

Боудикка — в оригинале «Будуика», но мы выбрали вариант Тацита; третий вариант — «Боадикея». Имя Боудикки, вероятно, происходит от древнебриттского корня *bid* со значением «победа, приобретение» [91, р. 28].

Боудикка была царицей именов — племени, занимавшего земли в нынешних графствах Норфолк и Суффолк, Кембридж и Хантингдон.

Ср. описание Боудикки с описанием славной королевы Медб в ирландской эпосе «Похищение Быка из Куальнге»: «...приблизилась ко мне женщина, высокая, прекрасная, длиннолицая, бледная, с золотистыми прядями волос. На ней был пурпурный плащ, а в нем на груди золотая закладка. Прямое, остроконечное копье сверкало в ее руке» [31, с. 274—275]. Когда королева присела по малой нужде, «отошла моча у Медб и оставила на земле три борозды, да таких огромных, что любая вместила бы дом. С тех пор и зовется то место Фуал Медба» [31, с. 323].

Ср. также описание галльских женщин у Аммиана Марцеллина: «Когда один из них [галлов] поссорится с другим и ему станет помогать его жена, которая сильнее его и голубоглаза, то целая толпа чужеземцев не справится с ними, особенно когда та, гневно откинув голову, скрежеща зубами и размахивая белоснежными и могучими руками, начнет наносить кулаками и ногами удары не слабее снарядов ката-



пульты, выбрасываемых при помощи скрученных жил. Голос у большинства звучит резко и угрожающе...» (Римская История, XV, 12, 1—2).

Возможно, британский историк Гильдас (VI в.) имел в виду Боудикку, когда писал, что некогда «вероломная львица... убила правителей, которых оставили для поддержания и укрепления римской власти» в Британии [4, с. 212, 313].

...ее неизменное одеяние. — Описание облачения Боудикки полностью соответствует тому, что мы знаем о кельтах Британских островов. В Ирландии «мужчины и женщины носили leipe, льняную нательную рубашку, inag, короткую тунику, а на них надевался шерстяной плащ (brat), закреплявшийся брошью (delg), зачастую служившей драгоценным украшением» [8, с. 135]. Особенно много на всей территории бывшей кельтской ойкумены найдено брошей или заколок (фибул) характерного вида.

Здесь уместно привести выдержку из книги выдающегося ученого-археолога Марка Щукина (1994): «Когда смотришь на изделия кельтских мастеров, на золотые или бронзовые гривны, браслеты, фибулы, сразу возникает ощущение некой ирреальности. Ты видишь сначала изысканные, ритмично асимметричные изгибы, причудливо разворачивающиеся и сворачивающиеся криволинейные плоскости и выпуклости. Но вдруг из их сочетания проглядывают какие-то маски фантастических существ, то ли людей, то ли животных, с громадными выкаченными глазами, с лихо закрученными усами. Такое искусство, полное двусмысленности, могли создавать и воспринимать люди необычайной душевной утонченности, с глубоким мистическим мироощущением. Не случайно... знаменитый знаток кельтского искусства Пауль Якобсталь назвал этот феномен „стилем Чеширского кота“» [46, с. 15—16].

Любопытно, что именно территория племени иценов оказалась едва ли не самой богатой в Британии по находкам украшений и изделий

из драгоценных металлов, что указывает «на благосостояние правящей династии» [8, с. 363].

...и сказала следующее... — Мы опускаем первую, менее интересную часть воззвания Боудикки к народу, в которой она между прочим говорит: «...несмотря на то, что мы населяем такой большой остров или, можно сказать, материк, который окружен морем, и хотя мы владеем воистину нашим собственным миром и отделены океаном от остального человечества так, что там полагали, будто мы обитаем на другой земле и под другим небом, и даже мудрейшие люди внешнего мира до сих пор не знали точно, каким именем мы называемся, — несмотря на все это, мы были унижены и попраны ногами людей, которые не знают ничего, кроме наживы» [59, р. 89].

В «Триадах Острова Британия» говорится, что первым из Покрытых Позором Людей острова был «Аварви, сын Луда, сына Бели. Он первый призвал Юлия Цезаря и людей Рима на этот остров и учинил ежегодную выплату дани с этого острова в три тысячи фунтов, по причине ссоры со своим дядей [королем] Касваллауном» [53, р. 132]. Об этих событиях см. у Ненния и Гальфрида [3].

...вся толпа закричала от радости... — Описанное Дионом гадание с помощью зайца иногда комментируют так: «Древние бритты использовали зайцев для гадания, и по этой причине никогда не ели зайчатины» [47, с. 142]. Имеется в виду фраза Юлия Цезаря о том, что у бриттов «есть зайцев, кур и гусей считается грехом, однако их держат для забавы» (О Галльской войне, V, 12).

На Британских островах вплоть до новейшего времени было распространено мнение, что ведьмы охотнее всего обращаются именно в зайцев [47, с. 142]. Джон Рис писал (1901): «В Уэльсе только женщины способны становиться зайцами, и эта способность встречается, насколько я знаю, в определенных семьях. Я знал много таких [семей], и моя



собственная нянька принадлежала к одной из них, так что мою матушку считали довольно-таки безрассудной за то, что доверяла меня „Займихе“, — ведь та могла в любой момент удрать, предоставив своему питомцу самому присматривать за собой» [85, I, p. 294].

Андраста. — Это имя кажется греческим и может означать «мужеподобная», как и лат. *virago*.

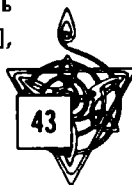
Нитокрис — легендарная египетская царица из VI Династии Древнего Царства, правившая во второй пол. III тысячелетия до н. э., предположительно в XXIII в. Египетский жрец-историк Манетон (III в. до н. э.) охарактеризовал ее так: «У нее было более мужества, чем у мужчин ее времени, и она была самой прекрасной из всех женщин, белокурая и румяная. Утверждают, что она построила третью [великую] пирамиду». Согласно Геродоту, египтяне, дабы возвести ее на трон, убили ее брата (фараона Меренра II). Став царицей, она жестоко расправилась с убийцами, а затем покончила с собой (см.: Геродот, История, II).

Семирамида — легендарная основательница и царица Вавилона. По одной из версий, жила ок. 2000 г. до н. э.

Мессалина — жена императора Клавдия, предшественника Нерона (Клавдий правил в 41—54 гг. н. э.). По словам Тацита, в Риме «вспоминали о безволии Клавдия, его подчиненности жене и о многих казнях, совершенных по настоянию Мессалины» (Анналы, XI, 28). Однако, по словам Светония, «узнав, что в заключение всех своих беспутств и непристойностей она даже вступила в брак с Гаем Силием и при свидетелях подписала договор, он казнил ее смертью» (Клавдий, 26).

Агриппина — жена императора Клавдия после казни Мессалины. О могуществе Агриппины см. Анналы Тацита, Кн. XIII.

«...и всем владеют сообща, даже детьми и женами...» — Цезарь писал в «Записках о Галльской войне» (V, 14): «Жен они [британцы],



человек по десять или двенадцать, имеют общих, особенно братья с братьями и родители с сыновьями; родившиеся от таких союзов считаются детьми тех, кто взял за себя их мать девипей».

«...обладают такой же доблестью, что и мужчины». — К.-Ж. Гюйонварх и Ф. Леру писали: «Отнюдь не будучи сокрыта в гинекее и не являясь прислужгой, как в некоторых полигамных обществах, ирландская, бретонская [бриттская. — С. Ш.] или галльская женщина имела четко определенный статус, который был равен статусу мужчины: она могла завешать, наследовать, пользоваться своим имуществом и прислужгой, иметь профессию. Она даже имела доступ к священству, обладая даром предвидения. С другой стороны и как следствие этих свобод, в Ирландии до VII века женщина-земле-владелица была военнообязанной» [15, с. 85—86].

...эта царица Домиция-Нерон... — Боудикка называет Нерона «Домицией» потому, что родовое имя Нерона было Домиций.

...Боудикка повела свое войско... — Тацит писал: «Боудикка, поместив на колеснице впереди себя дочерей, когда приближалась к тому или иному племени, восклицала, что британцы привыкли воевать под предводительством женщин...» (Анналы, XIV, 35); «ведь применительно к верховной власти над войском они не делают различия между полами» (Жизнеописание Юлия Агриколы, 16).

Современницей Боудикки была царица племени бригантов Картимандуя. Красноречивый рассказ о ней содержится в «Истории» Тацита (Кн. III, 45). Ср. знаменитую царицу Элен Лидаук, по преданию — св. Елену, мать императора Константина. Эдвард Джонс писал (1802): «Передают, что Козл Колебок, герцог Колчестера, а впоследствии король Британии, имел единственную дочь, которую почитали красивой женщиной своего времени, весьма искусную в музыке и других свободных искусствах. Бритты звали ее Elen Luyddauc, Элен с Великим



Воинством, — его она повела из Британии в поход на Иерусалим, где, как говорят, она пашла крест, на котором пострадал Христос. Затем она стала женой Констанция Хлора (ок. 306 г.), а сыном их был Константин Великий. Множество мест [в Уэльсе и Корнуолле] до сих пор носит имя этой леди» [70, р. 7]. Триады Острова Британия сообщают, что Элен вместе с Максеном Вледигом повела войско в «Лохлин» (Скандинавию), и никто из них более не вернулся на остров [53, р. 77].

Паулин — Светоний Паулин, в то время наместник римской Британии. Его поход на остров Мону (Англси), который был сакральным центром Британии, красочно описан Тацитом в «Анналах»: «На берегу стояло в полном вооружении вражеское войско, среди которого бегали женщины; похожие на фурий, в траурных одеяниях, с распущенными волосами, они держали в руках горящие факелы; бывшие тут же друиды с воздетыми к небу руками возносили к богам молитвы и исторгали проклятия. Новизна этого зрелища потрясла наших воинов, и они, словно окаменев, подставляли неподвижные тела под сыплющиеся на них удары. Наконец, вняв увещаниям полководца и побуждая друг друга не страшиться этого иступленного, наполовину женского войска, они устремляются на противника, отбрасывают его и оттесняют сопротивляющихся в пламя их собственных факелов. После этого у побежденных размещают гарнизон и вырубают их священные роци, предназначенные для отправления свирепых суевренных обрядов: ведь у них считалось благочестивым орошать кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям. И вот, когда Светоний был занят выполнением этих дел, его извешают о внезапно охватившем провинцию возмущении» (Анналы, XIV, 30; пер. А. С. Бобовича).

Мона (Англси) — крупный остров у северо-западного побережья Уэльса, отделенный от материка проливом Menai. «Остров был тверды-

ней друидов и на протяжении истории сохранял исключительное положение как чрезвычайно плодородная область (отсюда он известен как *Mon tath Suthu*, „Мона, мать Уэльса“), защищенная от нападения преградою гор» [60, р. 291]. Возможно, полагала Франсуаза Леру, что особую ожесточенность и «религиозный характер» британская война 61 г. приобрела из-за того, что римляне разрушили сакральный центр бриттов на острове Мона [14, с. 78].

Так они именовали Победу... — Это омерзительное ритуальное умерщвление римских матрон имеет сходство с известной из античных и кельтских источников «тройственной смертью» (об этом см., например, в работах Т. А. Михайловой [22, с. 192—204; 33, с. 260—266]).

Об Андрасте (или Андате) и ее культе больше ничего не известно; однако иногда эту богиню связывают с ирландскими богинями Морриган и Ану («Сосцы Морриган» и «Сосцы Ану» на карте древней Ирландии). По одной смелой версии XVII в., Стоунхендж был храмом британской богини Победы (см. примечание к «Стоунхенджу» в наст. изд.). Вильям Камден в своей «Британии» (1590) писал, что Андате-Андраста имела еще британское имя Анарайт [56, р. 356].

Что касается священной роши Андате, см. знаменитое описание галльского леса близ Массилии (Марселя) в поэме Лукана «Фарсалия» (III, 399—425):

Был этот сумрачный лес окроплен человеческой кровью... и т. д. [18, с. 61—62].

Все, что мы знаем о кельтской религии, писали К.-Ж. Гюйонварх и Ф. Леру, «служит доказательством того, что это была религия изошренная, разработанная, обладающая ритуалами, священными текстами и ясными доктринами» [15, с. 59].

...отплыл с Моны туда. — Далее у Диона Кассия следует рассказ о приготовлениях Паулина к битве с бриттами, а также три



ого речи к трем римским дивизионам, на которые он разделил свое войско. Эту часть рассказа мы опустили.

...с громкими криками вперемешку с грозными боевыми песнями... — Ср. с описанием воинства галлов III в. до н. э. у Полибия:

...число трубачей и свирельщиков было у них невообразимо велико, а когда все войско разом исполняло боевую песню, поднимался столь сильный и необыкновенный шум, что не только слышались звуки свирелей и голоса воинов, но звучащими казались самые окрестности, повторявшие эхо. Ужасны были также вид и движения нагих людей, стоявших в первом ряду, блиставших цветущим здоровьем и высоким ростом. В первых рядах не было ни одного воина, который бы не имел на себе золотого ожерелья или браслетов» (Всеобщая История, II, 29; пер. Ф. Г. Мищенко). Ср. также о галлах у Тита Ливия: «Они высокого росту; их длинные, крашенные в рыжий цвет волосы, огромные щиты, непомерно длинные мечи, к тому еще их боевые песни перед началом сражения, громкие выкрики, пляски, ужасный звук оружия, который получается оттого, что они по обычаю особым образом стучат в щиты, — все это у них именно затем, чтобы внушить страх» (Ab Urbe condita, XXXVIII, 17; пер. А. И. Солопова).

...натиском своих колесниц... — Еще Диодор Сицилийский писал в I в. до н. э. о бриттах: «В сражениях они используют колесницы, словно древние эллинские герои во время Троянской войны, как о том сообщают мифы...» То же самое Диодор писал о галлах: «В путешествиях и сражениях галлы пользуются двуконными повозками, а на колесницах находятся возничий и боец» (Историческая Библиотека, V, 21 и 29; пер. О. П. Цыбенко).

Колесница с двух конях с воителем и возничим часто фигурирует в архаичном Ульстерском цикле ирландских сказаний (см.: Кухулин и Лойг).



Юлий Цезарь подробно описал тактику боя с колесниц, которую наблюдал у бриттов (О Галльской войне, IV, 33).

В Британии обнаружены остатки погребений с колесницами (как, например, в Райдинге) и другие находки, «удостоверяющие сохранение традиции боя с колесниц» [8, с. 362].

Но в конце концов... одолели римляне... — Ср. то, что писал Тит Ливий о войнах римлян с галлами: «Теперь-то уже мы знаем по опыту, что в пылу слепой ярости они растрачивают все силы при первом натиске, а если уж ты его выдержишь, то, утомленные, истекают потом, и оружие валится у них из рук. Они сникают, лишь только утихнет первый порыв ярости; зной, пыль и жажда валят их, обессиленных, наземь и без твоего удара. Не только войска наши мерялись силами с их войсками, но и в единоборстве Тит Манлий и Марк Валерий показали, насколько римская доблесть сильнее галльского бешенства» (*Ab Urbe condita*, XXXVIII, 17; пер. А. И. Солопова).

...в сражении возле повозок... — На этих повозках, согласно Тациту, находились жены бриттов: бритты «были преисполнены такой самоуверенности, что взяли с собою жен, дабы те присутствовали при их победе, и посадили их на повозки, находившиеся у краев поля» (Анналы, XIV, 34).

...Бодикка разболелась и умерла. — Тацит писал: «Бодикка лишила себя жизни ядом» (Анналы, XIV, 37).

БЛАДУД



Никогда не случалось
такой странной вещи —
чтобы огромный орел заговорил,
сев на стену замка,
так что король Руггудибрас
сам это слышал
и все его воины,
что были с ним.
Эта птица предсказала
смерть короля.
Руггудибрас вскоре умер;
народ его горевал.
Его сына звали Бладуд;
то был самый беспокойный человек.
Он был силен и огромен,

богат он был и могуществен.
Он знал колдовское искусство,
так что беседовал с Нечистым,
и все, что он хотел,
Нечистый рассказывал ему.
Этот самый король Бладуд
устроил [в Бате] купальни
через великую хитрость —
с помощью камня,
огромного, как бревно,
который он положил в родник.
Камень тот делал воду горячей
и целебной для людей.
Он создал рядом с банями храм
во имя одной язычницы.
Каково бы ни было ее имя,
Минервой называли ее.
К ней он имел любовь
и Госпожой ее звал.
В том храме он повелел зажечь
пылающий огонь,
который никогда не гасили,
ни зимою, ни летом,
но всегда поддерживали тот огонь,
как повелел король,
в честь его госпожи,
что была мила его сердцу.
Так сделал Бладуд-король,
и это стало повсюду известно.



Когда он это сделал,
задумал потом он другое:
он похвалился, что полетит
наподобие птицы,
так что все люди смогут это увидеть,
и как он летает, узрят.
Он сделал себе крылья
и через то обрел срам великий!
К Лондону он пошел
со многими из своих людей.
Он надел на себя свои крылья
и начал там свой полет.
В хитром полете своем
поднялся он в небо,
взлетел он очень высоко,
к небосводу был совсем близок.
Ветер подул на него противный —
слабее он стал лететь;
лопнули веревки,
которыми он затянулся,
и упал он на землю, — погиб король, —
упал на то место,
что было в Лондоне,
на храм Аполлона
(то был могучий демон).
Король пал на крышу
и разбился вдребезги.
Так королевство это
лишилось своего короля.



*Двадцать зим держал Бладуд
это королевство в руках
после своего отца Руггудибраса,
что был сыном Леила, великого короля.*

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИЗ АНОНИМНОЙ РУКОПИСИ XVII в.

Бладуд, иначе Блуда, сын и наследник Руда Гудибраса, будучи поражен проказою, был, подобно Навуходносору, изгнан из среды людей и стал свинопасом близ Бата, который был тогда болотом, или трясиной из горячей воды, в которой часто валялись его свиньи; и одна из них, будучи паршивой, излечилась посредством этого; после чего Бладуд, испробовав это средство, также излечился; и тогда он построил храм и посвятил его солнцу как божеству жара Батских вод и здравия, каковое он вернул себе с помощью оных; когда же умер его отец, Бладуд стал править вместо него [48, II, p. 489].

ПРИМЕЧАНИЯ

Извлечение из «Брута» Лайамона. В этом случае, ввиду небольшого объема текста, мы сочли возможным расположить его построчно, как в оригинале. Перевод сделан по изданию: Layamon's Brut, or Chronicle of Britain <...>. Vol. 1. P. 120—123.

Руггудибрас (Ruhhudibras) — иначе Руд Гудибрас, или Рун Баладир Брас (Рун Широкое Копье), сын Леона, один из двадцати четырех легендарных королей Британии. Орел прилетел тогда, когда этот король строил замок Шафтсбери (ныне город в графстве Уилтшир).



Текст орлиного пророчества сохранился; оно было известно Гальфриду Монмутскому, который, однако, не считал его достоверным [3, с. 22]. Это пророчество весьма напоминает своим содержанием пророчество Мерлина из «Истории бриттов» Гальфрида [3, 74—82].

Бладуд — иначе Блейдуд (Bleiddudd: из blaidd, «волк», и iudd, «господин»; распространенное в средневековом Уэльсе имя). Один из легендарных королей Британии, отец короля Лира [3]. Согласно валлийской «Хронике королей», Бладуд погиб на 1435 г. после Потопа.

Скорее всего, Гальфрид не «изобрел» Бладуда, а использовал древнее предание о нем. Леланд называл Бладуда великим знатоком натурфилософии, а Камден — «Блейденом Магом» (Bleyden Cloyth) [56, p. 166].

О Бладуде продолжали слагаться легенды в XVII и XVIII в. Текст, следующий в приложении к «Бладуду» (см. выше), находится в анонимной рукописи XVII в., озаглавленной «Измышление гаупца о Стоунхендже» (букв. «Стрела дурака, пушенная по Стоунхенджу» [48, II, p. 489]. Позже, в 1747 году, архитектор из Бата Джон Вуд выпустил книгу («Choir Gaue»), в которой писал, что король Бладуд, «прославленный основатель горячих купален и города Бата, равно как и древнего университета в Стамфорде», и Абарис, гиперборейский жрец Солнца, — одно и то же лицо. С юности одаренный пророческим даром, писал Вуд, Бладуд сделался знаменит своими пророчествами по всей Греции, где построил различные храмы, в том числе великий Дельфийский храм. В Греции он получил имя «Абарис» и был посвящен в Самофракийские таинства, после чего возвратился в Британию, наследовал отцовский престол и основал орден друидов. Бладуд-Абарис учил бриттов свободным искусствам, создал для них огромную модель Вселенной, используя глыбы мрамора, поднятые



из пещеры Wookey Hole, которую он сделал таинственным местом инициации [80, р. 10—11].

Согласно свидетельствам Ликурга, Геродота, Пиндара и других, Абарис действительно прибыл в Элладу из Гипербореи (которую и сейчас многие ученые отождествляют с Кельтикой или Британией); некоторые из сообщений об Абарисе соотносимы с Бладудом — например, прозвище Абариса «Небоход»: «потому что, летая на дарованной ему стреле Аполлона Гиперборейского, он переправлялся через реки, моря и непроходимые места, в некотором смысле ходя по воздуху», сообщает Ямвлих [42, с. 96—97].

Что говорят о Бладуде старинные источники?

Гальфрид Монмутский писал в «Истории бриттов»: «Наследовал Гудибрасу его сын Бладуд, который правил затем двадцать лет. Он основал город Каербадум, который ныне называется Бат, и устроил в нем горячие бани для общего пользования. Он препоручил их покровительству богини Минервы, в чьем храме поместил неугасаемые головни, которые никогда не превращались в золу, но, остывая, становились каменными глыбами...» (ср. примечание ниже). «Король Бладуд был человеком больших дарований. Он научил Британию колдовству и был тароват на всевозможные выдумки, пока не попытался, изготовив для себя крылья, воспарить высоко в небо, но упал в Тринованте на храм Аполлона и разбился так, что от него ничего не осталось» [3, с. 22].

Кроме того, в стихотворной «Жизни Мерлина» Гальфрид Монмутский сообщал:

*Бани построил Бладуд в те годы, когда царский держал он
Жезл, и вода, получив по жене его имя Аларон,
Часто являла с тех пор свои целебные свойства,
Против недугов любых помогая, но более женских*

(пер. с лат. С. А. Ошерова) [3, с. 156].



Один из продолжателей Гальфрида, Понтик Вирунный прибавляет, что Бладуд умел менять свой облик подобно Протею, умел вызывать тени мертвых, умел превращать одни вещи в другие, останавливать реки и птиц и возмущать стихии [83, р. 95].

Валлийская рукопись о «Двадцати четырех могущественнейших королях Британии» (XV в.) сообщает: «Блейдуд, сын Руна, сына Асона, был могучий король, великий силой своей и искусством. Он основал град на берегу реки Баддон и назвал его Каер Бадон и устроил своим волшебным искусством горячую купальню. Он сделал себе крылья, чтобы лететь к Лондону, и там он сломал себе шею о кровлю [храма] Аполлона, будучи не в силах приземлиться, ибо не имел хвоста» [92, р. 178].

...устроил [в Бате] купальню... — Валлийская «Хроника королей» добавляет: «И под этими банями он поместил огонь, который никогда не превращался ни в искры, ни в золу, но когда он начинал выгорать, тогда он заново разгорался в раскаленных каменных глыбах» [54, р. 33]. Бладуд, как говорит эта Хроника, «не престававал изобретать разнообразные хитрости и диковины» [54, р. 34].

Бат (бритт. *Baddon*, лат. *Badonia*) — известный еще римлянам курорт в южной Британии, между Сомерсетом и Уилтширом (*Aqua Sulis*). Солин Полигистор писал о горячих источниках в Британии, главный из которых посвящен Минерве, и о храме Минервы с неугасимым огнем, разгоравшимся в круглых камнях [56, р. 166].

Возможно, «гора Бадон» (место великой битвы короля Артура с саксами) и есть Бат (*Caer Baddon*). Неподалеку от Бата находятся аббатство Гластонбери и Стоунхендж.

Аноним XVII в. (см. выше), написавший исследование о Бате и Стоунхендже, предположил, что «когда язычники саксы покорили весь этот остров, кроме Бата и прилегающих мест, и под конец подошли близко к Бату... то Господь в Своем великом гневе иссушил воды жизни

и здоровья», так что сбылось пророчество Мерлина, произнесенное незадолго до этого: «Остынут купальни Бадона, и целебные воды их станут смертоносными»; «и эти варвары саксы в своей ярости сожгли город дотла, так что ничего от него не осталось, кроме старинных британских названий в древних историях...» [48, II, р. 488—489].

...*Минервой называли ее...* — Какой богине поклонялся Бладуд?

Г. Бондаренко пишет: «В 1999 году по крайней мере две магические надписи из источника в Бате, посвященного богине Минерве, были признаны британскими. Однако эти уникальные тексты на британском языке пока что не переведены и не опубликованы» [15, с. 106].

Скорее всего, «Минерва» и «Аполлон» в предании о Бладуде скрывают имена кельтских божеств, как у Цезаря в «Записках о Галльской войне» (VI, 17): «Из богов они [галлы] больше всего почитают Меркурия... Вслед за ним они почитают Аполлона, Марса, Юпитера и Минерву. Об этих божествах они имеют приблизительно такие же представления, как остальные народы: Аполлон прогоняет болезни, Минерва учит начаткам ремесел и искусств, Юпитер имеет верховную власть над небожителями, Марс руководит войной» (пер. М. М. Покровского). Камилл Жюллиан полагал, что великая галльская богиня, упомянутая Цезарем под именем Минервы, была не только богиней искусств и ремесел, но и богиней войны [44, с. 247].

Минерву, которую чтит Бладуд, можно отождествить с ирландской Бригитой, дочерью Дагды: «И эта Бригит — женщина мудрости, то есть богиня, которую обожают поэты. Вот почему ее зовут богиней поэтов... Ее сестрами были Бригит-целительница и Бригит кузнечного дела» (Словарь Кормака, ок. 900 г.). Негасимый огонь в храме «Минервы» Бладуда горел также в святилище Бригиты (Ирландия, Киллар). Когда здесь был основан монастырь святой Бригиты, негасимый огонь поддерживался на том же месте двадцатью монахинями (как прежде,



вероятно, поддерживался друидессами). «По легендам, над головой Бригиты сверкал не нимб святости, а огромный огненный столб» [32, с. 13]. «Бригита ассоциируется с возвышенностями, огнем, светом и термальными водами» [11, с. 54—55].

В Галлии Бригита-Минерва носила прозвища Белисама («Ярко сияющая») или, во множественном числе, *Suleviae*; а *sul* во всех кельтских языках значит «солнце» (в ирландском *suil* — «глаз») [15, с. 165]. Римляне называли Батские воды *Aquae Sulis*, и почти нет сомнений в том, что Батская Минерва — Минерва Бладуда — была Бригитой либо ее аналогом.

М. Диллон и Н. Чедвик пишут: «Местная религия, очевидно, сосуществовала с римскими культами, не пересекаясь с ними; продолжали строиться местные храмы и святилища» [8, с. 69]. Возможно и то, что Минерва, чтимая в Бате, была синкретическим (бритто-романским) божеством.

Имея в виду британских богов (либо друидов), св. Гильдас писал: «Я не буду говорить о поистине дьявольских чудесах моей родины, по числу которых она почти превзошла Египет, о тех уродливых созданиях, что до сих пор [VI в.] ютятся внутри или вовне опустевших городов и по присущему им обычаю пугают всех своим видом» (пер. В. Эрлихмана) [4, с. 211—212].

...и начал там свой полет... — Согласно «Хронике королей», Бладуд предпринял свой полет «с вершины одной высокой башни в Лондоне». Ср., однако, примечание выше: «Он сделал себе крылья, чтобы лететь к Лондону...»

Аполлон — возможно, это общекельтский бог Бел (Белен). В Галлии, во всяком случае, с Аполлоном отождествлялся именно Белен [8, с. 174]. Так, галло-римский поэт IV в. Авсоний об одном из риториков Бурдигалы (Бордо) писал:

*Друидов Байокасских был ты отпрыском,
Коли не лжет предание;
Твой род — жрецы в кумирне бога Белена;
Вот почему зовешься ты
Патерой — это имя Аполлонова
Служителя при таинствах*

(пер. М. А. Гаспарова) [1, с. 37].

Индоевропейское * bhel имеет значения «белый» и «сверкать». На Британских островах праздник Бельтан (в ночь на первое мая) был посвящен встрече летнего солнца и сопровождался кострами; традиционная этимология «Бельтана» (у Кормака и Китивга) — «Огонь Бела» [73, II, p. 247—249].

В. П. Калыгин пишет: «В Галлии (совр. департ. Cote d'Or) засвидетельствовано имя божества Vindonnos, связанного с источниками — Deo Apollini Vindon[no]. По всей видимости, Vindonnos является ипостасью бога, известного в interpretatio romana как Apollo и носящего, среди прочих, имя Albios (белый)» [33, с. 89, 110].

Король пал на крышу... — Собор св. Петра в Лондоне был построен (говорится в одной поэме XIV в.) на месте храма Аполлона, на который упал Бладуд [66, p. 350].

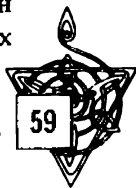
Леил — отец Руда Гудибраса, дед Бладуда; его имя сохранилось в названии города Каер Леил (ныне Карлайл), который он, согласно преданию, построил [3, с. 21].

СТОУНХЕНДЖ



Король Аврелий пошел к Амбресбери, к месту погребения милых друзей своих, которых умертвил там ножами Хенгист. Он повелел, чтобы тотчас разузнали о людях, которые могут тесать камни, а также о добрых умельцах, которые могут работать с топором; он задумал возвести здесь дивно прекрасное сооружение, которое сохранилось бы навсегда, пока живут люди.

Был тогда в Каер Леоне епископ по имени Треморион, муж весьма мудрый в мирских делах; он был [тогда] с королем на поле. И так Треморион, служитель Божий, сказал королю: «Теперь послушай меня, Аврелий, о чем я поведаю тебе, и я дам тебе лучший из всех совет; если хочешь, испытай его, он должен понравиться тебе. У нас есть один провидец, зовется он Мерлин; если кто-нибудь сможет найти его на этих просторах



и привести к тебе каким угодно образом, и если ты захочешь исполнить его волю, то он даст тебе лучший из всех совет, как тебе возвести такое прочное и стойкое строение, которое сохранится навсегда, пока живут люди».

Тогда король — слова эти пришлись ему по сердцу — ответил: «Дорогой друг Треморион, я все так и сделаю». Король поспешно разослал своих гонцов по всему свосму королевству и велел каждому человеку расспрашивать о Мерлине, и если люди смогут его найти, пусть приведут его к королю; он даст ему землю, и серебро, и золото и исполнит [любое] его желание на свете.

Гонцы разъехались повсюду; одни из них поехали прямо на север, а другие далеко на юг; одни из них поехали прямо на восток, а другие — на запад. Несколько гонцов вскоре приехали к Алабану — это чистый родник в Валлийской земле. Родник этот он [Мерлин] очень любил и часто купался в нем. Воины нашли его там, когда он сидел на берегу. Как только они его встретили, то учтиво приветствовали его, и тотчас сказали ему два воина так: «Будь здоров, Мерлин, мудрейший из людей! Через нас добрый король этой страны по имени Аврелий, благороднейший из всех королей, приветствует тебя и почтительно просит, чтобы ты пришел к нему; он даст тебе землю, серебро и золото, если ты пожелаешь подать королю совет в его королевском деле».

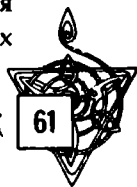
Тогда Мерлин ответил так, что огорчил воинов: «Меня не влечет ни его земля, ни его серебро, ни его золото, ничего из прочих его даров — ни его одежды, ни его кони; я и сам имею достаточно». Затем он долгое время сидел безмолвный. Воины стали бояться, что он хочет бежать. Когда же он дал



волю словам, речь его была благосклонна: «Вы два воина, что пришли сюда от короля; уже вчера до полудня я знал, что вы придете; и если бы я пожелал, то вы не смогли бы меня найти. Вы принесли мне привет от короля Аврелия. Я знал его свойства до того, как он явился на свет, и я знал также другого — его брата Утера; я знал их обоих до того, как они родились, хотя в глаза их никогда не видел. Но увы! увы! так уж суждено, что добрый государь не проживет долго! Теперь же я пойду и буду вашим попутчиком; я последую с вами к королю и исполню его желание».

Отправился Мерлин и воины с ним, и шли они, пока не прибыли к государю. Добрые вести пришли к королю; никогда прежде в жизни своей король не радовался так ни одному человеку, приходившему к нему! Король пошел к своему коню и выехал вместе со всеми своими воинами, чтобы приветствовать Мерлина. Король его встретил и учтиво приветствовал; он его обнял, поцеловал и приблизил к себе. Велико было ликование среди людей, и все ради прибытия Мерлина, который не был сыном человека. Жаль, что на свете не было мудреца, который бы знал, чьим сыном он [Мерлин] был, — лишь Господь один [знал это], Который все пронизает ясно!

Король повел Мерлина, который был ему дорог, в покой; и тотчас стал просить его учтивыми словами, дабы он помог ему постичь течение этой жизни и [рассказал] обо всех годах, что должны придти, ибо ему очень хотелось узнать об этом. Мерлин тогда ответил королю так, что его огорчил: «О Аврелий-король, ты просишь меня о странном; смотри не спрашивай больше о таких вещах. Ибо дух мой, который у меня в груди, поистине гневлив; и стоит мне похвалиться на людях



весело, игриво и красноречиво, тогда мой дух гневается, и замолкает, и лишает меня разума, и пресекает мои мудрые речи; тогда я не в силах произнести ни слова. Но оставим все это, — молвил Мерлин королю, — ведь если кому-нибудь понадобится и человек попросит меня с кротостью, когда я буду безмолвен по своей вине, как я тогда расскажу о том, что случится в будущем? Но я посоветую тебе в твоей ближайшей нужде и скажу тебе прямо, что у тебя на сердце. Близ Амбресбери есть равнина, что широка и весьма приятна [на вид]. Там полегла под ножами твоя родня. Многих храбрых бриттов заманили там в смертную западню. И поэтому думаешь ты прославить это место и почтить павших дивным строением, что простояло бы там до конца света. Но у тебя нет ни единого человека, который что-нибудь понимал бы в этом и мог бы создать сооружение, которое никогда не разрушится. Но я посоветую тебе в такой нужде, ибо я знаю строение в виде дивного кольца, и стоит оно далеко в Ирландии. Это нечто самое изумительное [на свете]. Называется оно Кольцом Великанов. Строение это из камня, другого такого я не знаю; нет нигде на свете строения, подобного этому. Камни велики и имеют они [волшебную] силу. Больные люди приходят к этим камням; они поливают камни и водой этой омывают свои кости. Спустя короткое время они становятся совершенно здоровы. Однако камни огромны и безмерно велики, ибо никогда не рождалось ни одного человека в каком бы то ни было граде, который мог бы силою перенести эти камни оттуда».

Тогда король молвил: «Мерлин, странные вещи ты говоришь. Если никто, рожденный человеком, не может перенести

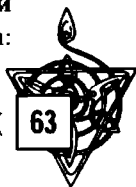


их оттуда и никакою силою сдвинуть с места, то как же смогу перенести их оттуда я?»

Тогда Мерлин ответил королю, с которым беседовал: «О да, владыка король, в старину говорили, что лучше уменье, чем дурная сила, ибо умеючи можно овладеть тем, чего не достигнешь силой. Однако собирай свое войско и отправляйся в ту страну, ведя за собой изрядное воинство; я тоже пойду с тобой, и будет тебе великая честь! Прежде чем ты возвратишься, твое желание исполнится, и ты привезешь с собой в свою страну это строение, и доставишь его к могилам, и почишь место, где лежат твои друзья. И твои собственные кости обретут там покой. Когда твоя жизнь закончится, ты будешь покоиться там».

Так сказал Мерлин, а после сидел безмолвный, как если бы покинул сей мир. Король приказал, чтобы его отвели в лучший покой и чтобы он жил там по своему желанию. Король Аврелий велел созвать советников со всех земель, что находились в его руках; он велел им подать ему совет в таком деле. И его знатные вельможи искренне посоветовали ему, чтобы он исполнил совет, который дал ему Мерлин. Но они не желали, чтобы король отлучался из страны, и избрали себе в вожди славного Утера, и [избрали] пятнадцать тысяч хорошо вооруженных воинов из храбрых бриттов, которые должны были отправиться туда.

Когда это войско было вполне готово, тогда они вышли в плаванье на самых лучших кораблях, что стояли в море, и плыли до тех пор, пока не приплыли в Ирландию. И храброе воинство прибыло в гавань; они сошли на берег моря и узрели Ирландию. Тогда Мерлин заговорил и произнес такие слова:



«Видите теперь, храбрые мужи, вон ту великую гору, гору столь высокую, что почти достигает неба? Там диковина, которую называют Кольцом Великанов, и она не похожа ни на одно строение. Происходит она из Африки. Разбивайте ваши шатры по всем этим полям. Здесь мы будем отдыхать в течение трех дней, на четвертый же день двинемся отселе к той горе, где находится то, что нам нужно. Но прежде мы должны отдохнуть и собрать наших воинов; готовьте наше оружие, ибо оно нам понадобится». Так они и поступили, и войско расположилось там [на отдых].

Тогда Ирландией владел весьма могучий король; звался он Гилломаур, и он был властителем народа. Пришли к нему вести, что в страну его прибыли бритты. Услышав это, Гилломаур приказал собрать войска со всех земель Ирландии и стал сильно грозить, что он напрочь изгонит их [бриттов]. Когда до него дошел слух о том, что бритты хотят тут делать, что они пришли затем только, чтобы забрать камни, тогда король Гилломаур стал громко насмехаться и издеваться [над ними] и сказал, что глупые они люди, раз прибыли сюда по широкому морю, чтобы искать тут камни, как будто в их стране нет ни одного. И он поклялся святым Бренданом: «Они не унесут ни единого камня, но вынесут из-за этих камней худшее из всех бедствие; животы их изойдут кровью — вот как [ирландские] мужи научат их искать камни! А потом я отправлюсь в Британию и скажу королю Аврелию, что мои камни я буду защищать; и если только король не будет помалкивать и исполнять мою волю, я останусь воевать его страну; я сделаю пустынными его дороги и [сотворю] множество пустошей; довольно [будет] вдов — их мужья умрут!»



Так неразумный король играл словами; но все вышло иначе, не так, как он ожидал. Его войско было готово, и они вышли в поход и шли до тех пор, пока не пришли туда, где находились бритты. Они сошлись вместе, храбро схватились и сражались яростно, — обреченные пали! Ирландцы были нагие, а бритты в доспехах; ирландцы пали и покрыли [телами] все поля. И король Гилломаур бежал оттуда, и бежал он с двадцатью своими воинами прямо в густой лес. Он лишился чести, а его ирландцев посекала сталь.

Так был посрамлен король, так закончилась его похвальба, так он ушел в лес и дал своим людям погибнуть. Посмотрели бритты на мертвых по полям; лежало там семь тысяч лишившихся жизни. Бритты пошли по полям к своим шатрам, позаботились, как подобает, о своем добром оружии и стали там отдыхать, как Мерлин советовал им. На четвертый день они выступили и, как следует вооруженные, направились к горе, где стояло дивное сооружение, громадное и неколебимое. Воины поднялись в гору, воины спустились с горы, воины обошли кругом и внимательно осмотрели его: они увидели дивное строение, стоявшее на земле. Была там тысяча хорошо снаряженных воинов с оружием, все же прочие зорко охраняли их корабли. Затем Мерлин заговорил и обратился к воинам: «Воины, вы сильны; камни эти велики и громадны. Вы должны подойти и с силою взяться за них. Вам нужно крепко перевязать их прочными канатами; изо всех ваших сил толкайте и раскачивайте их длинными толстыми бревнами, самыми что ни на есть крепкими. Подойдите к одному камню все разом, а затем возьмитесь за него с силою, если сможете его сдвинуть». Мерлин хорошо знал, что из этого выйдет.



Воины приступили могучей толпою и трудились что было сил, но не могли они сдвинуть даже один камень. Мерлин узрел Утера, что был братом короля, и вот что сказал Мерлин-провидец: «Утер, отступи назад и собери своих воинов; станьте все неподалеку и прилежно смотрите; и замрите так, чтобы ни один человек не шевельнулся до того, как я скажу вам, что пора начинать».

Утер отступил назад и собрал своих воинов, так что никого не осталось возле камней на расстоянии брошенного камня. И Мерлин обошел вокруг и пристально поглядел. Трижды он обошел вокруг, и снаружи, и внутри; и [при этом] он шевелил своим языком, как будто пел молитвы. Вот что делал там Мерлин. Затем он позвал Утера: «Поспеши ко мне, Утер, со всеми своими воинами и забирайте все эти камни. Не оставляйте ни одного: ибо теперь вы сможете поднять их как комки из перьев. И по [моему] велению несите их к нашим кораблям».

Они унесли эти камни, как велел им Мерлин, погрузили их на свои корабли и отплыли. И вот они направились в свою страну и доставили их на равнину, что была удивительно широка. Это была широкая и самая приятная [на вид] равнина близ Амбресбери, где Хенгист предательски порешил бриттов ножами. Мерлин начал возводить их [камни] так, как они стояли прежде; ни один другой человек не мог бы исполнить такой работы; и не рождалось прежде человека столь мудрого, что сумел бы возвести это строение и расставить эти камни.

В стан короля в северном краю пришли вести о трудах брата его Утера и Мерлина — что они благополучно прибыли в свою страну и что сооружение полностью выстроено и как



должно воздвигнуто. Король весьма возрадовался в сердце своем и велел кликнуть по всей стране клич, дабы весь его народ веселясь шел ради такой большой радости к Амбресбери, дабы все его люди без промедления [шли туда] на Троицын день; король будет там и почитит это место. Туда пришел король Аврелий, и с ним все его люди. На Троицын день он устроил там пир, как я повествую тебе в этой книге сказаний. Были на этом просторе, на этой широкой равнине раскинuty шатры, девять тысяч шатров. Весь Троицын день король пробыл на этой равнине. Там он высоко надел корону на свою голову и приказал почитать это место, которое было названо Стоунхендж.

ПРИМЕЧАНИЯ

Извлечение из «Брута» Лайамона. Аналогичный рассказ у Гальфрида Монмутского см. [3, с. 86—89].

Перевод сделан по изданию: Layamon's Brut, or Chronicle of Britain <...>. Vol. 2. P. 286—309.

Король Аврелий (Амброзий, валл. Эмрис) — король бриттов второй пол. V в., брат Утера и дядя Артура. Впервые он упомянут в сочинении св. Гильдаса «О разорении Британии» (сер. VI в.): «Чтобы не быть окончательно уничтоженными, они [бритты] взяли оружие и выступили против своих победителей под началом Амброзия Аврелиана. Он же был почтенным мужем, единственным из народа римлян, пережившим ту бурю, в которой погибли и его родители, по праву носившие пурпур. И с помощью Божьей им досталась победа» [4, с. 219]. М. Диллон и Н. Чедвик писали: «По-видимому, Амброзий



представлял арьергард отходящей римской армии» [8, с. 73]. В известном рассказе Ненния о мальчике-пророке тот мальчик называет себя *Embreis Guledic* («король Амброзий») и говорит: «Мой отец — консул и происходит из римлян» [3, с. 183]. Однако у Гальфрида этот мальчик — «Мерлин, прозывавшийся и Амброзием» [3, с. 73]. Поэтому в традиции имя Эмрис (Амброзий) носит и король Аврелий, и пророк Мерлин.

Считалось, что Аврелий, как и его брат Утер Пендрагон, покоится под Стоунхенджем. Полидор Виргил, один из старинных итало-британских историков, полагал, что «бритты, в память о его великих свершениях ради общего блага, воздвигли своему вождю Амброзию величественную гробницу, исполненную из огромных прямоугольных камней, в форме короны...» [71, р. 26].

Амбресбери (Эмсбери) — «град Амбрия» на Солсберийской равнине; у Гальфрида говорится, что Аврелий «прибыл в монастырь близ Каеркарадока, что ныне прозывается Салесберией, где покоились заместники и военачальники, которых коварно перебил пещестивец Хенгист. Там на горе Амбрия существовала обитель с тремястами братьями, которую, как говорят, основал некогда Амбрий» [3, с. 86]. Не исключено, что этот «Амбрий» — то же «Эмрис» (Амброзий).

Хенгист — Беда Достопочтенный (731 г.) писал, что в 449 г. «народ англов или саксов, приглашенный [бриттским королем] Вортигерном, приплыл в Британию на трех кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну [от скоттов и пиктов], хотя их истинным намерением было завоевать ее... Говорят, что первыми их предводителями были два брата, Хенгист и Хорза» [2, с. 21]. Ненний (конец VIII в.) писал, что однажды «саксы возымели коварный умысел завлечь обманом Гвортигирна [Вортигерна] со всем его войском... и было решено на совете, чтобы бритты и саксы сошлись без оружия в назначенном месте, дабы



установить между собою прочную дружбу... саксы отправились на встречу с бриттами и, сойдясь в назначенном месте, сели по-дружески вперемешку с ними за пиршественные столы и затеяли оживленную беседу, тая, однако, в душе, наподобие лис, предательский замысел. Хенгист, как предупреждал об этом заранее, возгласил условленные слова, и все триста знатнейших приближенных короля Гвортигирна были тут же заколоты» [3, с. 184]. Это произошло на Солсберийской равнине.

Однако у Ненния нет рассказа о Стоунхендже; впервые он появляется у Гальфрида Монмутского.

Каер Леон — это название в древности носили два британских города: один из них — нынешний Честер в Англии, другой — Карлеон на р. Уск в Уэльсе. Здесь имеется в виду второй, где Гальфрид «расположил» архиепископство.

Треморион — у Гальфрида Монмутского: архиепископ Треморин. Вильям Ньюбургский — современник и оппонент Гальфрида — писал, что у бриттов в те времена не было ни одного архиепископа и что британские архиепископы Лондона, Каер Леона и Йорка выдуманы Гальфридом [64, I, p. 16].

Мерлин — вариант британского имени Merddin, Myrddin, «изобретенный» Гальфридом Монмутским.

Согласно традиции, зафиксированной у Ненния и Гальфрида, Мерлин был найден послами короля Вортигерна в городе, названном впоследствии Каер Мирдин (ныне Кармартен). Он родился от дочери короля Деметии (Диведа) и инкуба, подобного обликом прекрасному юноше, и назывался «не знающим отца». Король Вортигерн даровал ему за пророческий дар земли в западном Уэльсе. Историю о том, как был найден Мерлин, и его пророчества Вортигерну см. в русском переводе Ненния и Гальфрида [3]. Богатейшая традиция Средних



веков о Мерлине собрана во французском прозаическом романе конца XIII в. «Мерлин» — он послужил одним из основных источников романа Томаса Мэлори «Смерть Артура».

См. также примечания к «Истории Мирдина Дикого» в наст. изд.

Алабан — у Гальфрида: «галабский источник». Точное местонахождение неизвестно. В «Жизни Мерлина» подобный источник (в Келидонском лесу) возвращает Мерлину разум [3, с. 162].

...что добрый государь не проживет долго! — Впоследствии король Аврелий был отравлен одним саксом, проникшим к нему под видом врача [3, с. 89—90].

Кольцо (иначе Пляска) Великанов. — Согласно Гиральду Камбрийскому, прежде оно стояло на равнине Килдар, недалеко от города Наас в Ирландии. Гальфрид Монмутский писал о горе Килларао, которая не идентифицирована. А Джеффри Китинг сообщал, что Мерлин перенес камни Стоунхенджа с горы Сиаб Клайре в Мунстере, на юге Ирландии [73, II, p. 397].

Стоунхендж — одно из крупнейших произведений мегалитической культуры, которая усыпала своими менгирами, дольменами и каменными кругами обширные пространства кельтской ойкумены. В непосредственной близости от Стоунхенджа находятся такие памятники этой культуры, как Вудхендж, Эвбери, Силбери-Хилл.

Установленный учеными возраст «Висячих Камней» (Стоунхендж строился примерно с 1900 по 1600 г. до н. э.) не противоречит легенде Гальфрида и Лайамона: ведь в легенде говорится не о том, что Мерлин создал Стоунхендж, а о том, что он перенес камни из Ирландии в Британию; родом же эти камни из Африки, откуда они прибыли вместе с великанами. Кроме того, доказано, что камни, стоящие на Солсберийской равнине, действительно «привозные». Часть этих камней доставлена из Уэльса, с гор Prescelly. «Ни в каком другом мегалитическом



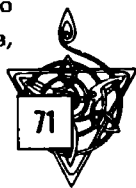
памятнике Европы не насчитывается столько шлифованных камней, как в Стоунхендже. Ближайшими его соперниками в этом отношении являются гробницы в Нью-Грейндже в Ирландии и Мэс-Хью на Оркнейских островах — там, откуда к Круглому столу короля Артура приехал чародей Гавейн с братьями Агравейном, Гаретом и Гахерисом» [43, с. 100].

Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) писал об острове, который «расположен на севере и населен гиперборейцами... гиперборейцы чтят Аполлона больше, чем других богов... И есть также на этом острове великолепное святилище Аполлона», и этот «бог посещает остров каждые девятнадцать лет». Многие считали и считают, что Диодор имел в виду Британию и Стоунхендж, который был храмом-обсерваторией Солнца и других светил [43, с. 100].

К XVII в. среди британских историков и знатоков старины существовало по меньшей мере 7 версий происхождения этого «дива»:

- 1) что это произведение финикийцев;
- 2) что это храм друидов, построенный задолго до прихода римлян;
- 3) что это монумент победы, воздвигнутый в честь богини Анарайт (Андрасты);
- 4) что это погребальный памятник царицы Боудикки;
- 5) что это римский храм Неба;
- 6) что это усыпальница британских королей в форме короны;
- 7) что это произведение датчан [49, I, р. LXXX—LXXXI].

Шестая версия из этого перечня более или менее согласуется с рассказом Гальфрида и Лайамона. Особого внимания заслуживает версия третья; изложена она в анонимной рукописи, датируемой 1666 г., под названием «Измышление глупца о Стоунхендже» (мы упомянули ее в примечаниях к «Бладуду»). Аноним пишет, что, по его мнению, Стоунхендж «был триумфальным храмом древних бриттов,



воздвигнутым в честь Анарайт, их богини победы, на поле битвы», которую выиграли великаны Cangi (жители Сомерсета), а проиграли пришельцы — белги. «В храме этом пленники и трофеи были приноси-мы в жертву оному идолу Анарайт» [48, II, р. 484—485]. Дион Кассий в своем рассказе о Боудикке называет британскую богиню победы Андрас-той и Андате (см. «Боудикку» в наст. изд.).

Утер — Утер Пендрагон, брат Аврелия, правивший после него и ставший отцом Артура. По традиции, идущей от Гальфрида, Артур был зачат Утером с Ингерной (Игрейной, иначе Эйгр), женою Горлойса, владыки Корнуолла, к которой Утер явился в обличье ее мужа благодаря чарам и снадобьям Мерлина. Этой традиции следуют и Лайамон, и Мэлори. Р. Бромвич писала, что история с «превращением» Утера не является изобретением Гальфрида Монмутского, а была известна в Уэльсе и до него [53, р. 56].

Гилломаур. — Ирландский король с таким именем неизвестен. Имя образовано из двух ирландских слов: gi(o)lla («юноша», «залож-ник», или «слуга») и mPог («большой», «великий»).

Брендан — известный ирландский святой, Брендан Мореплава-тель (согласно Анналам Ульстера, умер в 565 г. Известен и другой святой по имени Брендан, умерший в 576 г. Одного называют Брендан из Берры, другого — Брендан из Клонферта).

В различных версиях «Плавания» Брендана и его «Жития» расска-зывается о посещении Бренданом и его спутниками чудесных островов в Океане, а целью их странствий была Земля Обетованная, которая представляется отчасти языческим, отчасти христианским раем. Брен-дан посещал также Британию и встречался там со св. Гильдасом, славным британским историком.

См. вышедшую в 2002 г. книгу Н. Горелова «Плавание святого Брендана» [30].



«Они не унесут ни единого камня...» — У Гальфрида в «Жизни Мерлина» сказано:

*После нашей земли называют Гиберию люди
Лучшим из всех островов по причине ее плодородья.
Даже обширней она; ни пчел, ни птиц, кроме редких,
Там не найти, а змей та земля и родить не желает.
Вот почему, коль, свежая оттуда почва и камень,
Где-нибудь высыпать их, там исчезнут и пчелы, и змеи*

(пер. С. А. Ошерова) [3, с. 157].

Ирландцы были нагие, а бритты в доспехах... — У Лаймона везде стоит «spnichtes», «рыцари». Поскольку для описываемого времени это анахронизм, мы заменили «рыцарей» на более нейтральных «воинов». Доспехи у бриттов, скорее всего, появились вместе с римлянами (покинувшими остров в начале V в.). Галлы, например, издавна сражались обнаженными, хотя и в золотых украшениях (см. описания галлов у Полибия и Тита Ливия). В I в. н. э. бритты тоже не имели доспехов; Тацит пишет про битву римлян с Каратаком: «...ряды британцев, не прикрытых ни панцирями, ни шлемами, пришли в расстройство» (Анналы, XII, 35). См. также «Боудикку» в наст. изд.

...теперь вы сможете поднять их как комки из перьев. — В рассказе о Стоунхендже можно разглядеть следы древнего культа камней, распространенного некогда в кельтской ойкумене. Ненний, а впоследствии Гиральд Камбрийский написали про один камень на острове Мона (Англси), что у побережья Уэльса. Назывался он Maen Morddwud, или Камень-Бедро, потому что походил на бедро человека. Он обладал таким свойством: «...на какое бы расстояние ни перенесли его, — на следующую ночь он сам по себе возвращается [на место], что многократно было оворовано местными жителями». Другим дивным свойством этого камня было такое: «...когда перед ним загадывали



желание, которому суждено было исполниться, то желавший это человек с легкостью мог поднять камень, но если желание было неосуществимо, то камень становился таким тяжелым, что его нельзя было приподнять, даже нацрягая все силы». В конце концов камень был вделан в стену церкви недалеко от Ланиден — того места, где в 61 г. н. э. на остров высадились римляне Светония Паулина [65, р. 38—39].

ОПУСТОШЕНИЕ АННУВНА



ту вождя-государя, верховного короля,
что простер свою власть за пределы мира.
Совершенным было узилище Гвейра в Каер Сиди,
ибо так предписали Пуыл и Придери.

Прежде него никто не вступал туда;
юношу верного стерегли в тяжких стальных оковах,
и перед опустошеньем Аннувна горестно пел он,
и вплоть до Суда останется бардом навеки.
Трижды заполнив Придвен, пришли мы туда, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Сиди.

Ищу я хвалы, если песнь моя будет услышана:
в Граде о Четырех Углах и Четырех Стенах
первая песнь моя о Котле говорила, —
дыханьем девяти дев согревался он.



Котел владыки Аннувна, на что он похож?
Обод у него с жемчугами по краю;
снедь варит он не для труса: нерушимый зарок.
Меч Луха Леука потянулся к нему,
и остался он в руке Леминаука,
и перед воротами у входа в ад зажглись светильники.
И когда пошли мы с Артуром, — блистательный подвиг, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Ведвит.

Ищу я хвалы, если песнь моя будет услышана:
в Граде о Четырех Углах на Острове Двери Проворной
в полдень и в черную полночь мешают они
искрящееся вино и пьют его пред своею свитой.
Трижды заполнив Придвен, мы отправились в море, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Ригор.

Не ценю я лавров владеющих буквами:
пред Градом Стеклянным не зрели они доблесть Артура.
Трижды по двадцать сотен стояло там на валу;
тяжко было беседовать со стражем их.
Трижды заполнив Придвен, мы вышли с Артуром, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Голуд.

Не ценю лавров тех, кто с длинными щитами:
не знают они ни дня властелина, ни кто он,
в котором часу поутру он родился и где,
кто сделал так, что не пошел он в долины Девви.
Не знают они Пестрого Быка с крепким поводом, —
семь раз по двадцать суставов в его ярме.



*Когда пошли мы с Артуром в опасное плаванье, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Вандви.*

*Не ценю лавров тех, кто [с упавшим духом]:
не знают они, каков день властелина-вождя,
в котором часу поутру родился владыка
и что за воинство стережет серебро главы.
Когда пошли мы с Артуром, — опасное состязанье, —
лишь семеро нас вернулось из Каер Охрен.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Preiddeu Annwfn — «Опустошение Аннувна», иначе «Добыча (из) Аннувна» — одна из самых загадочных и темных (как по языку, так и по смыслу) поэм «Книги Талиесина».

Рукописный свод, известный как «Книга Талиесина», создан около 1275 г., но многие стихотворения, переписанные в эту Книгу, созданы значительно раньше; часть их, в том числе и Preiddeu Annwfn, может восходить к VI в. и действительно принадлежать Талиесину (см. «Историю Талиесина» в наст. изд.).

Известно несколько вариантов перевода этой поэмы. Мы выбрали вариант Джона Риса (1906), с оглядкой на Р. Ш. Лумиса (1956) [76, р. 133—136]. Из семи стансов поэмы Лумис считал внятными лишь первые четыре, а последние три оставил без перевода. Седьмая часть, опущенная также и Рисом, содержит выпад против невежества монахов [93, р. 628].

Джон Рис писал: «Из восьми замков или крепостей, упомянутых в этой поэме, ни один не может быть отождествлен с каким-либо реальным местом, и Остров Проворной Двери принадлежит, вероятно,



к тому же роду географии, что и Аннувн или Аид. Эта поэма, очевидно, рассказывает о морской экспедиции, предпринятой Артуром в королевства сумерек и тьмы...» [86, р. XXIV—XXV].

Одно из общих мест кельтской традиции, отмеченных в «Наследии кельтов»: «Иной мир всегда расположен за текущей водой. Для кельтов в Галлии это, по-видимому, была Британия» [36, с. 413—414].

Джеффри Эш писал (1958): Опустошение Акнувна — «это дохристианская версия Поисков Грааля. Артур со своей дружиной отправляется в Аннувн (Аид), царство Гвина ап Нуда, чтобы добыть чудесный котел вдохновения и изобилия. С ними отправляется бард [Талиесин]...» [51, р. 107]. Что касается Гвина ап Нуда, то он «был одновременно воином и охотником, а также королем Аннувна, Иного мира» [36, с. 75]; однако кто именно подразумевается под «Владыкой Аннувна» в нашей поэме, трудно сказать.

Что касается связи между королем Артуром и бардом Талиесином, — Гальфрид Монмутский в «Жизни Мерлина» сообщает, что Талиесин сопровождал Артура на остров Авалон после битвы при Камлане [3, с. 158, 162]. В повести «Бранвен, дочь Лира» Талиесин среди прочих воинов, вернувшихся из Ирландии, пребывает на острове Гвалес.

См. любопытную трактовку поэмы в книге Р. Грейвса «Белая богиня» [5, с. 117—122].

Перевод сделан по изданию: Rhys J. Preiddeu Annwfn // *Le Morte D'Arthur* by Sir Thomas Malory. London: Published by J. M. Dent and Co. 1908 (1906).

Аннувн (Annwfn) — этимологически «Иной (Нижний, Темный Мир»; в подтверждение этому В. П. Калыгин приводит фрагмент из Книги Талиесина (XX, 8—9), который гласит: «...в Аннувне, что ниже elfydd, в воздухе, что выше elfydd», где elfydd — «мир людей», «этот



свет», то же, что «Альбион» [12, с. 54]. (Об Альбионе см. примечание к «Хаврен» в наст. изд.)

В бриттской традиции, как и в гэльской, география Иного Мира двойственна: с одной стороны, это «Нижний Мир» (ирл. «сид»), а с другой — мир «заморский», находящийся за морем, на чудесных островах. Повесть «Пуйл, король Диведа» подразумевает Аннувн как «Нижний Мир» [17], тогда как в нашей поэме он расположен на острове за водной преградой.

Остров, на котором расположен Каер Сиди (по Лумису, Faery Fortress), пытались отождествить со многими реально существующими островами (см. ниже). Для этого есть некоторые основания. Тем более что «всякий остров, по традиционному определению, это сакральный центр» [15, с. 177].

Так, Иниго Джонс (1655) писал: ...древние британцы называли его [остров Англси] Ynis Dowil, сумрачный или темный остров, и это название сохраняется до сих пор» [71 p. 7].

В повести «Килух и Олвен» говорится, что путь в Аннувн пролегал из Корнуолла на север [17, с. 122].

Чту... верховного короля... — Первые две строки поэмы могут быть традиционной для Талиесина хвалой Всевышнему, но могут подразумевать и короля Артура. У Лумиса: «Чту Владыку, Государя, Короля королевства [небесного]» [76, p. 134]. Действительно, в кельтской поэзии нередки обращения к Господу как «Верховному Королю». Например, в стихах ирландской королевы Гормлайт: «A Ardrúige an bheatha bhuaín» (О Верховный Король жизни вечной) [39, с. 14]. Но мы все-таки рискуем предположить, что Талиесин имел в виду короля Артура.

Совершенным было узилище Гвейра... — Имя Гвейра, таинственного узника из нашей поэмы, в повести «Килух и Олвен» носят



несколько персонажей, упомянутых как дядя Артура, братья его матери (Ингерны?), сыновья Луха Лавиннаука [17, с. 94, 345].

В валлийских «Триадах» одним из трех «Прославленных Узников Острова Британия» назван Гвейр, сын Гейриода [53, р. 140]. Однако сама история, связанная с Гвейром и его заточением в Каер Сиди, до нас не дошла.

Придвен — имя корабля Артура; упоминается, например, в повести «Килух и Олвен». Гальфрид Монмутский и Лайамон называют этим именем шит Артура.

Каер Сиди — по Лумису, это Faery Fortress, «чудесный град древних богов» [76, р. 148—149]. Он выводит Siddi из ирл. Sid.

Ср. с поэмой XIV из той же Книги Талиесина, в которой говорится:

Совершенно мое обиталище в Каер Сиди,

Ни чума, ни старость не терзают того, кто обитает там:

Манавидан и Придери знают это.

Три органа играют пред ним у огня.

Вокруг него струятся океанские течения,

а над ним есть изобильный источник,

и питье оттуда слаще белого вина [85, II, р. 678].

Джон Рис (1901) писал: «Не исключено, что легенда о Гвейре помешала его узилище на Ланди, ведь валлийское название этого острова, кажется, было Ynys Weir, Остров Гвейра» [85, II, р. 679]. Другие версии связывают Каер Сиди с островом Гвалес (иначе Грассхольм) или с островом Энли (Бардси). Все три — уединенные острова у западного побережья Уэльса и Корнуолла [76]. Гвалес описан в повести «Бранвен, дочь Лира». Семеро оставшихся в живых после похода в Ирландию, среди которых — Придери, Манавидан и Талиесин, отправились на Гвалес. «И они оставались там четырнадцать двадцать лет, но так, что не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не замечали прошедшего времени» [17, с. 39].



...ибо так предписали Пуйл и Придери. — По Лумису, «согласно писанию (истории) о Пуйле и Придери». Лумис полагал, что подразумеваются Четыре Ветви Мабиноги, но в какой-то не дошедшей до нас версии, где была описана история заточения Гвейра [76, р. 153].

Пуйл и Придери: отец и сын, они оба носили титул «Владыки Аннувна». Пуйл, король Диведа, посещал Аннувн, где он пробыл год и победил одного из королей Аннувна [17]. Но о приключениях Пуйла в Аннувне почти ничего неизвестно. Придери, судя по всему, также побывал в Аннувне (вместе со своим отчимом Манавиданом).

...лишь семеро нас вернулось из Каер Сиди. — Р. Бромвич пишет: «Мабиноги о Бранвен называет Талиесина среди семерых людей, которые спаслись из Ирландии после гибели Брана Благословенного. Это наводит на мысль, что история о походе Брана в Ирландию является рационализацией события, на которое ссылается *Preiddeu Annwfn*» [53, р. 511]. Того же мнения придерживался и Р. Лумис. См. мабиноги «Бранвен, дочь Лира» [17].

В Граде о Четырех Углах и Четырех Стенах... — Алвин и Бринли Рис писали: «Волшебный Замок Грааля, описанный в *Sone de Naussay*, опять-таки представляет собой символ универсального космологического устройства. Он стоит на острове, и у него пять башен — четыре на внешних углах стен и одна, круглая (иногда квадратная), в центре; собственно говоря, она и есть дворец. Параллели можно найти во всех уголках мира, что подтверждает глубокое космологическое значение, которое имеет в Ирландии деление страны на четыре части с добавлением к ним пятой части — центра» [36, с. 169].

Котел владыки Аннувна — один из бесчисленных чудесных Котлов кельтской традиции. Эти Котлы сосредотачивают в своих глубинах Изобилие, Мужество, Мудрость, Поэтическое Вдохновение.



В перечне «Тринадцати Сокровищ Острова Британия» числится «Котел Дирнога»: «если в него положат мясо, чтобы сварить его для трусливого человека, то оно никогда не сварится; но для стойкого героя оно вскоре будет готово». Этот Дирног (Dyfnog Gawg), согласно Эдварду Джонсу, был властителем Камбрии (Уэльса) во времена римского владычества в Британии [70, р. 48]. Однако ср. Мабиногион: в повести «Килух и Олвен» Артур на своем корабле «Придвен» отправляется за котлом Диурнаха-Ирландца (очевидно, тождественного Дирногу). В этой повести Ирландия представляет собой иномирное королевство.

Как писал В. Эрлихман, «Ирландия в валлийских легендах часто выступала синонимом потустороннего мира», владыке которого принадлежал волшебный котел кельтской мифологии [17, с. 339, 356].

В ирландской традиции хорошо известны экспедиции в Иной Мир, расположенный на Острове. Среди добычи, которую захватывают там, есть чудесный Котел и чудесные Коровы. (Кстати, один из вариантов перевода названия нашей поэмы — «Стада Аннунва».) С «Freiddeu Appwín» явственно перекликается стихотворение «Осада Острова Фалга» из ирландской повести «Призрачная колесница Кухулина» [28, с. 65—66].

...дыханьем девяти дев согревался он. — Ср. девять жриц с острова Сена у побережья Бретани, описанного Помпонием Мелой (I в. н. э.), и девять фей с острова Авалон в «Жизни Мерлика» Гальфрида Монмутского (XII в.). Помпоний Мела («De Chorographia», III, 6) писал: «[Остров] Сена в Британском море, напротив побережья осисмиев, знаменит своим оракулом галльского божества, чьих жриц, живущих в чистоте вечной девственности, как говорят, насчитывается девять. Их называют Галлиценами и верят, что они наделены необычайными способностями воздымать море и ветер своими заклинаниями, обращаться в любое живогное, какое только пожелают, лечить болезни, которые среди



других [людей] неизлечимы ведашь, что должно произойти, и предсказывать это» [85, I, p. 331].

Гальфрид Монмутский («Жизнь Мерлина») вложил в уста Талиесина рассказ об Авалоне, Острове Плодов, на котором правят девять сестер, волшебниц и целительниц, старшую из которых зовут Моргана:

*Девять сестер в том краю по законам правят премудрым,
Властвуя теми, кто к ним из наших краев прибывает...*

Именно к ним Талиесин отвез смертельно раненного короля Артура [3, с. 157—158]. Правда, ни в том, ни в другом случае не упоминается о Котле. «Мела, Гальфрид и наша валлийская поэма восходят к одной и той же традиции», — писал Р. Лумис. Он полагал, что девять дев из этой поэмы были, как Галлицины, пророчицами, и «будучи таковыми, согревали котел, из которого звучали поэтические предсказания». Котел этот аналогичен Котлу Керидвен из «Истории Талиесина» (см. в наст. изд.). Вместе с тем он — «испытующий талисман»: как и Котел Дирнога, он определяет мужество человека, приступившего к нему [76, p. 155—156].

Лух Лех Леминаук (Llwh Llawc Lleminawc) — персонаж, скорее всего, тождественный Луху Лавиннауку (Llwh Llawynnawc) из поэмы «Кто привратник?» (в Черной Книге из Кармартена [86]). В той поэме Лух — один из воинов Артура. Он упоминается также в повести «Килух и Олвен». Лумис полагал, что под этим именем мог скрываться ирландский бог Луг (ведь попал же Манавидан в список рыцарей Артура!).

Артур. — Первым достоверным свидетельством об историческом Артуре является, как полагают, свидетельство британского историка Ненния (Historia Brittonum, 56), относящееся к концу VIII — началу IX в. Ненний называет Артура «военным вождем», который сражался вместе с королями бриттов против саксов; Ненний перечисляет также



двенадцать битв Артура, среди которых «битва в Келидонском лесу» (известном убежище Мирдина Дикого) и «битва на горе Бадон» (возможно, у Бата; см. «Бладуд» в наст. изд.) [27, с. 187].

Локализовать «царство» исторического Артура невозможно: одни источники связывают его с северной Британией, другие — с Корнуоллом и Уэльсом, третьи — с «Логрией». Начиная с Гальфрида Монмутского, Артур считался «императором» всей Британии и всего Западного мира (об этом «изобретении Гальфрида» язвительно писал его современник нормандец Вильям Ньюбургский [64, I, р. 12—19]).

См. также «Артур и Гвенвивар» и «Две истории об Артуре» в наст. изд.

Каер Ведвит — по Лумису, «град пирования».

...на Острове Двери Проворной... — У Лумиса это вращающаяся преграда, которая нередко встречается в кельтской традиции. Ср., например, упоминание о подобной преграде на Острове Фалга в ирландской саге «Гибель Курои» [28, с. 53].

Каер Ригор. — Rìgor не поддается переводу.

Град Стекланный. — Ср. с известной этимологией «Гластонбери» как «Стекланного града», например, в «Житии св. Гильдаса» Карадока (XII в.) [94]. Между тем Гластонбери в легенде о св. Коллене назывался владением Гвина ап Нуда, короля Аннунва [51, р. 25].

Из Ненния известно, что некогда предки ирландцев «увидели посреди моря стеклянную башню и, разглядев на башне людей, пытались вступить с ними в беседу, но те упорно хранили молчание» (ср. молчаливого стража в нашей поэме). Это сообщение Ненния относилось к башне фоморов у северо-западного берега Ирландии, которую ирландцы не смогли захватить [3, с. 174].

Одним из островов, на котором помешали Аннунви, был Энли (Бардси) у побережья Уэльса. Эдвард Джонс (1802) передает версию,



по которой на этот остров перед смертью удалился Мирдин (а по другой версии — Талиесин), унеся в Стекланный Дом на Бардси «Сокровища (Острова Британии)» [70, р. 47]. В некоторых источниках (французский «Мерлин» и др.) Мерлин был заточен своею возлюбленной — Девой (Зера — в Дом из Стекла (однако это произошло в Бросселиандском лесу, что в Бретани).

Роберт Грейвс писал: «Стекланные крепости ирландских, валлийских легенд и легенд острова Мэн... являются или островными святилищами, окруженными стеклянно-зеленой водой, или звездными тюрьмами, помещенными как острова на темно-синее небо» [5, с. 120].

См. также описание башни в поэме «Сладостная печаль» (наст. изд.).

...тяжко было беседовать со стражем их. — По Лумису, это был «Молчаливый Страж».

Каер Голуд — по Вильямсу, «град в утробе [земли]». По Лумису, «град неудачи», поскольку осада не удалась и большинство ее участников было поглощено морем [76, р. 167].

Пестрый Бык (*yr Ych Brych*). — Он упоминается вместе с Желтым Быком в повести «Килух и Олвен». В Эрлихман пишет: «Возможно, имеются в виду быки, с помощью которых легендарный прародитель бриттов Ху Гадарн (Ху Могучий) осушил воды потопа» [17, с. 351].

Каер Вандви. — Vandwy не поддается переводу.

Долины Девви (*Defwy*). — Девви, скорее всего — река (не идентифицирована); среди рек Уэльса с похожим названием существуют Dufi (Dovey) и Teifi на западе и Towy на юге.

Известно, что одно из созвездий называлось в Уэльсе Dolen Teifi, что напоминает Doleu Defwy из нашей поэмы [91, р. 103].

Возможно, под Долинами (Лугами) Девви подразумевался Дивед (*Dyfed*). «У западного побережья Диведа находится остров Гвалес... этот



валлийский остров вызывает в памяти знаменитый ирландский „Дом Донна“ — остров смерти. У побережья Диведа расположена также чудесная страна, называемая Планти-Рис-Дувн, что, вероятно, является искажением древневаллийского *Plant Yr Is-dwfn* или *Plant Rhi Is-dwfn* (что значит «Дети короля Аннувна») [36, с. 200, 202].

...кто [с упавшим духом]... — Эта строка восстановлена по переводу Ш. Тернер.

...что за воинство стережет серебро главы. — «Глава» (*pen*) может означать и «голову» и «вождя». У Ш. Тернера эта строка выглядит так: «Что за зверя они стерегут с серебряной головой» [93, р. 628].

Каер Охрен. — *Ochren* не поддается переводу.

ИСТОРИЯ ТРИДЕСЯТИ



Жил некогда вельможа по имени Тегид Лысый, и жилище его было на [озере] Бала в Пенлинне; озеро то и по сей день называется Озером Тегиды. Крайдвен, его жена, родила ему сына, который был назван Морвраном, сыном Тегиды, и дочь по имени Крайро, которая была красивейшей девушкой на всем Острове Британия. Сын же был самым уродливым христианином на свете. И тогда Крайдвен, его мать, подумала, что не примут его как равного в среду высшей знати, покуда не приобретет он каких-нибудь дивных достоинств или почтенных знаний, ибо было это в начале века [короля] Артура и собраний Круглого стола.

И тогда Крайдвен, его мать, повелела, согласно волшебству Вергилиевых книг, сварить котел вдохновения и мудрости для мальчика, дабы больше нуждались в нем и чтили его



за мудрость и ученость. И тогда начали кипятить котел, а начав однажды, варение нельзя было прерывать до окончания одного дня и одного года — ни днем ни ночью, покуда не добудут мудрость.

И она поставила Гвиона Баха, сына воина из Ланфайр в Каер Эйнион, что в Поуисе, помешивать в котле, а Далмора Далмаена — поддерживать огонь под котлом. И она велела им не прерывать варения до окончания одного дня и одного года; и по астрологическим книгам, часам и светилам она каждодневно собирала травы из всевозможных видов чудесных трав. И однажды, когда близился конец года, случилось, покуда она собирала [травы], капнуть трем каплям этого варева на палец Гвиону Баху. Поскольку они обжигали, засунул он палец себе в рот, и как только проглотил эти драгоценные капли, узнал он все, что должно произойти. И тогда он постиг, что грозит ему величайшая опасность от помыслов Крайдвен и от ее коварства, ибо мудрость ее была велика. Сильно испугавшись, он решил бежать в свои края. И вот котел, когда драгоценные капли покинули его, раскололся на куски, ибо жидкость, исключая эти три капли, была чистым ядом; так что там, где эта жижа дотекла до ручья [протекавшего] у дома, она отравила коней Гвидно Длинногого. По этому случаю ручей с той поры был назван Конскою Отравой.

А затем пришла Крайдвен и, поняв, что ее работа за год пропала, взяла скалку и ударила Далмора Далмаена по голове так, что один его глаз оказался у него на щеке. И сказал он: «Поистине, ты сыграла со мной злую шутку, но из-за меня ты не потеряла ничего». — «Ты говоришь правду, — ответила она, — это хитрец Гвион ограбил меня». И она пустилась той



же дорогой, что и он, поднимая на бегу свою юбку. И вот она заметила его, когда он взбирался на гору, около мили с половиной от нее. Увидел ее и Гвион Бах. Тогда он превратился в зайца и побегал. Она же сделала вот что — превратилась в борзую и погналась за ним. Наконец он свернул к реке. Затем он сделал вот что — принял облик рыбы и бросился в реку. Вот что сделала она — приняла облик выдры и преследовала его вниз по [реке] Кауленни, покуда не пришлось ему превратиться в птицу и взлететь в небо. Она же приняла облик ястреба и не давала ему в небе ни мгновенья покоя. И вот когда он сильно изнемог и уже страшился смерти, то заметил на полу амбара в речной долине кучу провеянной пшеницы. Вот что он сделал — спустился вниз и сделался похож на одно из зерен пшеницы. Она же превратилась в черную курицу с коротким хвостом, разглядела его среди пшеницы и склевала.

Предание говорит, что девять месяцев он пробыл в ее чреве, и после того как она разрешилась им, то не могла в своем сердце решиться его убить, зато зашила его в кожаный мешок и забросила в море на Божью волю, [и было это] в двадцатый день апреля месяца.

А в то время у Гвидно Длинноногого была запруда на берегу между Диви и Иствит, близ его замка. Сто пудов добра вылавливали в той запруде в каждый канун Майского дня. И Гвидно Длинноногий имел сына по имени Эльфин, сын Гвидно. И был тот в числе самых несчастливых юношей и больше всех нуждался в богатстве, ибо был он расточителен. Его мать и отец переживали, что он был таков, и полагали, что он был рожден в дурной и злополучный час. И по просьбе своей жены назначил отец Эльфина улов из запруды в этот год



ему, дабы посмотреть, не пошлет ли ему Бог какую-нибудь милость и удачу. И в канун Майского дня ничего они не выловили в запруде, кроме того кожаного мешка. И тогда слуга сказал Эльфину: «Если и всегда ты был несчастлив, то этой ночью ты несчастлив еще больше, ибо нарушил обычай запруды твоего отца, в которой вылавливали в каждый канун Майского дня сто пудов добра. Нет здесь ничего этой ночью, кроме этой кожи». — «Ладно, парень, — сказал Эльфин, — там может оказаться сто пудов добра». И вот они открыли кожаный мешок над лицом мальчика, и тогда Эльфин сказал: «Вот прекрасный лоб!» — «Талиесин будет его имя», — сказал слуга и посадил мальчика на коня между Эльфином и лукой седла. И тогда Талиесин заставил коня, бежавшего рысью, ступать так мягко, как если бы они сидели в самом удобном седлаше на всем Острове Британия. А затем Талиесин, дабы утешить Эльфина и предсказать ему высокое достоинство, сложил хвалебную песнь, которая называется «Утешение Эльфина», и вот как он начал, в размере энглина:

Эльфин светлый, перестань ты плакать!

Пусть никто не бранит своего добра;

не приносит отчаянье пользы;

не видит человек того, что его питает;

не напрасна молитва Кинло;

не нарушает Бог обещаний своих;

не было никогда в запруде Гвидно

улова столь удачного, как в эту ночь.

Эльфин светлый, вытри свои щеки!

Не впрок тебе быть с таким красным лицом,

хоть и думаешь ты, что не обрел богатства;



*толку нет слишком много желать,
если сомневаешься в Божьих чудесах;
ибо из моря, и с гор, и из речных глубин
Бог посылает богатство счастливому.
Эльфин славных качеств,
кроток твой разум;
не стоит тебе слишком жаловаться:
Бог сильнее, чем дурное знамение.
Пускай я и хрупок, и мал
на пенной поверхности моря Дилана, —
в назначенный день я сотворю
тебе больше богатства, чем три сотни [пудов]!
Эльфин дивных качеств,
не печалься о твоём улове;
пусть я жалок в мешке моем кожаном —
есть чудеса на моем языке.
Нет нужды тебе слишком бояться;
покуда я буду оберегать тебя,
помянув имя Троицы, —
не сможет никто тебя одолеть.*

Это спел Талиесин.

ПРИМЕЧАНИЯ

«История Талиесина» (*Hanes Taliesin*) известна по большому числу рукописей, самая старая из которых — рукопись Элиса Гриффиды (первая пол. XVI в.). Среди других версий «Истории Талиесина» выделяется версия из рукописи Люэлина Сиона (Гламорган, конец XVI в.). Она отличается от вышеназванной некоторыми деталями и



именами собственными; кроме того, в ней отсутствует вторая часть приключений Талиесина, известная по версии Элиса Гриффида.

См. также «Историю Талиесина», воссозданную на основе нескольких источников леди Ш. Гест в русском переводе В. Эрлихмана [17]. Перевод сделан по изданию: Ford P. K. A fragment of the Hanes Taliesin by Llywelyn Sion // Etudes Célétiques. Paris, 1975. T. 14. F. 2.

Талиесин — один из бриттских бардов VI в., упомянутых в «Истории бриттов» Ненния [27, с. 188]. В «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского Талиесин (Тельгесин) предстает как ученик Мерлина [3, с. 153]. Валлийская традиция изображает Талиесина как образец бардического красноречия, как мага и пророка [53, р. 509—511].

Ивор Вильямс полагал, что свою карьеру барда Талиесин начал в Поуисе, затем провел много времени при дворе Уриена (Урбгена) Регедского в Кумбрии, в краю северных бриттов; посещал и другие дворы, в частности — двор Мазлгуна Гвинедского, где, согласно традиции, посрамил его бардов и освободил своего покровителя Эльфина [91].

«Книга Талиесина», «Жизнь Мерлина» и «Бранвен, дочь Лира» — три источника, каждый по-своему, говорят о путешествии Талиесина в Иной Мир (локализация Иного Мира — Каер Сиди, Авалон и Гвалес соответственно).

Озеро Бала — иначе Озеро Тегида (Llyn Tegid) в Пенклин (ныне Мерионетшир). Известно, что некогда это озеро называлось Llyn Aelfen, Озером Айрвен; Айрвен была богиней войны [68, р. 13]. По некоторым версиям истории Талиесина, Тегид Лысый и Керидвен живут не на озере, а в озере, под водой.

Джон Рис (1901) писал: «Предание говорит, что Озеро Бала не что иное, как водная могила палат беззакония, и некоторые старые лодочники видят в тихие ночи „урожайной“ луны развалины башен на дне



этих вод...» [85, II, р. 408]. Согласно этому преданию, Тегид Лысый был ужасным тираном, поэтому его постигло чудесное возмездие (см. собрание британских сказок Дж. Риордана [26, с. 102—105]).

Крайдвен (Craidwen) — в других версиях Керидвен или Каридвен. Ф. И. Моне, профессор Гейдельбергского университета, в начале XIX в. писал (цитируем по Московскому Телеграфу за 1827 г.): «В мифологии кельтов находилась и первородная жена (Керидвен). Она имела разительное сходство с Церерою и так же, как Церера у греков, служила поводом большей части таинств. Солнцу, Ху [Могучему], противоплагается она как луна, всемирному отцу — как мать-земля. Ее котел и корабль с парусами принадлежат озеру Алион и волам Ху. К сравнению с Церерою в ней, конечно, не подходит то, что она в виде зеленщицы представляется охранительницею хлебных семян, что она является как образовательница юного поколения, а также как правительница и учредительница Бардов; далее, что она является птицею, исполинскою женщиною и беснующеюся и что служение ее бывало иногда бурно и необузданно...» [23, с. 30—31].

Керидвен, судя по всему, вовсе не является старухой, каковой ее иногда называют: наш текст свидетельствует об обратном. Ее имя можно перевести как «возлюбленная и прекрасная» [53].

Имея в виду Керидвен, Роберт Грейвс писал: «Богиня — красивая хрупкая женщина с крючковатым носом, со смертельной бледностью на лице, красными, как ягоды рябины, губами, блестящими синими глазами и длинными светлыми волосами. Она может мгновенно преобразиться в свинью, кобылу, собаку, лисицу, ослицу, ласку, змею, сову, волчицу, тигрицу, русалку или отвратительную ведьму. Ее имен не счесть. В рассказах о привидениях ее обычно называют „Белой дамой“, а в древних религиях от Британских островов до Кавказа — Белой Богиней» [5, с. 24].



Морвран. — Повесть «Килух и Олвен» среди «чудесных людей» Артура называет и «Морврана, сына Тегиды, — в битве при Камлане никто не осмелился скрестить с ним оружие из-за его устрашающего вида, и все подумали, что это сам дьявол, ибо волосы его торчали, как рога оленя» [17, с. 93].

Крайро (Crairw). — Известны и другие варианты имени. В «Триадах» она названа одной из трех Прекрасных Девушек Острова Британия [53, р. 198].

...было это в начале века [короля] Артура и собраний Круглого стола. — У Гальфрида Монмутского еще нет упоминания о Круглом столе, зато есть уже представление о дворе Артура как о средоточии «вежества». Например, Гальфрид пишет: «Пригласив кое-каких доблестнейших мужей из дальних королевств, он [Артур] начал увеличивать число своих приближенных и заводить такую утонченность у себя во дворце, что внушил далеко отстоящим народам желание соперничать с ним во всем этом». Кроме того, в Каер Леоне на реке Уск «находилась коллегия из двухсот мудрецов, которые, превзойдя астрономию и другие науки, тщательно наблюдали за движением небесных светил и, основываясь на достоверных данных, предвещали королю Артуру грядущие чудеса» [3, с. 102, 104].

...согласно волшебству Вергилиевых книг. — В Средние века римский поэт Вергилий считался великим магом.

Гвион Бах (Гвион Малыш). — Имя «Гвион» эквивалентно ирландскому «Фион» и соотносится с понятием «знание, мудрость». При этом Гвион добывает мудрость точно так же, как ирландец Фион (Финн Мак Кумал), — облизав палец, на который попали капли чудесного варева. В случае с Финном на огне готовился Лосось Мудрости.

Ланфайр в Каер Эйнион. — Каер Эйнион: область в Поуисе, ныне в Монтгомеришире. Селение Ланфайр, видимо, существует до сих пор:



Роберт Грейвс упоминает это место в своей «Белой Богине». Он писал, что жил неподалеку от Ланфайр, в Харлехе, и «ближе к Ланфайр лежит камень с отпечатком женской ноги примерно в дюйм глубиной. Его здесь называют „след Девы“, а еще один отпечаток рядом называют „большой палец дьявола“. Камень расположен в дальнем углу поля по левую руку, если идти по дороге из Харлеха» [5, с. 372].

Далмор Далмаен. — В другой версии огонь под котлом поддерживал «слепой по имени Морда» [17].

Гвидно Длинноногий (Garanhir). — По преданию, он некогда правил обширной долиной, располагавшейся между графствами Карнарвон, Кардиган и Пемброк. В этом королевстве было 16 городов. Однажды вся долина была затоплена морем и получила название Cantref y Gwaelod, «область [лежащая] на дне». Она лежит там, где ныне Кардиганский Залив (по другой версии, все это произошло в северном Уэльсе).

Согласно Триадам Острова Британия, гавань короля Гвидно была одной из трех главных гаваней Британии [53].

История затопления Долины Гвидно рассказана кратко в одной из малых поэм Черной Книги из Кармартена. Там говорится: море ...покрыло Долину Гвидно. Будь проклята дева, которая выпустила его после ужина...» Названо имя преступной девы: «Крик Мерерид с высоты града устремлен прямо к Богу» [85, I, р. 383]. Скорее всего, эта история была очень похожа на бретонскую историю Города Ис.

Хотя Гвидно лишился своих владений, он обладал двумя чудесными вещами. В перечне «Тринадцати Сокровищ Острова Британия» фигурирует Корзина Гвидно Гаранхира: «бывало, положат в нее еду для одного человека, а когда открывали, то находили в ней еду на сто человек» [53, р. 241]. Упомянута эта Корзина и в повести «Килух и Олвен» [17, с. 105].



Запруда, или Плотина Гвидно упоминалась валлийскими поэтами как самая знаменитая в стране; ее необыкновенная способность прилосить в канун Первомае «сто пудов добра» (вероятно, рыбы) делает ее похожей на Корзину Гвидно.

По одной из версий, эта Запруда находилась близ устья реки Конви, что в Карнарвоншире [70, р. 48].

Конская Отрава — иначе Отрава Коней Гвидно (Gwenwyn Meirch Gwyddno). Известно три ручья с таким названием: один впадает в пролив Менай, второй — в Озеро Бала, третий течет в Монмутшире.

Тогда он превратился в зайца... — В этом (сравнительно позднем) тексте превращения Гвиона Баха кажутся обычным элементом сказки. Но ср. рассказ Талиесина о том, как он «был сотворен прежде мира» и сменил множество обличей [17, с. 247—248]; см. также повести о реинкарнациях ирландских героев — Финтана, Этайн, Мананнана и др.

Ф. Леру писала: «Ирландские и уэльсские документы ясно показывают, что бессмертные души и метемпсихоз имели две смежные, но отличные друг от друга сферы приложения: бессмертные были обычным и естественным уделом человеческой души, тогда как реинкарнация и метемпсихоз выпадали на долю только исключительных личностей, имевших особое предназначение, мифологических персонажей» [14, с. 213].

...девять месяцев он пробыл в ее чреве... — Алвин и Бринли Рис писали, что личности, подобные Талиесину, как правило, были зачаты необычным образом; вера в возможность такого зачатия «видимо, объясняет, почему в Уэльсе до сих пор о беременной женщине говорят, что она проглотила червя или паука. Роль земного отца в повестях сведена к минимуму или вовсе опущена...» [36, с. 260].

Существовала другая версия рождения Талиесина: в поэме «Битва Деревьев» из Книги Талиесина он говорит о себе:



*... Меня сотворил Гвидион, коснувшись волшебным жезлом,
И Мат меня создал, чтоб вид я смог обрести и облик.
Стараньем великих магов я смог на свет появиться;
Эурис, Эурон и Модрон трудились, чтоб я родился...*

(пер. В. Эрлихмана) [17, с. 263].

Согласно этой версии, Талиесин создан таким же образом, как и Блодейвед в повести «Мат, сын Матонви».

... и забросила в море на Божью волю... — В традиционной повести «чудесный младенец должен быть оставлен на произвол дикой природы вне пределов упорядоченной жизни или отдан водам небытия, потустороннему хаосу, которому он принадлежит» [36, с. 273].

Как пишет Т. А. Михайлова, «широко известным и необычайно интересным фактом являются свидетельства о том, что в ранней Ирландии существовал обычай несколько необычного „предания смерти“ а именно — отправления преступника на маленькой лодочке без весел в открытое море „по воле волн“. Ему давался запас пищи и пресной воды на одни сутки (иногда — несколько больше), и лодочка с ним заводилась от берега на определенное расстояние: так, чтобы нельзя было различить взглядом специально поставленный на берегу белый шит. Затем преступник оставался в одиночестве, и судьба его, как считалось, оказывалась отныне в руках Бога». «К тому же, как известно, аналогичному псевдоумерщвлению подвергались не только преступники, но и незаконнорожденные дети, особенно — рожденные в результате инцестуальной связи, которых в кожаной корзине сплавляли в море». В фольклорной традиции «новорожденного объявляли подменышем и относили его на берег моря во время отлива; его оставляли на линии прибоя в полосе белой пены, а затем уже начинавшийся прилив завершал процесс „возвращения подменыша туда, откуда он явился“» [33, с. 173—174].



...между Диви и Иствит. — Диви (ныне Дови) и Иствит суть две реки, впадающие в Кардиганский залив, на берегу которого стоят города Абердови и Абериствит («Абер» — «устье»). Это побережье нынешнего Кардиганшира.

...в каждый канун Майского дня — т. е. в капун Первого мая; эта дата в кельтском календаре означала наступление лета, и с нею были связаны всевозможные, по большей части приятные чудеса. См. о Бельтане в «Наследии кельтов» Алвина и Бринли Рис [36].

Эльфин. — В одной из поэм Книги Талиесиша сказано: «Я Талиесин, я пою совершенным стихом, что пребудет до конца [света]. Мой покровитель — Эльфин» [91, р. XVII]. Имя «Эльфин», возможно, этимологически родственно понятию *elfydd* («белый свет») и означает «светлый».

«Вот прекрасный лоб!» — Имя *Taliesin* имеет два значения: «прекрасное (сиятельное) чело» и «драгоценность». Оба значения обыгрываются в тексте.

Энглин — стих в три или четыре строки, с выдержанным размером и одинаковой конечной рифмой.

Кинло (Cynllo) — один из ранних валлийских святых, о котором почти ничего не известно. Его имя сохранилось в названии *Llangynllo* («Церковь Кинло») в Кардиганшире.

...на пенной поверхности моря Дилана... — Дилан, сын Арианрод, был братом-близнецом Леу (см. мабиноги «Мат, сын Матонви»). «Как известно, сразу после крещения Дилан устремился к морю и, обретя морскую природу, плавает подобно рыбам — этим и объясняется его прозвище Дилан Эйл Тон (Дилан Потомок Волн). Ни одна волна не разбивалась под ним» [36, с. 264].

АРТУР И ГВЕНВИВАР



Разговор между королем Артуром, когда он был юн, и его второй женою, Гвенвивар. Это была госпожа, которую впоследствии выкрал Мелвас, владетель из Альбы.

Артур. Черен мой конь и легко меня носит;
не убоится он воды
и ни перед кем не отступит!

Гвенвивар. Светел мастью мой конь от природы;
пусть всегда хвастуна презирают;
лишь тот мужчина, кто держит слово!

Кто поскачет и будет твердым?
Кто пойдет во главе битвы?
Лишь герой одолеет Кея Верзилу, сына Севина.



- Артур.* Я поскачу и я буду твердым,
я стремительно пройду по краю отлива;
я тот муж, что одолеет Кея!
- Гвенвивар.* Хватит, юнец! тебя странно слушать,
если только ты не больше чем кажешься;
ты не одолеешь Кея и с сотнею воинов!
- Артур.* Гвенвивар, прекрасная обликом,
не высмеивай меня — хоть кажусь я мал,
я сам буду стоять сотни!
- Гвенвивар.* Хватит, юнец в желто-черном наряде!
Я хорошо разглядела тебя,
и мне кажется, я видела тебя прежде!
- Артур.* Гвенвивар, с милой и кроткой красой,
поведай мне, если знаешь,
где ты меня видела прежде?
- Гвенвивар.* Я видела человека небольшого роста
за длинным столом в Келливиге в Дивнанте —
он разливал вино друзьям, окружавшим его.
- Артур.* Гвенвивар, пленительная в беседе!
из уст женщины ждем мы пустой болтовни;
там, поистине, ты меня видела.



ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этой небольшой поэмы содержался в нескольких манускриптах XVI—XVII вв. (*Llyfr Gwyrdd*, *Llyfr 122*, *Wynnstey I*), которые были в распоряжении издателей «Мивиррианской Археологии» и «Бардического Музея» (Иоло Морганут, Эдвард Джонс и другие знатоки старины XVIII в.). Вариантность обусловлена тем, что поэма бытовала в устной форме [53, р. 383].

Данный вариант, опубликованный Эдвардом Джонсом (1802), взят из рукописи Эдварда Ллойда, который, в свою очередь, переписал текст из манускрипта Джона Джонса (из Гелли Ливди во Флинтшире), датированного 27 июня 1611 г.

Р. Бромвич предлагает такое толкование этого диалога: Артур как чужеземец прибыл на пир при дворе Мелваса, где встретил Гвенвивар. Та высмеивает его небольшой рост и недостаток «мужественности», делая невыгодное для Артура сравнение с Кеом Верзилой. Однако под конец начинается узнавание, и Артур подтверждает, что Гвенвивар видела его прежде не где-нибудь, а в Келливиге в Дивнанте (Девоне), т. е. в известной резиденции короля Артура. Вероятно, пишет Р. Бромвич, Артур прибыл ко двору Мелваса, чтобы вернуть обратно свою жену Гвенвивар, которая его не узнала [53, р. 384]. Этому толкованию противоречит указание в начале текста, что Мелвас выкрал Гвенвивар «впоследствии»; но указание это, скорее всего, приписано к тексту.

Чета кельтологов из Бретани, Кристиан Гюйонварх и Франсуаза Леру, делает такой замечательный вывод: «В кельтском бриттском регионе Артур — это эквивалент Царя Мира, а его жена Гвенвивар — это аллегория, воплощение Власти, как королева Медб в Ирландии» [15, с. 134].



Перевод сделан по изданию: Jones E. The Bardic museum of primitive British literature, and other admirable rarities <...>. London, 1802. P. 20—21.

Мелвас. — Источники расходятся в локализации царства Мелваса. Есть основания полагать, что Мелвас и Мелга (пиктский король, упоминаемый Гальфридом) — одно и то же лицо.

Карадок Ланкарвалский в своем «Житии святого Гильдаса» (ок. 1125 г.) писал: когда славный бриттский историк Гильдас пребывал в обители Гластонбери, ее осадил с бесчисленным войском король Артур, ибо Мелвас, король Летней Страны (т. е. Сомерсета, где расположен монастырь) изнасиловал и похитил у Артура королеву Гвенвивар и укрыл ее в Гластонбери. Целый год Артур (которого автор Жития называет «тираном» и «строптивым королем») разыскивал королеву, прежде чем нашел ее убежище. Тогда он поднял подвластные ему Корнуолл и Девон и приступил к Гластонбери. Клирики вместе с Гильдасом вышли меж двух враждующих станов и посовеговали своему королю Мелвасу вернуть похищенное; тот послушался, Гвенвивар вернулась к Артуру, короли заключили мир и пожаловали обители новые земли [94, р. XXX(X—XL)].

Образ Мелваса, короля Летней Страны, уже в XII в. был мифологизирован; например, у Кретьена де Труа в «Эреке и Эниде» сказано:

*Меж тех, о ком веду рассказ,
Был также и Махелоас,
Сеньор на Острове Стеклянном*

[Как известно, этимология названия «Гластонбери», принятая в Средние века, — «Стеклоянный Град», по-валлийски *Ynys Vytyn*].

*Там, не в пример всем прочим странам,
Не ведают ни бурь, ни грома,*



*Со змеями там незнакомы,
Там лето чуть не круглый год*

[Здесь отзвук еще одной традиции, отождествляющей Гластонбери с Островом Плодов, или Авалоном] (пер. Н. Я. Рыковой) [13, с. 63].

Кретьен использовал предание о похищении Мелвасом жены Артура в другом своем произведении — «Рыцаре Телеги». Отзвуки этого предания встречаются и в средневековой валлийской поэзии; например, у Давида ап Эдмунда упоминается «ловкость Мелваса, вора, который волшебством и чарами увлек деву на край света; этот обманщик пошел в зеленый лес, под сень древесных ветвей...» [53, р. 383].

Эдвард Джонс в своей книге «Bardic museum» (1802) воспроизводит эту древнюю традицию таким образом:

«Артур, когда он был занят своими завоеваниями на островах, оставил ее [Гвенвивар] дома; она же была некогда близка с Мелвасом, владетелем из северной Британии, и они устроили так, что она со своими фрейлинами пошла на маевку в лес, где залег Мелвас, поджидая ее в кустах, и на нем было платье, сделанное из зеленой листвы деревьев. Когда королева и ее девушки пришли к назначенному месту, Мелвас выскочил и унес королеву на руках к своим друзьям; а все фрейлины убежали в великом испуге: они приняли его за сатира или дикого человека из леса. Он отвез королеву в Шотландию и какое-то время удерживал ее. Наши английские писатели (Мильтон и другие) удивляются тому, как малый владетель мог силой отнять королеву у столь доблестного короля, каким, говорят, был Артур. Но удивление проходит, когда берут в расчет то, что король был занят вдалеке своими войнами, а королева желала, чтобы ее обнимал старый приятель» [70, р. 21].

Эдвард Джонс приводит далее текст из старинной рукописи (Edward Lloyd MS.), бывшей в его распоряжении:



«Королева Гвенвивар, жена Артура, короля бриттов, около 500 года впавшая в немилость по подозрению в прелюбодеянии, приговорена была к растерзанию псами; однако она спаслась и бежала в Шотландию; впоследствии умерла на горе Стормонт, где она некоторое время жила, и была похоронена при Мейгле, в Пертшире. Около трех миль от холма, где она похоронена, есть камень выше человеческого роста, с вырезанным на нем ее изображением, — на одной стороне ее рвут собаки, а на другой — люди преследуют ее. Есть также еще один могильный камень — там, где погребены ее слуги» [70, р. 22].

Все это не совпадает с той (очень немногословной) историей Артура, его жены и его племянника Модреда (Медрауда), которую изложил в своей книге Гальфрид Монмутский [3, с. 122—123].

Гвенвивар (Gwenhwyfar). — Обычно это имя переводят как «Белый Цризрак». Триады Острова Британия сообщают, что было «Три Великих Королевы при Дворе Артура: Гвенвивар, дочь Киврида Гвента; Гвенвивар, дочь Гвитири ап Грейдаула; Гвенвивар, дочь Гогврана Великана» [3, р. 154]. Считается, что третья Гвенвивар и есть та, о которой повествуют источники. Однако ср. известие о «двух женах Артура» у Гиральда Камбрийского.

Гиральд Камбрийский писал (1192): «...тело короля, после появления совершенно чудесных знамений, было в наши дни обнаружено в Гластонбери меж двух каменных пирамид, с незапамятных времен воздвигнутых на кладбище. Найдено тело было глубоко в земле в выдолбленном стволе дуба. Оно было с почестями перенесено в церковь и благоговейно помещено в мраморный саркофаг. Найден был и оловянный крест, положенный по обычаю надписью вниз под камень. Я видел его и даже потрогал выбитку на нем надпись (когда камень убрали): „Здесь покоится прославленный король Артур вместе с Геневи-



рой, его второй женой, на острове Авалоне“... Нашли также хорошо сохранившиеся светлые волосы, заплетенные в косу; они несомненно принадлежали женщине большой красоты. Один нетерпеливый монах схватил рукой эту косу, и она рассыпалась в прах... Да будет известно, что кости Артура, когда их обнаружили, были столь велики, будто сбывались слова поэта: „И богатырским костям подивится в могиле разрытой“» (пер. А. Д. Михайлова) [3, с. 223—224].

В *Анналах монастыря Марган* (Гламорганшир) под 1191 г. говорится, что найденное в Гластонбери захоронение состояло из трех слоев: в верхнем слое была захоронена Гвенвивар, в среднем слое лежали останки Модреда, а затем уже открылась могила короля Артура с лежащим поверх нее свинцовым крестом, на котором была надпись: «Здесь лежит прославленный король Артур, погребенный на острове Авалоне» [50, р. 21—22].

...кто держит слово! — Возможно, после этого следовала реплика Артура, но у Э. Джонса ее нет.

Кей Верзила (Hir). — В поэме «Кто привратник?» (Черная Книга из Кармартена) Артур представляет привратнику свою дружину; Кей он характеризует так:

«Предводитель набегов, продолжителен был его гнев, тяжек он был в своем мщении, ужасен в сражении. Когда он из рога пил, то пил он за четверых; когда он шел в битву, то убивал как сто [воинов]. Если только не Божьей десницей, — то сразить невозможно Кея» [86, р. XX]. В поэме перечислены некоторые подвиги Кея: он убил девять ведьм на вершине Иставингун, он ходил сражаться со львами на Мону (остров Англси), а главное — он убил там чудовищную Кошку Палуга. В повести «Килух и Олвен» написано:

«Много всего умел Кей. Когда он хотел, то мог сделаться высоким, как высочайшее в мире дерево. Было у него и еще свойство — внутри



у него пылал жаркий огонь, и в самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все оставалось сухим» [17, с. 97].

Помимо этого, «Кей, злоязычный сенешаль из повестей артуровского цикла, прислуживает при королевском столе, т. е. занимается устройством пиров» [36, с. 209].

В «Триадах» Кей называется сыном Кенира Прекраснобородого [53, р. 37].

Келливи́г в Диананте — т. е. в Девоне, что рядом с Корнуоллом (Девон и Корнуолл часто рассматривали как одно целое). Согласно «Триадам», Келливи́г был одним из трех главных Дворов Артура: «Каерлеон на [реке] Уск, и Келливи́г в Корнуолле, и Пенрин Рионид на севере» [53, р. 211]. Келливи́г как столица Артура упоминается в повести «Килух и Овен». Нынешнее ее местонахождение неизвестно.

В Корнуолле возникла, как полагают, значительная часть (несохранившихся) источников артурианы [60, р. 506].

ДВЕ ИСТОРИИ ОБ АРТУРЕ



Друдвас, сын Трифина, сына короля Дании, заполучил от своей жены трех грифов, и они выполняли все, чего бы их хозяин ни потребовал от них. Было назначено поле боя между Артуром и Друдвасом, и никто не должен был приходиться на поле, кроме них двоих. Друдвас послал своих грифов вперед себя и сказал: «Убейте первого, кто придет на поле». И когда Артур направлялся туда, пришла сестра Друдваса, которая была любовницей Артура, и, желая добра каждому из них, она удержала Артура идти на поле. И наконец Друдвас пришел на поле, полагая, что грифы убили Артура согласно его просьбе. И грифы набросились на него и убили, а в небе они узнали его и спустились на землю, творя самое жалостное стенание, потому что они убили своего хозяина



Друдваса. Существует песнь грифов над ним, что была создана в то время в память об этом событии, и из нее Ливарх Старый взял тему, чтобы сочинить этот энглин:

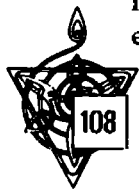
*Друдвас, сын Трифина, тяжел его день
из-за несчастья и бедствия, —
это было горем для всех, — грифы убили его.*

Ливарх Старый спел это.

2

Кау из Бриттов, владетель Кум Каулуйд, жил тогда в Эдейр-нионе, или поблизости от него, и имел двух сыновей; старшим был славный Гильдас, гневливый историк и превосходный ученый; вторым был Ховел, законченный распутник. Артур стал ревновать, потому что этот последний имел связь с одной из его любовниц, и решил тайком пойти с оружием и выследить, когда тот придет к ее дому. Вскоре он появился, и после короткой беседы они схватились и стали сражаться. После долгого боя Ховелу удалось тяжело ранить Артура в бедро. Тогда бой прервался и последовало примирение, с условием, что Ховел, под страхом потерять свою голову, никогда не должен уязвлять короля тем, что взял тогда над ним верх. Артур удалился на свой двор, который был тогда в Каервис во Флинтшире, чтобы вылечиться от своей раны. Он выздоровел, но всегда после этого прихрамывал.

Как только он поправился, то влюбился в одну госпожу из Рутуна в Денбишире; и чтобы сойтись с нею поближе, он облачился в женское платье. И когда он танцевал с нею и с ее подругами, Ховелу случилось увидеть его и узнать по причине его хромоты. И он сказал: «Этот танец был бы совсем хорош,



если бы не бедро». Король услышал это, удалился и послал за Ховелом. И, упрекнув его за то, что он нарушил свое обещание и клятву, приказал его обезглавить на камне, который лежал на улице города и который по этому случаю стал называться Камнем Ховела. Его до сих пор можно увидеть в Рутуне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Два любопытных анекдота об Артуре, находящихся вне «канонической» артурианы и, возможно, восходящих к неизвестным старинным источникам. Оба рассказа находятся в рукописях начала XVII в. — MS. Mostyn 146 и Edward Lloyd's MS. (второй был списан с MS. of John Jones of Gelli Lyfdy, 1611). Перевод сделан по изданию:

1. Bromwich R. Trioedd Ynys Prydein. The Welsh Triads. Cardiff, 1961.

2. Jones E. The Bardic museum <...>. London, 1802.

Друдвас, сын Трифина. — В перечне «Рыцарей короля Артура» из рукописи барда XVI в. Симонта Вихана (ок. 1570 г.) говорится: «Три рыцаря с золотыми языками были при дворе короля Артура: Гвалхмай, сын Гвиара, Друдвас, сын Трифина и Эливлод, сын Мадока, сына Утера. Эти три героя были столь мудры, столь откровенны, столь красноречивы и обладали такой могучей речью, что... слова сыпались как золото с их языков, потому их и прозвали Три золотоязыких рыцаря» [70, р. 23]. Но больше о Друдвасе ничего неизвестно.

Ливарх Старый (Нен) — легендарный бриттский бард и король северных бриттов в VI в., двоюродный брат Уриена Регедского, покровителя Таалиесина на севере.



Ливарху Старому приписывают, например, следующие стихи:

*То, что я любил в юности, теперь я ненавижу:
женщину, незнакомца, молодого скакуна...*

[19, 1, с. 179].

См. о нем в книге И. Г. Матюшиной «Древнейшая лирика Европы» [19].

Кау из Бриттов (Caw o Prydain) — король северных бриттов (кумбров), в конце V в. был вынужден под натиском пиктов покинуть свое королевство и переселиться со своим многочисленным семейством в Уэльс.

«Житие св. Гильдаса» (XII в.) рассказывает, что у Кау было кроме Гильдаса 23 сына, которые постоянно восставали на короля Артура; особенно отличался в этом старший сын Кау по имени Ховел (Hueil). Он совершал дерзкие набеги из Шотландии на земли Артура и всегда возвращался с добычей и славой. Наконец, Артуру удалось настичь Ховела на острове Мона и убить его [94, р. 34—35]. Это произошло в 508 г.

Вражда между Артуром и сыновьями Кау, братьями Гильдаса, и была причиной того, что этот славный историк, современник Артура, не сказал о нем ни слова в своей книге «О разорении Британии» (см. перевод В. Эрлихмана и примечания к нему [4]).

Кум Каулуйд — область в Кумбрии на севере, собственно, «область людей (воинов) Кау».

Эдейрнион — область в северо-восточном Уэльсе (Поуис).

...ранить Артура в бедро. — «У многих мифологических героев бедро было единственной уязвимой частью тела; в этой связи можно вспомнить Хромого короля из повести о Передуре или Короля-Рыбака из легенды о Граале, также имеющей кельтские корни» [17, с. 307]. Под «бедром», как давно замечено, в этих историях подразумевался пах.



Каервис во Флинтшире — град, расположенный к юго-востоку от Рудлана.

Рутун (Рутин) в Денбишире — город на реке Клуйд на севере Уэльса.

СЛАДОСТНАЯ ПЕЧАЛЬ



*К*ороль Британии увидел во сне одну женщину — краше всех под солнцем: охотнее пал бы он от любви, чем в сражении с равным себе мужем.

*Молвил правдиво Сир Гвалхмай:
«Я сам пойду искать ее для тебя,
я, мой слуга и мой пес, —
втроем мы пойдем искать эту женщину».*

*Семь недель и три месяца,
утомленный, я скитался по морю,
не видя ни берега, ни земли,
ни места, где пристал бы мой корабль.*



*Над оконечностью бурного моря
увидел я гладкие камни бело-синей башни,
стеклянные окна на кровлях ее;
внутри было множество кубков и рогов.*

*В тот день, как пристал я к подножью ее,
увидел я, как сверху упала цепь;
дрожь меня не пробрала и пот не прошиб, —
я проворно полез по ней наверх.*

*Увидел я молодую белозубую женщину
там внутри на золотом кресле;
были атлас и шелк под коленями ее;
и благословил я светлый ее облик.*

*«Я не уйду, пока не добуду
то, за чем я сюда пришел.
Сядем мы, умерим свой гнев,
и давай обманем Великана».*

*«Ты, удалец, пришедший по морю!
Жаль твое ласковое благословенье дому;
придет хозяин замка — уж он
не сжалится над твоей доблестью и слабостью».*

*«Ради твоей скорби, цветущая женщина,
мне безразлична и любовь его, и ненависть».
Она спрятала Сира Гвалхмая в укрытии,
и внутрь вошел Великан.*



*«Милый, нежный и дорогой,
велика моя о тебе забота;
поди положи свою голову мне на колени,
я сыграю тебе на арфе и спою».*

*Арфа на груди молодой королевы,
синеглазой и белозубой;
как ни сладко пела ее арфа,
слаще был голос, исходивший из ее уст.*

*Впал он тогда в сонное забытье,
ибо плавал долго по бурному морю.
Сняла она с его пояса острый меч,
и сняла ему, беспмятному, голову.*

*Связали они крепко всю его челядь;
жена его — та была в тяжелой скорби.
Все вышло так, как они хотели,
и рукой указали они на север —*

*К холодным холмам, голубым и зеленым,
где проворнее были псы, чем олени.
Так кончается мдя повесть,
певшая Сладостную Печаль.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Пример того, как бриттская традиция отразилась в традиции гэльской. Баллада *Am Brog Binn* («Сладостная печаль») была записана



ее издателем Джорджем Хендерсоном в 1892 г. от жителя острова Южный Уист (Внешние Гебриды) по имени Мор Ник Фионгайн, который исполнил ее в той же манере, в какой у гэлов было принято исполнять «оссианические» песни.

С одной стороны, песнь эта совершенно гэльская — не только по языку, но и по своей поэтике; ее можно сравнить с напечатанными в том же сборнике стихами ирландской королевы X в. Гормлайт. С другой стороны, не может не удивлять тот факт, что гэлы Гебридских островов в конце XIX в. пели баллады о Гвалхмае и Артуре! Дж. Хендерсон приводит и другие факты о бытовании «гэльской артурианы» на Гебридах, в шотландских Highlands и в Ирландии.

Ср. эту балладу с валлийской повестью «Видение Максена Вледи-га» [17]. Перевод с гэльского сделан по изданию: Henderson G. Arthurian Motifs in Gadhelic Literature // Miscellany presented to Kuno Meyer / Ed. O. J. Bergin and C. Marstrander. Halle, 1912.

Гвалхмай — валл. Gwalchmai («Ястреб мая», иначе «Ястреб долины») — лат. Walwanus — франц. Gauwain (Гавейн). В гэльском оригинале баллады — Ghalmhái. Из всех героев артурианы Гавейн ближе всех к своему прототипу из валлийской, и шире — кельтской традиции. Его приключения имеют значительное сходство с приключениями ирландца Кухулина.

А. Л. Мортон писал о Гавейне: «Валлиец по происхождению, он наделен такими первобытными и грубыми чертами, которые трудно принять англо-норманнам... сила его растет от рассвета к полудню и исчезает с заходом солнца; его родственные отношения по материнской линии гораздо важнее, чем по отцовской; на всем, что с ним связано, лежит печать волшебства, и в целом его приключениям присущ особый элемент фантастики и гротеска... Одним из самых ранних и замечатель-



ных приключений Гавейна является посещение им потустороннего мира» [24, с. 35].

Именно Гвалхмай-Гавейн является тем героем, с которым связано приключение на Иномирном острове или в чудесном замке, — именно он по преимуществу является охотником за Женщиной из Иного Мира. В ранних «слоях» артурианы не Ланселот, а он — рыцарь Гвенвивар, жены Артура (которому Гавейн приходится племянником).

Анонимный английский роман в стихах «Сир Гавейн и Зеленый Рыцарь» (XIV в.), а также поэма «Женитьба Сира Гавейна» заключают в себе весьма древние предания о бриттском герое.

Вильям Мальмсберийский (ок. 1125 г.) писал, что в конце XI в. «в области Уэльса, которая называется Рос, обнаружена гробница Вальвена [Гавейна]; Гавейн, согласно Вильяму, «правил в той части Британии, что до сих пор зовется Вальвейта». Гробница была четырнадцать футов в длину и находилась на берегу моря [84, р. 64]. Тот же Вильям пишет, что гробница Артура так и не найдена (ср. сообщение Гиральда Камбрийского, относящееся к концу XII в.).

Вильям Кэкстон, издатель «Смерти Артура» (1485), писал, что в его время в Дуврском замке можно было видеть череп Гавейна [20, с. 9].

Король Британии увидел во сне... — «Давным-давно жила одна чародейка, которая влюбилась в красивого знатного юношу. И она сделала вот что: посетила короля во сне, и заговорила с ним, и беседовала всю ночь напролет. Утром король поведал о прекрасной жепщине, беседовавшей с ним, и сказал, что увидеть ее еще раз для него желанней всего на свете — всего, па что светит солнце» (из прозаического вступления к одному из вариантов баллады; записано в 1869 г. на острове Северный Уист) [67, р. 26].

...и сняла ему, беспамятному, голову. — Известно, что великана-хозяина замка можно было убить лишь его собственным острым



мечом. Ср. ирландскую сагу «Гибель Курои» [28]. В роли Гвалхмая там выступает Кухулин, в роли великана — Курои, в роли «белозубой королевы» — Бланайд (в «Сире Гавейне и Зеленом Рыцаре» тоже намечается этот треугольник).

...жена его — та была в тяжкой скорби. — Королева, о которой ведется речь в балладе, была, вероятно, пленницей или наложницей великана.

...и рукой указали они на север... — Можно предположить, что это «приключение» происходит на острове Мэн, который в гэльской традиции является самым подходящим для этого местом (см. «Гибель Курои» и «Осада Острова Фалга» в нашей книге «Память острова Мэн» [28]).

ИСТОРИЯ МИРДИНА ДИКОГО



Как пишут некоторые писатели, был некогда в краю, что зовется Нантконви, человек по имени Морврин. Хотя иные утверждают, что [это был] Морврин Фрих, владетель Гвинеда, — не могло этого быть, согласно смыслу его [Мирдина] песен. Как бы то ни было, рукопись указывает, что человек с таким именем имел сына, которого звали Мирдин, сын Морвринуа, и дочь, которую звали Гвендид. И, как говорит повесть, сын был нетверд в своем рассудке; ибо в одно время он бывал безумен, лишен разума и смысла, а в другое время был в своем уме, и тогда бывал мудр, рассудителен и остроумен в своих ответах и добрых советах касательно всего, о чем его спрашивали. Бог наделил его даром пророчества, и эти [пророчества] он, будучи в своем уме, высказывал в размеренных стихах, и особенно Гвендид, своей сестре, которая, как



сказано в моем списке, была мудра и учена и написала толстую книгу его изречений, а именно из тех пророчеств, кои относились к этому острову. Некоторые из них следуют далее в сей работе, хотя едва ли возможно извлечь какую-нибудь пользу и смысла из любого из них. Но тем не менее, избегая лени, я с Божьей помощью запишу все то, что сумел вычитать в рукописи.

В книгах говорится, что этот Мирдин был столь нетверд в разуме и рассудке, что не хотел обитать в жилых домах, особенно в течение трех летних месяцев, а [жил] в горных пещерах и в шалашах, которые сам построил, в долинах и рощах на одном из берегов реки Конви. В эти-то места и уголки сестра его Гвендид множество раз приходила с пищей для него, которую складывала там, чтобы он мог поесть, когда к нему возвратится рассудок.

И некогда, говорит повесть, случилось так, что Гвендид увидела в несколько ночей несколько необычных снов. Она тщательно сохранила все это в своей памяти, дабы, когда найдется место и время, сообщить их брату своему Мирдину. К тому времени Гвендид приготовила хлеб с маслом на лепешке из пшеничной муки и различные напитки в особых сосудах, каждый напиток по достоинству его, соответственно его природе: вино — в серебре, мед — в роге, пиво — в платане, молоко — в белом кувшине, а воду — в глиняном кувшине. Все это она расставила по порядку вместе с хлебом и маслом внутри шалаша, к коему Мирдин, будучи в своем уме, обыкновенно приходил чтобы поесть.

В тот уголок и то место пришел он вскоре после этого, говорится в рукописи. В это время Гвендид спряталась в



шалаше, или лачуге, чтобы подслушать его песнопения. Тогда, как подробно рассказывает Гвендид, Мирдин взял прекрасно выпеченную лепешку и хлеб с маслом на ней, которым он посвятил много песен. Он сказал о них:

*Не наберется в Логрии войска на каждое место;
не посреди нее хлеб этот с маслом едят.*

И после того как он съел ломоть хлеба с маслом, он пожаловался самому себе насчет питья. Вслед за тем Гвендид явилась своему брату, которому поочередно показала напитки в том самом порядке, в каком она расставила их. В это время, как говорит повесть, Мирдин спросил свою сестру, что за напиток находится в светлом блестящем сосуде. На это Гвендид ответила: «Это напиток, который называется вином и сделан из плодов деревьев земли». — «Ага! — сказал Мирдин, — поистине, этот напиток не годится ни для меня, ни для моих людей, ибо ему свойственно делать тех, кто привык его пить в наших краях, из богатых бедными». И после этого он спросил Гвендид, что за напиток в роге. На это Гвендид отвечала так: «Это напиток, который называется у нас в народе медом и сделан из воды с медом». — «Ага! — сказал Мирдин, — пить его вдоволь не на пользу ни мне, ни любому другому человеку, ибо этому напитку свойственно делать здоровых людей больными». И затем он спросил свою сестру, что за питье в разноцветном бочонке. На это Гвендид ответила: «Это напиток, который называется пивом и сделан из воды и ячменных зерен». — «Ага! — сказал Мирдин, — этот напиток совсем нехорош для меня, ибо ему свойственно лишать разумных рассудка». А затем Мирдин спросил Гвендид, что за питье в белом кувшине. На это она ответила: «Этот



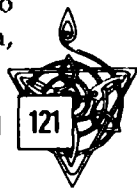
напиток сделан из того, что производят животные, и называется молоком». Тогда Мирдин сказал так: «Поистине, этот напиток хорош для меня и моих людей, ибо ему свойственно питать слабых, укреплять немощных, помогать несчастным и умножать силу в сильных». И после этого он спросил, что за напиток находится в глиняном сосуде. На это Гвендид отвечала: «Это одна из четырех стихий, и она называется водой — Бог послал ее с неба на благо людей». Тогда Мирдин сказал так: «Все, что ты сказала, правда, и поистине это самый лучший напиток вплоть до Судного Дня. Им я напьюсь вволю, чтобы утолить мою жажду».

И после этого она попросила его выслушать ее рассказ о нескольких снах, которые она один за другим видела прежде, прося его растолковать их и указать ей ясно, что они представляют. В ответ Мирдин велел ей изложить их, и она рассказала следующее, как записано в этой книге. <...>

«Мирдин мудрый и брат мой истинный, я видела второй сон, а именно: во сне мне казалось, будто я стою в ольховой роще из самых стройных и красивых деревьев, какие может придумать или вообразить человек. Я увидела, как туда вошло великое множество людей с топорами в руках, и этими [топорами] они рубили ольховые деревья под корень и валили их на землю. И тотчас я увидела самые стройные и красивые тисовые деревья, какие может представить человек, растущие на ольховых пнях. И, изумившись видению, я пробудилась ото сна, и с того дня по сей день не могу выбросить это из своей памяти».

Вот как Мирдин растолковал второй сон:

«Гвендид, мой совет тебе — не изумляйся этому сну, ибо от него тебе не будет ни беды, ни вреда, ибо ольховая роща,



которую ты видела, представляет сей остров и его коренные народы, и он будет сильно опустошен, особенно же его знать, которую изображают ольховые деревья. Вся она будет уничтожена точно так же, как в твоём видении вырубил ольху. Однако, несмотря на это, как в твоём видении на ольховых пнях тотчас выросли тисы, знать снова произрастет из остатков своих родов. К тому времени не останется богатства в руках знати, которая обручит своих детей с людьми низкого звания, — из них произрастет могучая знать, которая просуществует в этом образе и состоянии долгое время после того. Вот что поистине представляет твой сон».

После этого она объявила ему третий сон, говоря так: «Брат мой истинный, видела я третий сон, ибо, крепко уснув, я увидела, что стою на ровном округлом берегу, на котором я узрела великое множество зеленых холмов и пригорков. И моему уму-разуму представилось, что земля сотряслась, так что холмы осели и сровнялись с землей. На их месте, [как представилось] моему уму-разуму, тотчас поднялись кучи навоза. И на этих навозных кучах, видела я, росли разнообразные цветущие и благоухающие травы. Великое изумление в сердце моем от этого сна по сей день».

Вот как Мирдин растолковал третий сон:

«Дивная Гвендид, не тревожься по этому поводу, ибо видение не причинит тебе вреда; ведь берег представляет сей остров, а холмы представляют вельмож острова. А сотрясение земли означает, что сюда придет война, через которую вся знать будет уничтожена точно так же, как в твоём видении исчезли холмы. А кучи, которые в твоём видении тотчас поднялись на их месте, означают, что ее владения будут



отданы простым людям. Цветы же означают, что из этих простолюдинов произрастет могучая знать. И редко потомок их в пятом колене будет владеть очагом своего отца, деда и прадеда, ибо они сгинут, как ростки на навозе. И таково значение этого сна».

И после этого она объявила ему, что видела четвертый сон, говоря так: «Брат мой Мирдин, ночью во сне мне привиделось, что стою я в поле самой дивной пшеницы, какую только может узреть человек. Колосья пшеницы, как я видела, были сухие и спелые, а стебли совсем зеленые. И я видела, как явилось великое стадо свиней, разломало изгородь и пришло на поле, где они учинили ужасное опустошение и траву пшеницы, так что зерно легло вровень с землей. И тогда увидела я, как на поле пшеницы пришла стая белых борзых, которые тотчас ринулись на свиней и почти всех их задрали. От виденного до сих пор великое изумление в сердце моем».

Вот как Мирдин растолковал четвертый сон:

«Дивная Гвендид, не тревожься по этому поводу, ибо пшеничное поле представляет наше королевство, а пшеница представляет народ. Спелые колосья же и сочные стебли означают, что юные по годам мужи будут седовласыми в то время, и будет это зрелищем поистине столь же необычным, как если видишь колос у пшеницы совсем зрелым, а стебель совсем зеленым. А свиньи, которые в твоём видении ворвались на пшеничное поле, означают, что найдет на это королевство нашествие чужеземцев, которые уничтожат народ точно так же, как свиньи в твоём видении уничтожили пшеницу. А борзые означают, что явятся мужи, которые



отомстят свиньям за седовласых людей; тех же из них [свиной], кои останутся живы, борзые изгонят из королевства прочь. Вот и весь твой сон».

И после этого она объявила ему пятый сон, говоря так:

«Брат мой, я видела пятый сон, а именно: привиделось мне, что стою я посреди огромных размеров кладбища, которое, как я видела, полно девушек и молодых женщин. Все они, как я видела, беременные и уже на сносях. И представилось мне, что дети беседовали друг с другом из утроб своих матерей, отчего великое изумление в сердце моем, когда я думаю об этом видении».

Тогда Мирдин сказал: «Пусть этот сон не тревожит тебя. Ибо кладбище это представляет сей остров. А девушки и молодницы означают, что наступит пора и время, когда помолвки и браки будут заключаться меж детьми [чьи волосы еще] под девичьими лентами. Увы, почти каждый, поистине, человек того века и поколения женится весьма юным; дети же и потомки, которые рождаются от них, будут исполнены злобы и коварства. А раз тебе привиделось, что дети переговаривались из утроб своих матерей, это означает, что юнец пятнадцати лет от роду будет в то время разумнее в свои годы, чем мужчина шестидесяти лет».

На этом кончаются Сны.

<...> Как бы то ни было, среди людей бытуют различные мнения и толки: ибо некоторые из них держатся мнения и утверждают, что Мирдин был духом в образе человека, который прожил в этом теле со времени Вортигерна до начала [царствования] короля Артура, когда он [Мирдин] исчез. И после этого дух сей явился во второй раз при Маэлгуне



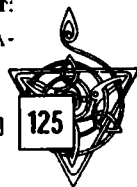
Гвинедском, и в то время он звался Талиесином, который, говорят, до сих пор живет в граде, называемом Каер Сиди. Впоследствии он явился в третий раз при Морврине Фрихе, сыне Эссилт, чьим сыном, говорят, он был и звался в то время Мирдином Диким. И с того времени по сей день, говорят, он остается в Каер Сиди, откуда, как иные люди не колеблясь верят, он явится однажды вновь перед Судным Днем.

ПРИМЕЧАНИЯ

Данный текст является частью Хроники, составленной в середине XVI века валлийским историком (солдатом по профессии) Элисом Гриффидом, которому мы обязаны и самой ранней записью «Истории Талиесина». Хроника Гриффида трактует события мировой истории от Сотворения мира до 1552 г. и включает в себя «старину» Британии и Уэльса. Значительное место в Хронике занимают предания, связанные с двумя Мирдинами, которых Гриффид различает. Причем разделы Хроники, рассказывающие о «первом» Мирдине, используют в основном вторичные — старофранцузские и английские — источники, а разделы, рассказывающие о Мирдине Диком, опираются на собственно валлийскую традицию.

Мирдину Дикому посвящено стихотворное произведение Гальфрида Монмутского «Жизнь Мерлина», написанное в середине XII в. на основе известной Гальфриду бриттской традиции (русский перевод см. [3]).

Общую характеристику персонажей, подобных Мирдину Дикому, которыми богата кельтская традиция, см. в недавно вышедшей работе Т. А. Михайловой о Суибне Безумном [22]. И. Г. Матюшина пишет: «Знаменателен образ поэта-безумца и прорицателя, создаваемый вал-



лийской традицией. Таковы почти все поэты Уэльса... — и Анейрин, которого предание называет бешено-вдохновенным, и Талиесин, изображенный в валлийских легендах предсказателем и чародеем, и потерявшая разум Хеледд по прозвищу Дикая, и Мирддин Безумный» [19, I, с. 188].

Хроника Гриффида содержится в Манускрипте 5276D Национальной библиотеки Уэльса. Перевод сделан по изданию: Jones T. *The Story of Myrddin and the five dreams of Gwenddydd in the Chronicle of Elis Gruffudd // Etudes Célitiques. Paris, 1959. Т. 8. F. 2.*

Мирдин Дикий (Myrddin Wyllt) — прототип или же «реинкарнация» Мерлина?

Гиральд Камбрийский в своем «Путеводителе по Уэльсу» (ок. 1190 г.) писал: «Было два Мерлина: одного, который пророчествовал во времена короля Вортигерна, звали Амброзий, он был зачат демоном инкубом и объявился при Кармартене, отчего этот город и получил свое название Кармартен, или Град Мерлина; другой Мерлин, рожденный в Шотландии, назывался Келидонием, от Келидонского леса, в котором он пророчествовал, а также Сильвестром, потому что когда он участвовал в сражении, то узрел в воздухе ужасное чудище и с этого времени сделался безумен, нашел прибежище в лесу и провел остаток своих дней как дикарь. Этот Мерлин жил во времена короля Артура и, как говорят, пророчествовал более полно и ясно, чем другой [Мерлин]» [90, р. 452].

В Триадах Острова Британия говорится: «Три Искусных Барда было при дворе Артура: Мирдин, сын Морврину, Мирдин Эмрис (Амброзий) и Талиесин» [53, р. 214].

Эдвард Джонс писал следующее:

Мирдин Дикий, сын Морврину, родился у Каервертевин близ Келидонского леса в Шотландии; здесь он владел обширным имени-



ем, которое потерял в войне между его сюзереном Гвендоллеу ап Кейдио и Ридерхом Хаелем. Мирдин отправился в Уэльс; он участвовал в битве при Камлане (542 г.) на стороне короля Артура; в этой битве он случайно убил своего племянника, сына своей сестры Гвендид. Это и послужило причиной его безумия: Мирдин бежит в Келидонский лес (юго-западная Шотландия), чтобы вести там жизнь «лесного человека» (это тот самый лес, где в свое время скрывались Тристан и Изольда). Умер Мирдин Дикий, однако, в северном Уэльсе, на острове Энли (Bardsey); там он и был похоронен. Перед смертью он унес в Стекланный Дом на острове Тринадцать Сокровищ Британии [69, р. 23; 70, р. 47].

По другой, более известной версии, роковая битва, в которой Мирдин потерял разум, случилась при Арфдерид (Кумбрия) в 573 г. — та самая битва между патроном Мирдина Гвендоллеу и Ридерхом Хаелем [53, р. 469].

Предание о Мирдине Диком использовал Гальфрид Монмутский в своей стихотворной «Жизни Мерлина» (сер. XII в.); в этом произведении два Мерлина отождествляются, а Талиесин представлен учеником этого мудрого безумца.

Как пишут некоторые писатели... — Элис Гриффид неоднократно ссылается на рукописи, которые он пересказывает. Какой именно источник он использовал в данном тексте, неизвестно.

Найтконви — «Долина [реки] Конви». Конви протекает в северном Уэльсе (Гвинед), между нынешними графствами Карнарвон и Денбишир.

Морварин Фрих — см. примечание на стр. 130.

«...и называется молоком». — Молоко, пишет Наталья Николаева, «ирландские монахи ценили как благословенный напиток, очищающий тело и душу» [33, с. 56].



«...чтобы утолить мою жажду». — История о Мирдине Диком, бытовавшая на острове Англси в XVIII веке, рассказывает, как один юноша, влюбленный сразу в девушку, в женщину средних лет и во вдову, желал получить от Мирдина совет, на какой из трех ему жениться. Гвендид, сестра Мирдина, решила помочь юноше: «И вот она дала юноше бутылку пива и бутылку молока, чтобы ее брата можно было уговорить постоять и побеседовать с юношей. Когда он встретил Мирдина, он предложил ему бутылку пива. Тот посмотрел на нее и сказал: „Из-за тебя мудрый становится глупым“. И не стал пить из нее. Тогда юноша протянул ему бутылку молока. „Ты, — сказал Мирдин, — питаешь юных и поддерживаешь старых“. И выпил молоко». Лишь после этого он выслушал юношу [72, р. 326].

Гвендид. — В «Жизни Мерлина» Гальфрида Монмутского сестру «короля и пророка» Мерлина зовут Ганенда. Она замужем за покровителем Мерлина, королем Родархом (в измене которому Мерлин остроумно ее обличает). Как и в нашей «Истории», сестра Мерлина сама способна к наитиям. О ней, в частности, сказано:

Та, что столько племен под своею властью держала,

Ныне, как брат, ничего не знает отряднее дебрей.

Также ее порой возносил в высочайшие выси

Дух, и она государства всецела грядущие судьбы...

(пер. с лат. С. А. Ошерова) [3, с. 169].

По другой версии, Гвендид была не сестрой (или не просто сестрой), а возлюбленной Мирдина; в одной из поэм Мирдина говорится: «Теперь Гвендид не любит меня, не шлет мне привета...» [19, I, с. 186].

...как записано в этой книге. — Первый сон Гвендид и его толкование мы опустили: эта часть текста значительна по объему, но малоинтересна. Гвендид приснилось, будто она стоит на большом



широком поле, покрытом кучами камней (каирнами); будто огромное множество людей перетаскивает камни от маленьких кучек к большим, но сколько бы они ни трудились, маленькие кучи не становятся меньше, а большие не становятся больше. Мирдин объяснил, что поле представляет Британию, маленькие каирны — рабочий люд, а большие каирны — вельмож. Бог воздаст труженикам и карает мироедов, поэтому, сколько бы ни старались их (мироедов) слуги, от малых куч не убавляется, а большие кучи не растут.

На этом кончаются Сны. — Пять напитков в пяти различных сосудах, предложенные Гвендид Мирдину, соответствуют пяти ее снам и пяти их толкованиям; однако смысл этого соответствия темен, и о нем остается гадать.

Как бы то ни было... — Это примечание Элиса Гриффида записано в другом месте его Хроники, где он излагает предание о заключении Мерлина-Мирдина Девой Озера в Дом из Стекла (из французского романа «Мерлин» или из других источников) [72, р. 320—321].

Вортигерн — валл. Gwrtheyrn; по традиции, идущей от Гильдаса и Ненния, — король-узурпатор, которому вменялось в вину приглашение саксов в Британию (см. русский перевод Ненния и Гальфрида [3]). Согласно Триадам, он один из трех Покрытых Позором Людей Острова Британия — вместе с Аварви, пригласившим римлян, и Медраудом (Модредом), предавшим Артура [53, р. 132]. В поэме «Судьба Британии» из Книги Талиесина (XIII в.) говорится:

Со времен Гуртейрна они [саксы] — среди нас!

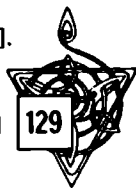
По какому праву они захватили земли наших предков?

По какому праву они растоптали святилища наших святых?

...Валлийцы позаботятся при встрече с ними,

чтобы чужезмцы не ушли оттуда, где они стоят...

[8, с. 271].



Вортигерн сгорел в собственной крепости, преследуемый Аврелием Амброзием и Утером Пендрагоном (см. примечания к «Стоунхенджу» в наст. изд.).

Каер Сиди. — См. «Опустошение Аннувна» в наст. изд.

Маэлгун (Maelgwn) Гвинедский — король северного Уэльса (Гвинед) в первой пол. VI в. По отзыву св. Гильдаса, из-за своих причуд и преступлений был он величайшим тираном и «драконом острова» Британия. Так, в конце своего правления он неожиданно принимает монашество и отсылает прочь свою жену; затем столь же неожиданно возвращается к власти, казнит свою жену и племянника и женится на его вдове [77, р. 165].

Вместе с тем Маэлгун был большим покровителем бардов, и с ним связано предание, согласно которому Талиесин при дворе Маэлгуна посрамил его бардов; предание это составляет часть «Истории Талиесина». Об этом, а также о том, как Маэлгун заточил Эльфина в темницу, а Талиесин освободил его, см. в книге В. Эрлихмана [17].

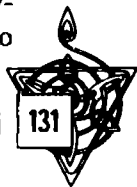
Умер Маэлгун в 547 г. от «желтой чумы».

Морврин (иначе Мервин) Фрих — король Гвинета в 825—844 гг. Этот Морврин считался отцом Мирдина (жившего в VI в.) по ошибке. У Т. Стивенса написано, что Мирдин был сыном Мадока Морврина. В любом случае происхождение Мирдина Дикого остается «темным», как и происхождение Мирдина Эмриса [53, р. 471].

ГВЕНВРЕВИ



Был в ее время один святой отшельник по имени Бейно, и пошел он в дом доброго человека, который звался Тевит и был отцом святой Гвенвреви, — был он муж, богатый землями и поместьями. И [Бейно] попросил этого Тевита дать ему участок земли, на котором он мог бы построить церковь, чтобы служить в ней Богу и проповедовать слово Божье людям. И этот Тевит был обрадован его просьбой и определил ему место рядом со своим домом, чтобы он [сам] мог ходить к Божьей службе. И вот, в то время пока строилась церковь, он [Бейно] часто проповедовал слово Божье людям, а Гвенвреви приходила туда со своим отцом, чтобы слушать его. И когда она услышала, как он говорил о великой награде и радости, которые обретут девственницы на небесах, превосходя другие сословия, тогда возымела она столь великую веру к его



речам, что тотчас дала обет, что она никогда не познает мужчину, но останется навсегда в своей девственности, на всю свою жизнь.

Затем однажды в воскресенье, когда та церковь была создана и построена, Тевит со всеми своими людьми пошел в церковь, а Гвенвреви осталась дома из-за болезни, мучившей ее настолько, что она не могла пойти с ними в церковь. И вот, когда она сидела дома одна, пришел туда королевский сын, который звался Крадок, чтобы возлечь с этой девой. Но когда он заговорил с ней о свершении этого греха, она сказала, что пойдет в свою комнату, сделает себя более приличной, чем была, и тотчас вернется к нему. И когда она пошла в свою комнату через наружную дверь, то быстро как могла побежала к церкви, надеясь обрести там убежище. Но когда Крадок увидел, что она побежала к церкви, он побежал следом, настиг ее и сказал, что, если она не уступит его желанию, он тотчас отрубит ей голову. Тогда Гвенвреви опустила на колени и сказала: «Я предпочту, чтобы ты предал меня смерти, чем осквернил мое тело, которое я дала обет хранить в девственности, пока я жива, для Господа моего Иисуса Христа».

Тогда Крадок вытащил свой меч и одним ударом отсек ей голову, а поскольку у подножья того холма была церковь, голова покатилась, не останавливаясь, пока не попала в поле зрения всех, кто там был. По этой причине люди так испугались и подняли такой шум, что Бейно весьма изумился, что бы это могло быть, и вышел к ним узнать, какова причина этого шума. И вот, когда он увидел голову, он поднял ее, много раз поцеловал ее с горьким плачем и приставил ее к телу, взирая



на Крадока, который вытирал о траву свой меч, что был весь в крови после удара. Тогда Бейно сказал ему: «Ты скверный человек и глупец, проси у Бога прощения за это ужасное деяние, и Бог еще может сжалиться над тобой; а если ты не хочешь, то я прошу Бога, чтобы Он послал тебе возмездие». И тотчас на глазах у всех людей, за то, что не захотел прилюдно молить о милости, он тотчас упал на землю, и тогда земля разверзлась и поглотила его, [отправив его] тело и душу в ад. Затем Бейно взял голову, вновь приставил ее к телу, накрыл плащом и пошел к своей службе; и когда он пел и поучал народ, многое рассказывая об этой деве, то сказал, что Бог не хочет, чтобы она умерла теперь. Ибо Он определил, чтобы многие люди обрели помощь через нее. После этого он велел каждому человеку молиться Богу, дабы Он воскресил ее снова к жизни, и Бог это сделал. И когда они подошли к ней, она села и рукой своей вытерла с лица пыль, что была на нем, и заговорила с ними — целая и невредимая, какой была прежде.

Тогда Бог явил там три великих чуда. Одно было, когда земля поглотила живьем того, кто ее убил. Другое было то, что там, где остановилась голова, тотчас забил чистый источник, а прежде его никогда там не видели. Третьим [чудом] было то, что она, будучи убита, снова воскресла к жизни. Четвертым было то, что всегда, покуда она жила, вокруг ее шеи, куда пришелся удар, оставался белый рубец, похожий на белую нить. По этой причине ее, чье прежнее имя было Брева, люди с того дня называли Гвенвреви, а по-английски — «Белая Нить».

Тогда узрела Гвенвреви великое чудо, которое сотворил с нею Бог, и приняла это близко к сердцу, и всегда предавалась



после этого праведному житью, и ночью и днем занимаясь служением Богу, как учил ее Бейно. Затем, когда она усовершенствовалась во всех деяниях, Бейно пошел [с нею] в другое место, где было множество праведных дев, и когда они пришли туда, она жила столь совершенно во всем, что все брали с нее пример, а поскольку тот самый белый рубец был очевидным свидетельством ее мученичества, то все мужья и жены имели великое благоговение к ее словам и ко всем ее деяниям, так что многие оставляли мирские занятия, с охотою приходили и жили вместе с ней.

И вот, когда она прожила там много лет, Бог предупредил ее, что близится день ее смерти. После чего она приготовилась, и когда получила причастие от святой церкви, тогда на глазах у всех своих сестер она предала свою душу Иисусу Христу, которого любила всем своим сердцем, и ее похоронили на церковном кладбище, там же, где были погребены прежде многие другие святые.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ИЗ КНИГИ «WALES ILLUSTRATED» (1830)

Имя города Холиуэлл происходит от необыкновенно чистого родника, который берет начало у подножья холма прямо под городом и который, пока ему не препятствовали мельницы, принадлежащие различным мануфактурам, стремил свои воды с замечательной быстротою через живописную долину к морю. Происхождение этого природного ключа легенда приписывает чудесному событию.



Девушка, рожденная от знатных родителей, ее отец Тевит, владетельный вельможа этих мест, и ее мать Венло, происшедшая из знатного рода в Монтгомеришире, — все они жили близ того места, где ныне находится Холиуэлл. Святой Бейно — то ли дядя ее, то ли брат — руководил ее воспитанием и воздвиг здесь церковь, дабы просвещать верой в то же время и других.

Соседний властитель, или вельможа по имени Крадок, пораженный ее красотой, так был очарован ее прелестями, что страстно влюбился и, распалившись похотью от скромности девушки, решил овладеть силой тем, что получил бы вскоре с ее согласия, если б немного поухаживал за нею и уделил ей внимание. Красавица бежала, как Дафна, от своего поклонника, который преследовал ее с пылом неумеренного желанья; и, разъяренный ее явным отвращением, он вытащил свой меч и одним ударом отделил от тела голову, которая покатилась вниз по холму и остановилась на некотором месте внизу, близ церкви. Наружу мгновенно пробился весьма полноводный родник, хлынули воды, и могучий поток оросил долину, которая прежде, по своей замечательной сухости, получила название Сихнант. <...> Святой Бейно с хирургическим искусством, которым не овладела наука наших дней, поднял ее голову, вновь приладил к телу и, страшно сказать, после нескольких молитв или заклинаний разделенные члены мгновенно и сами собою воссоединились, оставив только нечто вроде рубца, похожего на тонкую белую линию, охватывающую шею воскрешенной девушки, — как очевидное свидетельство для тех, кто спросил бы о природе сего чуда.



Убийца, как сообщают, немедленно понес возмездие небес; ибо после того, как он был насмерть поражен молнией, земля разверзла свой зев и в один присест поглотила его окаянное тело.

Предполагаемые целебные свойства этих вод, рожденных, как известно, чудесным образом, прежде привлекали многочисленных паломников; и на источник сей смотрели легковерным взором как на второй Бетesda. Все виды немощей, присущих убогому плотскому человеку, врачевала целебная сила; и по сей день над источником нависают костыли, носилки и другие приношения по обету, как трофеи совершившихся здесь чудесных исцелений.

Родник этот, вероятно, один из самых чистых в королевстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предание о святой Гвенвреви (англ. St. Wenefrede, Winifred или Wenefrid) восходит к VII в. Известно два латинских Жития Гвенвреви: рукопись одного из них (Cottonian MS.) относят к XI в., рукопись другого (Bodleian MS.) — к XII в.

Данная версия содержится в недатированном манускрипте (Книга Праздников), судя по языку, XV века, и опубликована в приложении к изданию Хроники Роберта Брюнне в 1725 г. По жанру это гомилия («беседа»).

Рассказ начинается с обращения к «добрым мужьям и женам», чтущим святую Гвенвреви. Это вступление мы опустили, как и вторую часть рассказа, где повествуется о посмертных чудесах (исцелениях), сотворенных Гвенвреви.



Что касается чудесных источников, подобных источнику св. Гвенреви, то в Уэльсе, Корнуолле и в других частях Британии их было великое множество. См. о некоторых из них в «Энциклопедии суеврий» на рус. яз. [47]. В переводе мы старались сохранить стиль и особенности оригинала. В приложении мы публикуем текст из Описания Уэльса, изданного в 1830 г.

Перевод сделан по изданию: An account of St. Wenefride, from an old MS. of the Book call'd Festival or Festial, in the hands of Thomas Ward, of Longbridge near Warwick, Esq. // Peter Langtoft's Chronicle (as illustrated and improved by Robert of Brunne) from the Death of Cadwalader to the end of King Edward the First's Reign / Transcribed, and now first published, from a MS. in the Inner-Temple Library by T. Hearne: In 2 vols. Oxford: Printed at the Theater, 1725. Vol. 1.

Приложение: Wales Illustrated, in a series of views, comprising the picturesque scenery, towns, castles, seats of the nobility and gentry, antiquities etc. Accompanied by historical and topographical descriptions. London: Published by Jones and Co. [1830].

Бейно (Beino). — Бейно, сын Буги, один из плеяды валлийских святых первой половины VII в., был родом из Поуиса. Изгнанный сыновьями Селифа ап Кинана, он получил землю, именуемую Сихнант, во Флинтшире, которую с одобрения короля Кадвана Гвинедского ему предоставил «добрый муж» Тевит. В дальнейшем он купил землю в Арвоне у короля Кадваллона, сына Кадвана, отдав за нее золотой скипетр стоимостью в 60 коров, подаренный ему Кадваном, отцом короля. Однако, обнаружив, что Кадваллон отнял эту землю у настоящего владельца, Бейно проклял короля и ушел на постоянное жительство в Клинног; здесь он основал монастырь, в котором был аббатом (ок. 616 г.); здесь же до сих пор сохранилась его могила.

Особенно почитали св. Бейно в северном Уэльсе.

Св. Бейно известен многими чудесами: помимо Гвенвреви, он оживил также дочь Инира Гвента, которую убил собственный муж, ремесленник из Аберфрау. Когда брат этой женщины пришел в Карнарвон, чтобы истребовать назад ее приданое — коней, золото и серебро, — он отрубил голову мужу, а святой Бейно оживил и этого последнего, приставив ему голову обратно [77, III, p. 19—20].

Как писал Эдвард Джонс (1802), бриттские святые были наследниками друидов [70, p. 52].

Гвенвреви. — Известно, что до старости она была аббатиссой в Холиуэлл (Флинтшир). Затем была аббатиссой в Гвитерин (Денбишир), где и умерла. В нашем источнике содержится описание посмертных исцелений, совершенных ею. Ее останки были перенесены в церковь при аббатстве Шрусбери в 1138 г., и до сих пор погребены в развалинах этого некогда величавого строения [68].

Крадок (Карадаук). — В латинском Житии, которое приписывается бриттскому святому VII в. Элерию (Cottonian MS.), Карадаук, сын Алаука, был принцем королевской крови. Утомленный охотой, он зашел в дом Гвенвреви испытать воды. Пораженный красотой девушки, он сделал ей предложение. Гвенвреви, видя, что принц не принимает ее отказа, прибегла к хитрости и, обманув Карадаука, побежала к церкви. Разъяренный принц настиг Гвенвреви у входа в храм и отрубил ей голову. Святой Бейно вышел и, увидев залитого кровью принца, тут же проклял его, и Карадаук истаял у него на глазах, как воск перед огнем. (В другом Житии Гвенвреви, которое приписывается Роберту, аббату Шрусбери, земля разверзлась и пожрала убийцу [81, p. 35—36].) Камни на том месте, где упала голова Гвенвреви, с тех пор всегда кажутся кровавыми, а мох благоухает и исцеляет болезни. Прибавляют еще, что люди из свиты Крадока были обречены с тех пор лаять по-собачьи [87, p. 348].



...тотчас забил чистый источник... — «Святой источник» у одноименного города (Holywell) считался одним из чудес северного Уэльса [70, р. 50]. По-валлийски он назывался Ffynnon Gwenfrewi.

Эдвард Джонс сообщал, что вокруг источника во времена Генри VII была построена ладная готическая часовенка, в которой был алтарь с изображением св. Гвенфреви и картинами ее жития. Тут же был водоем с исключительно холодной и чистой водой, на дне которого можно было видеть монеты. Место это, продолжает Джонс, привлекало великое число паломников и в конце XVIII в. [70].

Уирт Сайкс (1880) писал об этом источнике: «В его чудесную силу чрезвычайно верят и валлийцы, и жители всех частей Великобритании, и жители Соединенных Штатов... Источник, извергающий в минуту двадцать одну тонну воды, которая питает искусственное озеро и приводит в движение мельницу, источник, который исцелил за много сотен лет неисчислимые тысячи людей от их болезней, — это, поистине, одно из чудес света...» [87, р. 347].

В другой части Британии, у Карраборо (Нортумбрия), некогда существовало святилище у источника в честь местной богини по имени Ковентина. «Здесь вокруг бьющего до сего дня ключа был выстроен храм кельтского типа, внутри которого находился колодец или водоем, куда верующие бросали большое количество денежных приношений». Там обнаружена «мраморная плита с надписью „богине Ковентине“ и барельеф с изображением самой Ковентины, возлежащей на листе, с водяным растением в правой руке и с кубком, из которого течет вода, — в левой» [8, с. 168].

Хотя две эти традиции ничем не связаны (кроме их «кельтскости»), параллель между ними очевидна.

...получил бы вскоре с ее согласия... — Это предположение остается на совести автора «Wales Illustrated» (вероятно, протестанта).

Бетсда — здесь: известная в Средние века общественная купальня в Иерусалиме, где случались чудесные исцеления. На севере Уэльса, в Карнарвоншире, в пяти милях от Бангора, есть местечко с таким же названием.

СМЕРТЬ РОБЕРТА РУДЛАНСКОГО



то время [1088] соседние бритты, которые обыкновенно назывались валлами или валлийцами, чрезвычайно свирепствовали против короля Вильгельма и всех его союзников.

Посему по решению короля построена была у Рудлана крепость против валлийцев, и ее передали Роберту, дабы он защищал английское королевство, отражая варваров. Военственный маркиз постоянно сражался против беспокойного народа и в частых сражениях пролил много крови. И вот, отразив туземных бриттов в жестокой битве, он расширил свои границы и построил крепчайший замок на горе Деганви, которая соседствует с морем. Пятнадцать лет он нестерпимо угнетал бриттов и вторгнулся в пределы тех, кто прежде наслаждался вольностью и ничем совершенно норманнам обязан не был; он преследовал врагов по лесам и болотам, и по



крутым горам и различным образом изничтожал их. Ведь одних он бесцеремонно, как скотину, убивал в сражении, а других предавал надолго оковам или жестоко ввергал в беззаконное рабство. Не должны христиане так угнетать своих братьев, кои заново родились в вере Христовой через святое крещение.

Гордыня и алчность, которые по всему кругу земному владеют сердцами, подстрекали маркиза Роберта к безудержным грабежам и убийствам, и они же впоследствии увлекли его к ужасному концу. Ибо в третий день июля Гриффид, король валлийцев, пристал с тремя кораблями к берегу под горой, которая называлась Ормагева, и тотчас пираты, как хищные волки, разбежались по побережью, чтобы опустошить пограничную область. Между тем в море начался отлив, который оставил корабли пиратов на сухом берегу. Гриффид же со своими [людьми] налетел на приморские земли, угнал людей и скотину и поспешно возвратился к кораблям, [стоявшим] на мели.

Между тем крик толпы пробудил Роберта от полуденной дремы и известил его о вражеском набеге на его землю. Он же бодро поднялся с ложа и тотчас приказал глашатаям собирать войско по всей области. Затем сам он с немногими воинами и без оружия погнался за валлийцами, и с вершины горы Ормагева, которая очень крута, увидел пленников, связанных пиратами и влекомых вместе со скотиной на корабли. Оттуда отважный маркиз свирепо заревел, как благородный лев, и велел немногим безоружным людям, которые были с ним, напасть на валлийцев, что стояли на мели, прежде чем начнется прилив. Они, однако, ссылались на свою немногочис-



ленность и на то, как трудно спускаться с крутой горы. Тогда Роберт, глядя, как вражье войско со своей добычей дожидается прилива, чтобы отплыть, сильно опечалился и, не в силах медлить, без панциря и с одним ратником по имени Осберн Оржерский спустился по крутому склону к врагам. Когда те увидели, что он прикрыт лишь щитом и его сопровождает один только ратник, то все разом метнули в него копья, невыносимо отяготили дротиками его щит и смертельно ранили превосходного воина. Никто, однако, пока он стоял и держал щит, не решился подступить к нему или напасть на него с мечом. Наконец, у героя-воителя, пронзенного стрелами, подогнулись колени, ослабевший муж выронил щит, слишком тяжелый от дротиков, и поручил свою душу Богу Святому и Божьей Матери Марии. Тогда все бросились на него, на глазах у его людей срубили ему голову и прикрепили ее поверх мачты корабля в знак победы. Многие с вершины горы, горько плача и стона, смотрели на это, но были не в силах выручить своего героя. Затем приспели со всей области его товарищи по провинции, хотя и напрасно, потому что уже ничем не могли помочь маркизу. Они, однако, снарядили корабли и преследовали бежавших морем пиратов, сильно скорбя при виде головы своего вождя над мачтой корабля. И когда Гриффид и его сообщники оглянулись и заметили преследователей, весьма разгневанных [таким] поруганием [своего] господина, то сняли голову и выбросили в море. Увидев это, дружина Роберта прекратила тщетное преследование убийц. Тело же его англы и норманны с великой печалью подняли, отнесли в Честер и похоронили там в обители святой девы Варбурги.



ПРИМЕЧАНИЯ

Текст взят из «Церковной Истории» Ордерики Виталия (1075—1143). Англосакс по происхождению, он писал свою хронику в нормандском монастыре Saint-Evroul, главным дарителем которого был Роберт Рудланский.

Ордерик — хороший писатель и умный историк; все симпатии его, естественно, на стороне Роберта, бритты ему неприятны, однако он справедлив и к ним. Заметим, что в этом тексте Роберт напоминает эпического героя «Песни о Роланде».

Данный рассказ — хорошая иллюстрация к истории англо-нормандского завоевания Уэльса. К тому же рассказ этот содержится только у одного автора — Ордерики Виталия.

После битвы при Гастингсе и поражения англосаксов (1066) Вильгельм Завоеватель первым делом учредил в землях, граничащих с Уэльсом, три графства, столицами коих были назначены Честер, Шрусбери и Херефорд: эрмам их было поручено отражать набеги бриттов и, естественно, расширять пределы государства. Валлийцы, веками сражавшиеся против саксов и между собой, обрели нового могущественного врага.

Перевод с латинского сделан по изданию: Orderici Vitalis Historia Ecclesiastica // The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / Ed. and transl. by M. Chibnall. Oxford, 1973. Vol. IV. Book 7, 8. P. 134—142. (Oxford Medieval Texts). Название текста — наше.

Роберт Рудланский — был родом из Нормандии; вначале он служил королю Эдуарду Исповеднику, который сделал его рыцарем, а после 1066 г. — Вильгельму Завоевателю, который сделал его «маркизом», то есть «пограничным лордом». Главной целью Роберта было



сделаться лордом Гвинед, т. е. северного Уэльса. После пятнадцати лет непрерывной войны с валлийцами Роберт был убит в 1088 г. (по другим расчетам, в 1093 г.). Гибель Роберта не приостановила продвижения нормандцев в северном Уэльсе. Его владения и амбиции перешли к его родичу, эрлу Хуго Честерскому.

Рудлан — древняя британская крепость на севере Уэльса (восточный Гвинед, область Тегейнгл, ныне Флинтшир). В середине XI в. она еще была валлийской. В Англосаксонской Хронике под 1063 г. записано: «В этом году после Рождества эрл Гарольд пошел из Глостера к Рудлану, который принадлежал Гриффиду [ап Левелину], сжег там двор, корабли и все снаряжение, что относилось к ним, и обратил его в бегство» [88, р. 136]. Вскоре этот Гриффид был предан своими же людьми, его голову послали эрлу Гарольду, а тот отправил ее королю Англии Эдуарду.

На месте валлийской крепости Рудлан по приказу Вильгельма Завоевателя была построена нормандская крепость, которую поручили Роберту. Рудлан стал главным опорным пунктом нормандской экспансии в северном Уэльсе.

...отражая варваров. — Англо-нормандские хроники характеризуют бриттов как «людей зверонравных, от природы проворных, привычных к войне, неверных и неусидчивых» (Gesta Stephani) [64, III, р. 10].

Деганви — гора (и город) при Аберконви (устье реки Конви) на севере Уэльса, в Карнарвоншире, полуостров Creuddyn. Здесь, как и в случае с Рудланом, на месте древней британской крепости Роберт построил новый замок. К этому времени Роберт Рудланский уже захватил области в восточном Гвинед (Рос и Рувониог) и приступил к Гвинеду западному. Рейд валлийцев короля Гриффиды случился в тот момент, когда Роберт находился в Деганви.



Король Гриффид — Гриффид ап Кинан, король Гвинеда (1054—1137); уже в 1175 г., через два года после основания замка в Рудлане, Гриффид совершил удачный набег на него и возвратился домой с добычей. Позднее, захваченный норманнами в плен, он провел много лет (двенадцать или шестнадцать) в заключении в Честере. На этом основании историки сомневаются, является ли предводитель валлийского набега «король Гриффид» Гриффидом ап Кинаном [75, II, p. 379—392].

Известна валлийская «История Гриффида ап Кинана», написанная в XII в. при его сыне Овйше Гвинедском. В этой «Истории» содержится эпизод, который, возможно, рассказывает о последней схватке Роберта, не называя его: разграбив замок Аберлериог, король Гриффид вернулся на то место, где стояли три его корабля. «Люди из замка и люди из Мор целый день преследовали его, доблестно сражаясь у него за спиной. И, как прежде, они [валлийцы] возвращались с добычей, с франками [т. е. нормандцами] и саксами, которых связали и пленили; и в долгой битве они сразили некоторых из своих преследователей. Со стороны Гриффида там пал Геллоц, главный арфист и музыкант на кораблях» [79, p. XXXVII].

Известен «Плач» барда Мейлира Бридида по королю Гриффиду.

Гора (Мыс) Ормагева (Норманеиа) — ныне Great Ormes Head, мыс на крайнем севере Уэльса.

...срубили ему голову и прикрепили ее поверх мачты корабля... — Здесь нельзя не вспомнить о том, что древних кельтов называли «охотниками за головами». Диодор Сицилийский (I в. до н. э.) писал о галлах: «Убитым врагам они отрубают головы и вешают их на шеи своих коней... Лучшую часть добычи они прибавляют к стене своего дома, как, бывает, поступают с добычей охотники. Головы наиболее выдающихся из врагов они бальзамируют кедровым маслом и бережно хранят в ларцах, показывая затем гостям... некоторые из них гордятся



тем, что не приняли за такую голову золота, равного ей по весу» (Историческая Библиотека, V, 29, 4—5; пер. О. П. Цыбенко). Это сообщение позже повторил Страбон (География, IV, 4, 5). О богатом археологическом материале по этой теме см. в книге М. Диллона и Н. Чедвик «Кельтские королевства» [8, с. 351—354].

Однако ср. историю, относящуюся к концу XIII в. В декабре 1282 г. английский король Эдуард I получил голову последнего принца Уэльса, Левелина ап Гриффида, убитого и обезглавленного сиром Эдмундом Мортимером, и отослал эту голову в Лондон, приказав водрузить ее на Тауэр. Вскоре рядом с головой Левелина оказалась голова его брата Давида. Эта драматическая история подробно изложена в «Хрониках» Роберта Фабиана (1516) [61, р. 385—389].

Св. Варбурга (Вербурга) — англосаксонская святая, дочь короля Мерсии Вульфхера (VII в.). Была аббатиссой монастырей Шеппи и Эли. Ее останки были захоронены в аббатстве Честера.

ХРОНИКА ПРИНЦЕВ



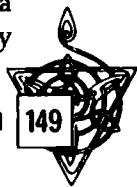
В то время [1108] Геральд, наместник [короля Генри I] в замке Пемброк, основал замок, названный Кенарт Бихан. И он распорядился, чтобы там разместили все его имущество, и его жену, и его потомство, и всю его ближайшую родню. И он укрепил его валом и рвом и сделал ворота, запиравшиеся на замки и засовы.

На следующий год [король] Кадоган ап Бледин приготовил пир для вельмож страны. И он пригласил на пир, который устроил, своего сына Овейна из Поуиса. И пир этот он устроил на Рождество во славу Божью. Когда же пир этот был окончен и Овейн услышал, что Нест, дочь Риса ап Теодора, жена Геральда-наместника, находится в вышеупомянутом замке, он со свитою из немногих людей отправился навестить ее как свою родственницу. А они были родичами: ибо Кадоган ап



Бледин и Гваладус, дочь Риваллона, мать Нест, были двоюродные брат и сестра, а Бледин и Риваллон, сыновья Кинвина, были братьями по Ангарад, дочери короля Маредуда. А после этого, с Божьего попущения, пришел он [Овейн] ночью к замку, и с ним горстка людей, около четырнадцати, и они тайне проделали лаз под воротами, о чем не ведали стражи замка. А затем он пошел к комнате, в которой спали Геральд и Нест, его жена. И они подняли крик повсюду и близ комнаты, в которой был Геральд, и зажгли факелы, и запалили строения, чтобы сжечь их. И услышав крики, Геральд пробудился, не зная, что делать. И тогда Нест сказала ему: «Не подходи к дверям, ибо там тебя поджидают твои враги, а следуй за мной». Он так и сделал. И она повела его в потайную комнату, которая примыкала к спальне. И оттуда, как говорят, он убежал через потайной ход. И когда Нест поняла, что он спاسся, она закричала оттуда людям, что были снаружи: «Зачем вы кричите зря? Того, кого вы ищете, здесь нет. Он убежал». И когда они вошли, то искали его повсюду. И не найдя его, они схватили Нест, и двух ее сыновей, и ее дочь, и другого его сына от наложницы, и разграбили и разорили замок. И предав замок огню, собрав добычу и овладев Нест, Овейн возвратился в свою землю. Кадогана же, его отца, в то время не было в стране, ибо он отправился в Поуис, чтобы замирить тех, кто был в раздоре с Овейном и кто покинул его.

И когда Кадоган услышал об этом деле, он был возмущен и опечален, как из-за насилия, совершенного над Нест, дочерью Риса, так и из страха, что король Генри будет разгневан бесчестием, нанесенным его наместнику. И тогда он вернулся и попытался возвратить Геральду-наместнику



его жену и его добро, по не добился этого от Овейна. И тогда, схитрив, женщина сказала Овейну так: «Если ты хочешь, чтобы я была тебе верна и хочешь удержать меня при себе, препроводи моих детей к их отцу». И он по страсти своей и любви к этой женщине отпустил двух ее сыновей и дочь к наместнику.

И когда Ричард, епископ Лондона, человек, который был тогда наместником короля Генри в Шрусбери, услышал об этом, он задумал отомстить Овейну за бесчестие, нанесенное Геральду-наместнику. И он призвал к себе Ителя и Мадока, сыновей Ридида ап Бледины, и сказал им так: «Желаете вы угодить королю Генри и добиться его любви и дружбы навеки? Он возвысит и возвеличит вас надо всеми вашими собратьями-держателями земли, и сделает так, что вам позавидуют те из ваших родичей, чьи земли граничат с вашими». И они отвечали: «Мы согласны». — «Тогда идите, — сказал он, — и схватите Овейна ап Кадогана, если можете. Если же не можете, изгоните его вместе с его отцом из страны, ибо он нанес ущерб и оскорбление королю Генри и безмерный урон Геральду-наместнику, ближайшему его другу, в отношении его жены, его детей, его замка, его добра и имущества. И я придам вашей компании верных товарищей, а именно Ливарха ап Трахерна, человека, братьев которого убил Овейн, и Ухдрида ап Эдвина». И они, поверив этим обещаниям, собрали войско, вместе вышли и направились в его [Овейна] землю. И Ухдрид отправил в страну гонцов, дабы уведомить жителей, что всякий, кто прибегнет к нему, получит покровительство. И некоторые бежали к нему, а некоторые в Арвистли, кто-то в Майленид, кто-то в Истрад Тиви. Но большинство из них направилось в



Дивед, где властвовал Геральд. И когда он намеревался убить их, Вальтеру, шерифу Глостера, которому король [Генри] вверил управление Глостером и оборону Англии, случилось прийти в Каер Мирдин. И когда он услышал об этом, он защитил их. Тех же из них, кто бежал в Арвистли, повстречали люди из Майленида и убили их. А тех, кто бежал в Истрад Тиви, дружески принял Маредуд ап Ридерх. Кадоган же и Овейн бежали на корабль, стоявший в Абер Диви, который незадолго до этого прибыл из Ирландии с товарами.

А затем Мадок со своим братом и Ливарх пошли встречать Ухдрида к броду Корнузк и расположились там лагерем. И Ухрид наконец пришел туда. И после того как он пришел, они захотели выйти ночью и опустошить земли до наступления дня. И тогда Ухрид сказал им: «Как вам угодно, но в этом нет нужды; ибо Кадогана и Овейна не следует презирать, ведь они могучие и храбрые вожди. Много чего держат они на уме. И может быть, у них больше поддержки, чем мы думаем. И посему негоже нам нападать на них внезапно, а лучше среди бела дня, в сопровождении величественного, стройного войска». И при этих словах они мало-помалу успокоились, так что люди той страны смогли убежать. А на следующий день они вошли в страну. И когда они увидели, что она безлюдна, то стали браниться и говорили: «Вот красивые слова Ухдрида!» И они обвинили Ухдрида и сказали, что никому не стоит связываться с этим хитрецом. И, обрыскав все окрестности, они не нашли ничего, кроме конюшни Кадогана. И, захватив ее, они сожгли дома, амбары и зерно и вернулись обратно к своим шатрам, и убили кое-кого из людей, бежавших в Ланбадарн, а других оставили в живых.



И пока они были этим заняты, то услышали, что кое-что осталось в святилище Давида при Лан Деви Бреви, в храме у священников. Они послали туда исполненный злобы отряд, и те осквернили погост и церковь и полностью разорили их. И после этого они возвратились почти с пустыми руками, не считая той бесславной добычи, что они забрали из ограды святых, Давида и Падарна.

И после этого Овейн отплыл в Ирландию в сопровождении нескольких друзей и тех, кому не было смысла оставаться, поскольку они участвовали в сожжении замка. И он был дружески принят Муирхертахом, верховным королем Ирландии. Ибо прежде он был при нем и воспитывался вместе с ним во время войны, в которой [остров] Мона была разорена двумя эрлами, а он был послан своим братом с дарами для Муирхертаха.

А Кадоган тогда тайно направился в Поуис. Он отправил посланцев к Ричарду, наместнику короля. И он добился у него перемирия, дабы попытаться заключить с королем мир на любых условиях, какие только возможны. И король принял его и позволил ему жить в поместье, которое он получил от своей жены, что была из франков, — дочери Пикота Саи.

И тогда Мадок и Итель, сыновья Ридида, захватили владения Кадогана и его сына Овейна в Поуисе и бесславно правили ими. И они не ладили между собою.

Тем временем Кадоган, заключив мир с королем, получил свою область, то есть Кередигион, после того как выкупил ее у короля за сто фунтов. И услышав об этом, все те, кто был рассеян за границей, возвратились; ибо было повеление



короля, чтобы ни жители этой страны, ни чужестранцы не оказывали помощи никому из тех, кто обитал в Кередигионе прежде. И король вернул Кадогану его область на таком условии: чтобы не было общения и дружбы между ним и Овейном, его сыном, и чтобы он не позволял тому приходить в страну, и чтобы не подавал ему совета и подсказки, поддержки и помощи. И вслед за тем кое-кто из людей, ушедших вместе с Овейном в Ирландию, вернулся, и они прятались по схронам, ничего не делая открыто. И после этого Овейн возвратился, но пошел не в Кередигион, а в Поуис. И он пытался слать гонцов к королю, но ни один не отважился взять его послание.

Тем временем между Мадокком и франками возник раздор из-за разбоев, которые совершали на их [франков] территории саксы. Совершив преступления против короля, они приходили оттуда к Мадоку. И тогда Ричард-наместник отправил к Мадоку гонцов с требованием выдать людей, совершивших преступления против короля. Однако тот не согласился на это и не выдал их, и в опале своей он не знал что делать, кроме как искать дружбы Овейна ап Кадогана. Этого он добился, и между прежними врагами был заключен мир. И они торжественно поклялись на реликвиях, что ни один не заключит мира с королем без другого, и что ни один из них не выдаст другого. А затем они отправились вместе странствовать, куда поведет их судьба, и сожгли поместье некоего вельможи. И они уносили все, что могли забрать с собой, будь то кони, доспехи и все другое, что им удавалось найти.



ПРИМЕЧАНИЯ

«Хроника Принцев» составлена (первоначально на латинском языке) в конце XIII в. неизвестным историком, который, предположительно, трудился в аббатстве Strata Florida в Кардиганшире. Автором части ее (доведенной до сер. XII в.) считался Каралок Ланкарванский, упомянутый в «Истории бриттов» Гальфрида и написавший также «Житие св. Гильдаса». Один из переводов этой Хроники на валлийский язык вошел в состав известного рукописного свода, «Красной Книги Хергеста» (конец XIV в.).

События, о которых повествует эта часть Хроники, происходят в южном и центральном Уэльсе в начале XII в., когда значительная часть страны уже контролировалась нормандскими эрлами, активно строившими в Уэльсе замки — опорные базы своей экспансии.

Рассказ сей представляет валлийских принцев и тогдашнюю общественную жизнь без прикрас и читается как сага. Джон Эдвард Ллойд, автор «Истории Уэльса», писал, что в этом рассказе есть «дыхание ранней героической эпохи» [75, II, p. 417].

Перевод сделан по изданию: Brut y Tywysogyon or The Chronicle of the Princes. Red Book of Hergest version / Crit. text and transl. with introd. and notes by T. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1973.

Геральд — Геральд Виндзорский, доверенное лицо нормандского эрла Арнульфа, младшего сына Рожера Монтгомери. Арнульф сделал своей столицей замок Пемброк в Диведе (юго-западный Уэльс, ныне Пемброкшир). Этот замок Арнульф поручил Геральду, который успешно оборонялся от валлийских набегов. В отличие от других нормандских замков, Пемброк так и не был взят валлийцами. Около 1100 г. Геральд женился на Нест, дочери Риса ап Теодора (см. ниже). Дочь



Геральда и Нест по имени Ангарад в дальнейшем вышла замуж за владетеля соседнего замка по имени Вильям из Барри и стала матерью Гиральда Камбрийского [75, II, p. 423].

Кенарт Бихан (Кенарт Малый). — Местоположение этого замка, как писал Ллойд, не установлено, но скорее всего это Килгерран рядом с Кенартом Большим на реке Тейви, на границе Кардиганшира и Пемброкшира.

Кадоган ап Бледи — король Поуиса (ныне Монтгомеришир) в конце XI — начале XII в. (погиб в 1111 г.), Кадоган имел также владения в Кередигионе (Кардиган), однако в каком месте этой области состоялся пир, точно неизвестно.

Нест, дочь Риса ап Теодора — жена Геральда; она славилась своей красотой, ее называли «Еленой Уэльса».

Рис ап Теодор — король Дивела (ныне Пемброкшир), который до своей гибели в 1093 г. успешно противостоял нормандцам в южном Уэльсе.

Ангарад, дочь короля Маредуда — жена Кинвина ап Гверстана, родоначальника поуисской династии королей. У Ангарад и Кинвина было два сына — Бледи (ум. в 1075 г.) и Риваллон (ум. в 1070 г.). У Бледи было пять сыновей, среди которых — король Кадоган (см. выше). У Риваллона была дочь Гваладус, жена Риса ап Теодора (см. выше).

Король Генри — Генри I Боклерк (1069—1135), младший сын Вильгельма Завоевателя, король Англии в 1100—1135 гг.

Шрусбери — столица графства Шропшир, расположенная на границе с Уэльсом. Старый Шрусбери стоял на холме, с трех сторон омываемом рекою Северн (Хаврен).

В V—VI вв. британские властители Поуиса имели Шрусбери (Пенверн) своей столицей, а в конце VIII в. он был захвачен англосаксами



Мерсии. С тех пор город находился на рубеже постоянных войн англосаксов и англо-нормандцев с валлийцами. В Шрусбери имелось старинное аббатство, в церкви которого была погребена святая Гвенвреви (см. в наст. изд.). После 1066 г. лордами Шрусбери были нормандские эрлы.

Ричард (Richard de Belmeis) — наместник короля Генри I в графстве Шропшир (с 1102 г.), а также епископ Лондона (с 1107 г.). Умер в 1127 г.

Ридид (Ририд) ап Бледин — брат Кадогана ап Бледины; погиб в 1088 г. в бою с Рисом ап Теодором; имел двух сыновей — Мадока и Ителя. Эти два молодчика, таким образом, являлись племянниками Кадогана. За помощь против Кадогана и Овейна они получили земли в Поуисе.

Ливарх ап Трахерн — сын Трахерна ап Карадока, узурпатора Гвинеды, погибшего в 1081 г. в битве при Минид Карн, где он сражался против Гриффида ап Кинана и Риса ап Теодора. Трахерн, а затем Ливарх держали земли в Арвистли.

В 1106 г. беспутный сын Кадогана Овейн убил двух братьев Ливарха — Мейрига и Грифри. Это положило начало вражде двух семейств.

Ухдрид ап Эдвин. — В 1096 г. Ухдрид вместе с воинами Кадогана ап Бледины вторгся в Пемброкшир, находившийся под нормандцами, опустошил его и осадил замок Пемброк (обороняемый Геральдом), но взять его не смог. Неудача эта весьма повредила делу сопротивления на юге Уэльса [75, II, р. 407—408]. Тот же самый Ухдрид ап Эдвин в 1098 г. служил нормандцам проводником при их вторжении на остров Англии.

Около 1100 г. Ухдрид сделался вассалом Кадогана ап Бледины, получив от него области Рос и Рувониог (в Гвинед) на условиях феодальной верности.



Арвистли — область в Поуисе, центральный Уэльс.

Майленид — область к югу от Арвистли, ныне в Радноре.

Истрад Тиви — область в южном Уэльсе, ныне в Кармартеншире.

Вальтер, шериф Глостера. — Известно, что этот Вальтер получил от короля Генри I (либо его дочери) титул «Коннетабля Англии», но чаще назывался «Коннетаблем Глостера» (constable — чин, происшедший от «конюха» англосаксонских королей).

Глостер — графство (с одноименной столицей) к востоку от Монмутшира.

Каер Мурдин (Caerfyrddin) — ныне Кармартен, главный город Кармартеншира.

Маредуд ап Ридерх — властитель Истрад Тиви в южном Уэльсе; его матерью была Хунид, сестра Кадогана ап Бледина.

Абер Диви — ныне Абердови, город при устье реки Диви (Дови) на побережье Кардиганского залива.

Брод Корнуэк — точное местоположение неизвестно.

Давид (валл. Dewi) — святой покровитель Уэльса, сначала архиепископ Каер Леона (на реке Уск), затем основатель кафедрального собора St. David's (прежняя Меневиа, валл. Мунуw) в Пемброкшире, куда он перенес свою кафедру. По разным источникам, умер в 546 или 642 г.

Ланбадарн (Llanbadarnfawr) — монастырь в Кередигионе (Кардиганшир), на берегу залива.

Лан Девн Бреви (Llanddewibrefi) — монастырь в Кередигионе. Согласно традиции, на этом месте под посохом святого Давида, разгневанного пелагианской ересью, земля загудела и вздыбилась, образовав холм, на котором был построен храм в память об этом событии.

Падарн — бриттский епископ VI в., основатель монастыря Ланбадарнваур, пятнадцати церквей в Кардиганшире и других краях Уэльса. Был большим другом святых Давида и Тейло. Почитался не только в



Уэльсе, но и в Бретани. Одним из «Сокровищ Острова Британия» считалась «Пурпурная Мантия Падарна»: всякий человек низкого рождения, который надевал эту мантию, непременно умирал [70, р. 48].

Муйрхертах — верховный король Ирландии Муйрхертах О'Бриан, правнук Бриана Борома; умер в 1119 г.

...он был дружески принят Муйрхертахом... — Джефффри Китинг писал (ок. 1634), что «Ирландия была прибежищем для бриттов всегда, когда они терпели притеснение от римлян, или саксов, или любых других народов, угнетавших их» [73, II, р. 69]. Валлийские короли Бледи ап Кинвин (отец Кадогана) и Гриффид ап Кинан тоже пользовались гостеприимством ирландцев. Гриффид даже родился в Ирландии.

...Мона была разорена двумя эрлами... — Вероятно, имеются в виду события 1098 г., когда два нормандских эрла — Хуго Честерский и Хуго из Шрусбери — сделали попытку вторжения на остров Мону (Англси), и два валлийских короля, Гриффид ап Кинан и Кадоган ап Бледи, бежали в Ирландию.

Франки. — Так валлийские летописи называют нормандцев, пришедших с Вильгельмом Завоевателем (1066).

Пикот Саи (Picot de Sai) — иначе Роберт Саи, нормандский барон, один из вассалов могущественного эрла Рожера Монтгомери.

...что им удавалось найти. — В дальнейшем пути Овейна и Мадока снова разошлись, и они разбойничали независимо друг от друга. Наконец, Мадок убил Кадогана, отца Овейна (1111 г.). Овейн захватил Мадока и ослепил его. Тем временем король Генри I предпринял в 1114 г. большой поход против Гвинета и Поуиса. В 1116 г. Овейн ап Кадоган был расстрелян лучниками Геральда Пемброкского, который таким образом рассчитался с ним за похищение своей жены Нест.

ЛЕСНАЯ ГОСПОЖА



Дйнион, сын Гвалхмая, в одно прекрасное летнее утро бродил по лесам Тревейлира, и тогда он узрел изящную, стройную госпожу изысканного сложения и нежного облика, а цветом лица она превосходила всю алость утренней зари, и белизну горных снегов, и любой из чудесных оттенков в красках леса, луга или холма. И тогда он почувствовал в сердце своем непостижимое любовное смятение; он учтивым образом приблизился к ней, и она также приблизилась к нему; он приветствовал ее, и она ответила на его приветствие; и через эти взаимные приветствия он понял, что его общество не было ей неприятно. Затем случилось ему бросить взгляд на ее ноги, и он увидел, что у нее копыта вместо ног, и он чрезвычайно огорчился этому. Но госпожа дала ему понять, что он не должен обращать внимание на эту пустячную



игру природы. «Ты должен, — сказала она, — следовать за мной куда бы я ни шла, покуда красота моя остается при мне». Сын Гвалхмая в ответ на это попросил у нее позволения хотя бы пойти и проститься со своей женой. На это госпожа согласилась. «Но, — сказала она, — я останусь с тобою, невидимая для всех, кроме тебя». И вот пошел он, и дива пошла вместе с ним. И когда он увидел жену свою Ангарад, то она показалась ему похожей на старую ведьму. Он хранил в памяти минувшие дни и все еще испытывал к ней сильную любовь, но был не в силах освободиться от уз, в которых оказался. «Мне нужно, — сказал он, — разлучиться на время — не знаю, на сколько — с тобой, Ангарад, и с тобой, мой сын Эйнион». И они вместе заплакали и разломали меж собой золотое кольцо; он сохранил одну половину, а Ангарад другую. И они попрощались друг с другом, и он пошел с Лесною Госпожой, сам не зная куда; ибо могучее наваждение владело им, и не видел он ни одного места, человека или вещи в их подлинном и настоящем виде, исключая лишь половинку кольца.

И пробыв долгое время, неведомо сколько, с дивой, Лесною Госпожой, он увидел однажды утром, как сверкает солнце на половинке кольца, и задумал поместить ее в самое сокровенное место, какое возможно, и решил положить себе под веко. И пока он старался это сделать, он увидел человека в белом одеянии и на белоснежном коне, ехавшего к нему. И человек этот спросил его, что он тут делает; и Эйнион сообщил ему, что лелеет горестное воспоминание о жене своей Ангарад. «Желаешь ты видеть ее?» — спросил человек в белом. «Желаю, — сказал Эйнион, — превыше всех вещей и всякого блага на свете». — «Если так, —

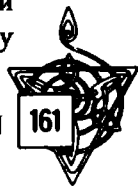


сказал человек в белом, — садись на этого коня позади меня». Эйнион так и сделал и, поглядев вокруг, не смог увидеть ни малейшего признака Лесной Госпожи, дивы, кроме следов от копыт дивной и чудовищной величины, которые как будто направлялись в сторону севера.

«Что за наваждение владеет тобой?» — спросил человек в белом. Тогда Эйнион ответил и рассказал ему все, что случилось между ним и гоблином. «Возьми этот белый посох в свою руку», — сказал человек в белом, и Эйнион взял его. И человек в белом велел ему пожелать чего бы он ни захотел. Первое, чего он пожелал, было увидеть Лесную Госпожу, ибо он не совсем еще избавился от наваждения. И тогда она явилась ему в виде огромной и чудовищной ведьмы, в тысячу раз более отвратительной обликом, чем самые ужасные веши, которые можно увидеть на свете. И Эйнион издал крик ужаса; а человек в белом набросил на Эйниона свой плащ, и менее чем за миг Эйнион оказался, как пожелал, на холме Тревейлира, у своего дома, где он едва ли узнал кого-нибудь и где едва ли кто-нибудь узнал его.

Дива меж тем отправилась к жене Эйниона в обличи рыцаря в богатом одеянии и внушила ей любовь, солгавши, будто муж ее мертв. И пало на Ангарад наваждение, и, представляя себе, что она станет благородной госпожой, выше чем любая другая в Уэльсе, она назначила день своей свадьбы с рыцарем.

И было приготовлено великое множество всякого изысканного и роскошного платья, и яств, и напитков, [и позвали] всяких почетных гостей и всяких искусников в пении и струнной игре, — все приготовили к пиру и праздничному



веселью. А в комнате Ангарад была прекрасная арфа, и рыцарь-гоблин пожелал, чтобы на ней сыграли; и присутствующие арфисты, лучшие в Уэльсе, пытались настроить ее и не смогли. Однако в доме находился сам Эйнион, и он вызвался сыграть на арфе. Ангарад, будучи под наваждением, увидела его как старого, дряхлого, сморщенного, седовласого человека, согбенного годами и одетого в лохмотья. Эйнион настроил арфу и заиграл на ней мелодию, которую любила Ангарад. И она весьма изумилась и спросила его, кто он. И он ответил песней:

— *Эйнион с золотым сердцем.*

— *Где ты побывал?*

— *В Кенте, в Гвенте, в лесу Монмутском,
в Мазноле, в Горвениде
и в долине Гвина, сына Нуда;
смотри: сияющее золото, это — знак.*

И он отдал ей кольцо.

— *Не смотри на то, что волосы мои поседели,
а когда-то я выглядел бравым и пылким;
ныне я сед, без обмана, а когда-то был желтоволос.
Никогда Ангарад не уходила из моей памяти,
Эйнион же был тобою забыт.*

Но Ангарад не могла вспомнить его. Тогда он сказал гостям:

— *Если потерял я ту, которую любил,
красавицу изысканного ума,
дочь Эдниведа Вихана, —
не потерял я (и поэтому убирайтесь!)
ни мое ложе, ни мой дом, ни мой очаг.*



И вслед за тем он вложил белый посох в руку Ангарад, и мгновенно гоблин, которого она до сих пор видела красивым и почтенным вельможею, явился ей как чудище, невероятно отвратительное; она пала в обморок от испуга, и Эйнион поддерживал ее, пока она не очнулась. А когда она открыла свои глаза, то не увидела там ни гоблина, ни кого-либо из гостей, ни менестрелей, вообще никого, кроме Эйниона и своего сына, и арфы, и дома в его домашнем убранстве, и обеда на столе, распространяющего вокруг вкусный запах. И они сели обедать, и веселье их было велико. И поняли они, что демонический гоблин навел на них наваждение. Тем оно и закончилось.

ПРИЛОЖЕНИЕ. РАССКАЗ ОБ ЭЙНИОНЕ, БАРДЕ ИЗ СТАРИННОГО РОДА ТРЕВЕЙЛИР В ПРИХОДЕ ТРЕВДРАЙТ НА АНГАСИ, КОТОРЫЙ ПРОЦВЕТАЛ ОКОЛО 1166 ГОДА

Эйнгиан, или Эйнион, был сыном Гвалхмая, сына Мейлира, и владельцем [поместья] Тревейлир на [острове] Ангаси. Он был неустрашимым воином, превосходным музыкантом и поэтом. От его поэзии до сих пор сохранилось пять стихотворений в старинных валлийских манускриптах. Он был прямым, из поколения в поколение, потомком бардов.

Предание сообщает нам, что Эднивед Вихан имел прекрасную дочь (от Нест, дочери славного Ливарха ап Брана), чье имя было Ангарад. У этой юной госпожи было множество поклонников, и вследствие избытка предложений, сделанных ее отцу с целью заполучить его дочь, тот предложил ей наконец один деревенский способ, который должен был опре-



делить ее суженого. Способ был таков: всякий из ее обожателей, который докажет, что он лучший прыгун через [ручей] Абернодвид, станет ее обладателем — на что Ангарад дала согласие, зная, что ее возлюбленный Эйнион превосходил всех в двадцати четырех бриттских играх, которые были тогда весьма популярны в Уэльсе.

Итак, был назначен и во всеуслышанье объявлен день испытания в ловкости, олимпиада по-британски, где Эйнион, сын Гвалхмая, завоевал леди в напряженном состязании, прыгнув на огромное расстояние в пятьдесят футов, скачком, пешком и прыжком, через ручей, называемый Абернодвид. И в память об этом на тех веках были немедленно воздвигнуты три камня, и они все еще остаются там по сей день в долине, называемой Найд-Абернодвид, или Прыжок через Абернодвид, близ поместья Плас-Гвинн на Англси.

Предание говорит далее, что один из соперников Эйниона в состязании был так огорчен своим поражением и потерей леди, что умер на месте.

Победитель Эйнион какое-то время спустя разлучился со своей женой и семьей, чем-то недовольный, или же, вероятно, вынужденный отправиться на войну в Южный Уэльс вместе с принцем Овейном Гвинедским, приверженцем которого он был, и прожил вдалеке несколько лет. Однако по возвращении домой он обнаружил, придя к дверям своего жилища в Тревейлире, что в этот день жена его выходит замуж за другого. Он пожелал тогда сыграть мелодию на своей старой арфе, которая находилась в зале, напротив дверей; и покуда он так играл, жена его вышла [к нему], и тогда меж ними состоялась следующая беседа. <...>



ПРИМЕЧАНИЯ

Эта история извлечена У. Сайксом, американским консулом в Кардиффе, из рукописей Иоло Моргануга (Эдварда Вильямса), известного поэта, собирателя и знатока валлийской старины (1747—1826). Многие рукописи, собранные и частично опубликованные Иоло (в т. и. Мивирианской Археологии), впоследствии были утеряны; многие, как полагают, «сочинены» им самим.

«Приложение» к нашей истории взято у почтенного собрата Иоло Моргануга — Эдварда Джонса, входившего в тот же круг энтузиастов, что и он.

Перевод сделан по изданию: Sikes W. *British Goblins: Welsh folk-lore, fairy mythology, legends and traditions*. Wakefield, 1973 (London, 1880). Приложение: Jones E. *The Bardic museum of primitive British literature, and other admirable rarities; forming the second volume of the musical, poetical and historical relicks of the Welsh bards and druids*. London, 1802.

Эйнион, сын Гвалхмая — потомственный бард в третьем поколении из династии придворных бардов Гвинета (северный Уэльс). Двор королей Гвинета находился при г. Аберфрау на острове Мона (Англси). Первым в этой династии был Мейлир Бридид (первая пол. XII в.), который был бардом короля Гриффиды ап Кинана (см. «Смерть Роберта Рудланского» в наст. изд.). Вторым был сын Мейлира Гвалхмай (вторая пол. XII в.), который чествовал короля Овейна, сына Гриффиды. Третьим был сын Гвалхмая Эйнион (умер в начале XIII в.). Брат Эйниона по имени Мейлир также был славным бардом.

Некоторые произведения этих бардов сохранились и дошли до нас — например, большой «Плач» Мейлира Бридиды по Гриффиду ап Кинану (опубликован в *Etudes Celtiques*, XVI, 1979).



...у нее копыта вместо ног... — Известно, что архетип «чудесной жены» амбивалентен: она предстает и доброй, и злой, и прекрасной, и уродливой. Копытца Лесной Госпожи служат указанием и предостережением о ее амбивалентности. Как пишет Т. А. Михайлова, «образ сверхъестественной женщины, которая исполняет функции медиатора между мирами, для кельтской традиции является общим местом... Однако не следует забывать при этом, что присутствующий в данных сюжетах выраженный эротический характер неотделим и от темы смерти, которую данная прекрасная и желанная женщина собой олицетворяет» [33, с. 177]. Ср., например, образ Син из ирландской саги «Смерть Муйрхертаха, сына Эрк». Впрочем, место встречи Эйниона с Лесною Госпожой — лес — заставляет вспомнить и шотландское сказание о Томасе Лермонте [45].

Дива. — «Див», или «дива», как пишут В. В. Иванов и В. Н. Топоров, — персонаж восточно-славянской мифологии, который «упомянут в средневековых „Словах“ — поучениях против язычества (в форме „дива“). <...> Демон и женский мифологический персонаж со сходным именем известен у западных славян (чеш. divu muz, diva zena... обычно связываемые с лесом), а также у южных славян. <...> Слово первоначально было связано, с одной стороны, с русским „диво“ и родственными славянскими обозначениями чуда, с другой стороны — со славянскими и балтийскими словами в значении „дикий“, происходящими из „божий“» [10, с. 376—377].

Стоит отметить, что на острове Мона (Англиси), где произошла эта история, в 590 г. существовал храм, посвященный «святой Двинвен, богине любви, дочери Брихана», которая была, как писал У. Сайкс (1880), валлийской Венерой и покровительствовала влюбленным [87, р. 299].

Рискнем предположить, что образ Лесной Госпожи с ее копытцами восходит к одной из «конских» богинь типа Гианнон.



И пробыл долгое время... с дивой... — В этом тексте нет рассказа о том, где и как жил Эйнион с Лесною Госпожой, — лишь перечень мест, где он побывал; нет почти обязательного для кельтской традиции Приключения героя в Чудесной Стране (ср. историю Томаса Рифмача). Однако есть указание на то, что такое Приключение все же имело место: Эйнион, по его словам, был «в долине Гвина ап Нуда» (см. ниже).

...она явилась ему в виде огромной и чудовищной ведьмы... — Похожую историю, случившуюся в конце XII в., рассказал Гиральд Камбрийский. Один валлиец по имени Мелерий (Мейлир), живший в окрестностях Каерлеона, повстречался в ночь на Вербное воскресенье в самом подходящем месте с девушкой, которую давно любил. Пока он наслаждался в ее объятиях, красotka превратилась вдруг в безобразное лохматое чудовище, отчего он лишился чувств и сошел с ума. Он пробыл безумным много лет, пока здоровье не возвратилось к нему (благодаря заслугам святых Сент-Дэвидса), и впоследствии сделался ясновидцем [90, р. 374—376]. В более архаичной кельтской традиции чаще бывало наоборот: чудовище, которое рискнули полюбить, превращалось в красавицу. Такова, например, история ирландского короля Лугайда Лайгде у Дж. Китинга [73, II, р. 149], а также известное приключение Ниалла Девяти Заложников (см. «Предания и мифы средневековой Ирландии» в переводе С. В. Шкунаева).

Как писал Р. Грейвс, «Белая Богиня прекрасна и жестока, уродлива и добра. Это аксиома» [5, с. 281].

Дива... в облици рыцаря... — В данном тексте дива является, так сказать, перевертышем: сначала выступает в роли суккуба, а потом в роли инкуба. Таково средневековое христианское представление о демонах-соблазнителях. В древней кельтской традиции действуют сиды и женского, и мужского рода, но своего пола они обычно не меняют.

Кент — графство в юго-восточной Англии.



Гвент — историческая область на юго-востоке Уэльса, ныне Монмутшир.

...в лесу Монмутском... — Значительная часть Монмутшира была покрыта лесом.

Мазнол... Горвенид... — Локализовать не удалось.

...и в долине Гвина, сына Нуда... — то есть в Аннувне (см. примечание к «Опустошению Аннувна» в наст. изд.). В повести «Килух и Олвен» говорится, что этого Гвина «Господь поставил стеречь демонов Аннувна, чтобы они не уничтожили мир» [17, с. 108].

Эднивед Вихан. — Известно, что женой его была Гвенлиан (ум. в 1236 г.), происходившая (по отцу) из рода властителя южного Уэльса Риса ап Теодора (ум. в 1093 г.). О другой жене Эдниведа по имени Нест, дочери Ливарха ап Брана, узнать не удалось.

Овейн Гвинедский — сын Гриффиды ап Кинана, король Гвинеды; умер в 1170 г. Гиральд Камбрийский писал, что «Овейн, сын Гриффиды, властитель северного Уэльса, имел много сыновей, но лишь одного законного, а именно Иорвета Плосконосого» [90, р. 453].

...следующая беседа. — Далее следует монолог Эйниона в стихах, слегка отличающийся от приведенного в книге Сайкса.

ЭЛИДОР И ЧЭЭРИ



Езадолго до нашего времени случилось в этих краях происшествие, достойное упоминания, которое, как весьма настойчиво утверждал Элидор, священник, произошло с ним самим.

Будучи отроком двенадцати лет и обучаясь грамоте, — ведь, как говорит Соломон, «корень учения горек, зато сладок плод», — дабы избежать учения и частых побоев, наносимых ему его наставником, он убежал и укрылся в пещере под речным обрывом. После того как он поголодал, находясь там в течение двух дней, явились ему два человечка крохотного роста, которые сказали: «Если ты пойдешь с нами, мы отведем тебя в страну, полную услад и забав». Согласившись, он встал и последовал за своими проводниками по тропе, ведущей под землю сквозь мрак, в прекраснейшую страну, украшенную реками и лугами, лесами и долинами, однако сумрачную и не



освещаемую ярким светом солнца. Все дни были хмурыми, а ночи до крайности темными, ибо там не было луны и звезд. Мальчика привели к королю и представили ему в присутствии двора; тот, после долгих расспросов, поручил его своему сыну.

Люди эти были крохотного роста, однако весьма соразмерного сложения; все они были красивы лицом, с пышными волосами, ниспадающими на плечи, как у женщин. Были у них кони и борзые, подходящие им по росту. Они не ели ни мяса, ни рыбы, но жили на молочной пище, приготовляемой в виде болтушки с шафраном. Они никогда не клялись, ибо ничего не гнушались так сильно, как лжи. Всякий раз, возвращаясь из нашего верхнего мира, они порицали нашу гордыню, измены и вероломства; будучи, казалось, строгими любителями и ревнителями истины, они не имели видимых обрядов богочитания.

Мальчик часто возвращался в наш мир, иногда той же дорогой, по которой прошел в первый раз, а иногда другой; поначалу в обществе других лиц, а впоследствии один; и открылся он только своей матери, рассказав ей об обычаях, нраве и обустройстве этого народа. Она попросила его принести подарок из золота, коим изобиловал тот мир, и тогда он украл, во время игры с сыном короля, золотой шар, с коим тот обычно забавлялся, и в большой спешке понес его своей матери. Когда он уже достиг дверей отцовского дома, — хотя не обошлось и без погони, — и входил в него, страшно торопясь, то нога его споткнулась о порог, и он ввалился в комнату, где сидела его мать. Два карлика схватили мяч, который выпал у него из рук, и удалились, выказывая мальчику всяческие знаки презрения и насмешки. Встав после своего падения, терзаясь



стыдом и проклиная дурной совет своей матери, он возвратился привычным путем к тропе, ведущей в подземелье, но не обнаружил ни единого признака какого-либо прохода, хотя разыскивал его по берегам реки почти целый год.

Но поскольку те невзгоды, причину коих не может изъять разум, часто смягчаются временем, и долгота времени одна притупляет остроту наших горестей и полагает конец множеству бед, — то юноша, будучи приведен домой своими друзьями и матерью и возвращенный к верному образу мыслей и к своему учению, достиг с течением времени священнического сана. Всякий раз, когда Давид Второй, епископ Сент-Дэвидса, заговаривал с ним, в зрелом его возрасте, касательно этого происхождения, тот никогда не мог рассказывать подробностей, не проливая слез. Он взял на себя труд изучить язык сего народа, слова из которого в дни своей юности привык повторять, и слова те, как неоднократно сообщал мне епископ, весьма соответствовали греческому наречию. Когда они просили воды, то говорили *Ydor ydorum*, что значит «принеси воды», ибо *Ydor* на их языке, так же как и на греческом, означает воду, почему сосуды для воды называются *hydriai*; и на бриттском языке *Dug* также означает воду. Когда им нужна была соль, они говорили *Halgein ydorum*, «принеси соль»: соль называется *hal* на греческом и *Halen* на бриттском.

ПРИМЕЧАНИЯ

Гиральд Камбрийский (т. е. «Валлиец») — известнейший британский писатель и церковный деятель XII—XIII вв., родился ок. 1147 г. в Пемброкшире, умер в 1223 г. «В его жилах уэльсская кровь смешалась



с нормандскою, как показывает его обычное имя — Giraldus Cambrensis, — и горячность кельтской расы проявляется одинаково и в его произведениях, и в личной жизни» [6, с. 144].

В 1188 г. он сопровождал архиепископа Балдуина в путешествии по Уэльсу, и вскоре после этого написал «Путеводитель по Уэльсу» (Itinerarium Cambriae), который содержит между прочим немало достоверных историй, в числе которых — «Элидор и фэйри». Внешне эта история — расхожая кельтская сказка о Маленьком Народе, и притом первая валлийская сказка этого рода, которая была записана. На русский язык эту историю недавно перевел Н. Горелов (в книге «Плавание святого Брендана». СПб., 2002). Мы решили не исключать из книги наш (уже готовый) перевод.

Перевод сделан по изданию: The Itinerary through Wales, and the Description of Wales / Transl. by Sir Richard Colt Hoare, Bart. // The historical works of Giraldus Cambrensis / Rev. and ed., with add. notes by T. Wright, Esq. London: George Bell and sons; New York, 1892.

...в прекраснейшую страну... однако сумрачную... — Представление об Ином Мире как о царстве сумерек часто встречается в кельтской фольклорной традиции (см., например, книгу У. Б. Йейтса, которая называется «Кельтские сумерки», в отличном — живом и остроумном — переводе Вадима Михайлина).

Похоже, представление это достаточно древнее; ср. новеллу Вальтера Мапа (XII в.) о короле Херле, переведенную Н. Гореловым [30], а также «Опустошение Аннувна» в наст. изд.

Люди эти были крохотного роста... — Образ «Маленького Народца», как мы видим, тоже был известен уже в XII веке. В дальнейшем этот Народец, называемый в Уэльсе Tylwyth Teg («доброе, прекрасное, или чудесное семейство»), становится «главным героем» валлий-



ского фольклора. То же самое произошло в традиции ирландской, где сиды (ши), обитатели чудесных холмов, из древних богов «превратились» в карликов. Об этом см. «Кельтские сумерки» У. Б. Йейтса.

Множество любопытных историй о Tylwyth Teg было собрано в книгах У. Сайкса «British goblins» (1880) и Дж. Риса «Celtic folklore» (1901). Некоторые из таких историй можно прочитать на русском языке в книге А. Платова «Сказания Красного Дракона» (1996).

Сент-Дэвидс (St. David's) — архиепископство в Диведе (Пемброкшир), основанное святым Деви (Давидом), покровителем Уэльса. До этого град назывался Меневия (валл. Mynyw). Как писали братья Алвин и Бринли Рис, «св. Давид, чтобы овладеть землей, получившей его имя, зажег костер, силой своей и высотой превосшедший костер местного вождя, — „тот, кто зажег этот костер, могуществом своим будет превосходить всех и всюду, куда достигнет дым от его жертвенного огня, и будет так до конца мира“. Точно так же и св. Патрик, зажигая пасхальный костер, присвоил себе традиционные привилегии друидов, которые зажигали священный огонь в Таре» [36, с. 178—179].

ДЕВА ОЗЕРА ЛИИ-И-ВАН-ВАХ



В двенадцатом веке, когда ожесточенная борьба, которую вели властители Южного Уэльса, чтобы сохранить независимость своей страны, близилась к концу, жила в верховьях реки Сауте близ села Ландеусант, что в Кармартене, вдова, оставшаяся после фермера, который пал в этих губительных смутах.

У вдовы был единственный сын, которого она растила, но Провидение сжалилось над ней, и, несмотря на ее горестное положение, поголовье ее скотины со временем так увеличилось, что она не могла сносно прокормить ее на своей ферме и поэтому посылала иногда пастись на соседние Черные Горы, и самым излюбленным пастбищем были окрестности маленького озера, называемого Ли-и-Ван-Вах, на северо-западном склоне горы Ван в Кармартене. Сын вырос и возмужал, и мать обыкновенно посылала его на гору при-



смотреть за стадом. Однажды, блуждая по берегу озера, он, к своему великому удивлению, увидел деву, сидевшую на гладкой поверхности вод; это было одно из самых прекрасных созданий, которое когда-либо видели глаза смертного; ее волнистые волосы изящно ниспадали ей на плечи, пряди их она расчесывала гребнем, а гладкая поверхность ее водного ложа служила ей зеркалом, отражая ее облик. Вдруг она заметила стоявшего на краю озера молодого человека, чьи глаза были устремлены на нее, — он бессознательно протягивал ей кусок ячменного хлеба с сыром, которым запасся, когда выходил из дома.

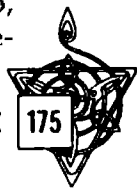
Смешавшись от чувства любви и восхищения к той, которую видел перед собой, он продолжал протягивать руку к госпоже, которая слегка скользнула поближе к нему, но учтиво отказалась от предложенной ей снеди. Он попытался прикоснуться к ней, однако она не далась ему в руки и промолвила:

Жестко выпечен твой хлеб!

Не легко поймать меня.

С этим она тут же погрузилась в воду и исчезла, предоставив юноше, сраженному любовью, возвращаться домой; он был разочарован и сожалел, что не смог продолжить знакомство с той, в сравнении с которой все красивые девушки Ландеусанта и Мотви, виденные им когда-либо, были как пустое место.

Вернувшись домой, юноша рассказал своей матери о необычайном видении, которое он узрел. Она посоветовала ему в следующий раз положить в карман неиспеченное тесто, «toes», ибо, должно быть, имелись какие-то чары, относящие-



ся к печеному хлебу, «bara cras», которые помешали ему поймать деву.

На следующее утро, прежде чем солнце позолотило своими лучами вершину Ван, юноша был у озера, но не для того, чтобы присматривать за стадом своей матери, а в поисках того самого волшебного видения, которое он лицезрел днем раньше. Однако напрасно, волнуясь, вглядываясь он и бросал взоры на поверхность озера — глаза его встречали только зыбь, вызванную сильным ветром, да тучу, тяжело нависшую над вершиной горы Ван, которые добавляли уныния в его уже и без того расстроенную душу.

Часы миновали, ветер утих, и тучи, которые окутывали гору, растаяли в прозрачном воздухе пред могучими лучами солнца, когда юноша был встревожен тем, что увидел скотину своей матушки на обрывистом склоне горы, почти что на противоположной стороне озера. Чувство долга побудило его попытаться вызволить животных из опасного положения; с этой целью он и поспешил прочь, и тут, к его неописуемому восторгу, та, кого он искал, снова явилась ему как прежде и показалась намного более прекрасной, чем тогда, когда он впервые увидел ее. Он протянул к ней руку с неиспеченным хлебом, который предложил ей, настойчиво предлагая также свое сердце вместе с клятвами в вечной верности. Все это было отвергнуто ею с такими словами:

Сыр, невыпечен твой хлеб!

Не хочу я брать тебя.

Но улыбка, игравшая на лице госпожи, пока она погружалась в воду, пробудила в молодом человеке надежду, которая не дала ему отчаяться, когда дева отказала ему, и



воспоминание об этой улыбке ободряло его по дороге домой. Старая матушка узнала о его неудаче и посоветовала ему, чтобы в следующий раз его хлеб был только слегка пропечен — так вернее всего можно угодить таинственному созданию, которым он был очарован.

Побуждаемый неодолимым влечением, юноша покинул дом своей матушки ранним утром и быстрым шагом перешел гору. Вскоре он был на берегу озера, с нетерпением пылкого любовника и лихорадочным беспокойством ожидая возвращения таинственной госпожи.

Овцы и козы паслись на обрывистых склонах горы Ван; коровы блуждали среди скал и огромных камней, которые порой срывались со своего ложа и внезапно скатывались в озеро; то дождь, то солнце приходили и уходили прочь; но юноша ничего не замечал, так напряженно ждал он явления госпожи.

Свежесть раннего утра исчезла под знойными лучами полуденного солнца, которое в свою очередь скоро склонилось к западу; кончился вечер, наступила ночная мгла, и почти не осталось надежды еще раз увидеть Госпожу Озера. Юноша бросил прощальный грустный взгляд на озеро и, к своему изумлению, увидел нескольких коров, бредущих по воде. При виде этих животных в нем снова ожила надежда, что вслед за ними явится другое создание, куда более желанное; и он не был разочарован, ибо девушка явилась снова и, на его восторженный взгляд, была еще прекраснее, чем прежде. Она приблизилась к берегу, а он бросился в воду, чтобы встретить ее. Улыбкой она поощрила его схватить ее за руку; также не отвергла она недопеченный хлеб, что он предложил



ей. И после недолгих уговоров она согласилась стать его невестой — с тем условием, что они будут жить вместе лишь до тех пор, пока она не получит от него три удара без причины, *tri ergyd diachos*. Если же ему случится когда-нибудь нанести ей три таких удара, то она покинет его навсегда. На такое условие он с радостью согласился, как согласился бы на любую другую оговорку, если б ее предложили, ибо он думал тогда лишь о том, чтобы заполучить такое прекрасное создание себе в жены.

Итак, Госпожа Озера обещала стать женой юноши, и, высвободив на миг свою руку, она бросилась прочь и погрузилась в озеро. Он так огорчился и опечалился, что решил и сам броситься с головой в эти глубокие воды, чтобы покончить с жизнью в стихии, скрывающей в своих безмерных глубинах ту единственную, для которой ему хотелось жить на свете. Когда он уже был готов совершить этот безрассудный поступок, из озера показались сразу две прекраснейшие госпожи в сопровождении седовласого мужчины благородного облика и необычайного роста, сполна обладающего при этом юношеской силой и крепостью. Муж этот обратился к ошеломленному юноше в выражениях, рассчитанных на то, чтобы успокоить его смятенный ум, и сказал, что раз тот вознамерился жениться на одной из его дочерей, он дает свое согласие на брак, при условии, что молодой человек сможет различить, какая из двух дев перед ним является предметом его любви. Это была нелегкая задача, ведь девушки были настолько похожи друг на друга, что выбрать свою невесту ему показалось делом вовсе невозможным; а если он случайно остановится не на той, все навсегда будет потеряно.

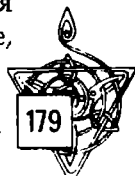


Пока юноша пристально разглядывал двух дев, он не мог отыскать меж ними ни малейшей разницы и был уже готов бросить задачу в отчаянии, когда одна из них слегка выставила свою ногу вперед. Движение это, каким бы простым оно ни было, не ускользнуло от внимания юноши, и он обнаружил небольшое различие в том, как были завязаны их сандалии. Это сразу положило конец сомнениям, ибо он за прошлые два раза так сроднился со всем обликом Госпожи Озера, что заметил также красоту ее стоп и лодыжек, и на сей раз, увидев особенные завязки ее сандалий, он уверенно взял ее за руку.

«Ты выбрал правильно, — сказал ее отец; — будь ей ласковым и верным мужем, а я дам ей в приданое столько овец, коров, коз и лошадей, сколько она сможет насчитать всего этого на одном дыхании. Но помни: если ты будешь когда-нибудь к ней неласков и ударишь ее три раза без причины, она возвратится ко мне и уведет с собой обратно весь свой скот».

Таков был устный брачный договор, на который юноша охотно согласился, и невесту попросили насчитать столько овец, сколько она желает иметь. Она тут же принялась считать по пять, таким вот образом: «Один, два, три, четыре, пять; один, два, три, четыре, пять» и так далее, быстро повторяя счет до тех пор, пока не выдохлась. Считая тем же способом, она определила число коз, коров и лошадей; и живность всякого рода в нужном количестве мигом вышла из озера на зов отца девушки.

Затем молодые поженились, — какова была церемония, я не знаю, — а после этого отправились жить на ферме,



называемой Эсгайр Лаетди, чуть больше мили от селения Мотви, где они жили в благоденствии и счастье несколько лет, родили трех сыновей, и это были красивые дети.

Однажды у соседей должны были состояться крестины, на которые молодых нарочно пригласили. Когда этот день наступил, жена показала, что очень не хочет присутствовать на крестинах, ссылаясь на то, что путь слишком долог, чтобы ей идти пешком. Муж велел ей привести одного из коней, которые паслись на соседнем поле. «Ладно, — сказала жена, — только принеси мне мои перчатки, которые я забыла дома». Он пошел в дом, возвратился с перчатками и, обнаружив, что она так и не пошла за конем, шутливо хлопнул ее по плечу одной из перчаток, приговаривая: «Иди же, иди!» Тогда она напонила ему об условии, на котором согласилась выйти за него замуж, — ему не следовало бить ее без причины; и она предупредила его, чтобы впредь он был более осторожен.

По другому случаю, когда они были вместе на свадьбе, посреди радости и веселья гостей, собравшихся со всей округи, она разразилась слезами и рыдала очень жалобно. Муж притронулся к ее плечу и спросил, отчего она плачет. Она сказала: «Нынче люди вступают в печаль, и твои печали, кажется, у порога, потому что ты второй раз ударил меня без причины».

Прошли годы, дети их выросли и стали необыкновенно умными молодыми людьми. Посреди столь многих житейских радостей в доме муж почти позабыл, что осталось нанести лишь один беспричинный удар, чтобы все его блаженство порушилось. До сих пор, однако, он следил, чтобы не произошло какого-нибудь пустякового случая, который жена его могла



бы счесть нарушением их брачного договора. Она велела мужу, дабы ее расположение к нему не ослабло, быть внимательным и не нанести по какой-нибудь оплошности последнего и единственного удара, который по непреложной судьбе, над коей она не властна, разлучит их навсегда.

Случилось, однако, так, что однажды они были вместе на похоронах, где посреди плача и скорби в доме усопшего она явилась в самом что ни на есть веселом и радостном настроении и предалась безудержным взрывам смеха, которые так потрясли ее мужа, что он притронулся к ней, говоря: «Тсс! тсс! не смейся». Она сказала: «Я смеялась потому, что люди, когда умирают, выходят из печали». И, поднявшись, она вышла из дома со словами: «Был нанесен последний удар, наш брачный союз разрушен, и окончательно! Прощай!» Затем она направилась к Эсгайр Лаетди, где стала созывать своих коров и другую скотину, каждую клича по имени. Коров она созывала так:

*Корова пятнашка, с ярким узором,
Корова пеструшка, в белую крапинку,
Четырех полей травоядица с мушками,
Старая с белой мордой,
И серая Гейген с белым быком
Со двора Короля,
И маленький черный теленок,
Хотя и подвешен ты на крюке,
Тоже ступай-ка скорее домой!*

Все они немедленно повиновались призывам своей хозяйки. Маленький черный теленок, хотя и был зарезан, снова ожил и побрел вместе с остальными по приказу госпожи.



Случилось это весной, и на одном из полей пахали четыре быка; этим она закричала:

*Четыре серых быка,
Что находятся в поле,
Вы тоже ступайте
Скорее домой!*

Вся живность пошла вместе с Госпожой через гору Мотви к озеру, откуда они все вышли; пройдя свыше шести миль, они исчезли под водою, не оставив за собой следа, кроме глубокой борозды, проделанной плугом, который быки потащили за собою в озеро, — она сохранилась и по сей день как свидетельство правдивости этой истории.

Что стало с перепуганным пахарем — остался ли он на поле, когда быки ушли, или же последовал за ними к озеру, — этого предание не донесло; судьба безутешного и почти разоренного мужа тоже не сохранилась в памяти. Но о сыновьях известно, что они часто блуждали вокруг озера и в его окрестностях, надеясь, что их матушке позволят еще раз посетить землю, ведь им было ведомо ее таинственное происхождение, ее первое явление их отцу и злосчастные обстоятельства, при которых они лишились материнской ласки.

Однажды, когда они бродили поблизости от Дол Ховел, у Горного Прохода, называемого до сих пор «Лидиад-и-Медигон» («Застава Целителей»), неожиданно появилась их мать. Она заговорила со своим старшим сыном, чье имя было Риваллон, и сказала ему, что его призвание на земле — быть благодетелем людей, облегчать их боли и страдания, врачаю их от всяких недугов. Ради этого она снабдила его сумою, полную врачебных предписаний и советов, как сохранять людям здра-



вие. Строго и неукоснительно следуя им, он и его потомки будут в продолжение многих поколений самыми искусными целителями в стране.

Затем, обещав встретиться с ним, когда он будет особенно нуждаться в ее совете, она исчезла. Однако и в иных случаях она встречалась со своими сыновьями на берегах озера, и однажды даже провожала их, возвращавшихся домой, до места, называемого до сих пор «Пант-и-Медигон» («Лощина Целителей»), где она показала им различные растения и травы, что росли в лощине, и раскрыла их целебные качества и свойства. И знание, которым она их наделила, вместе с их непревзойденным искусством, помогло им достичь вскоре такой славы, какой никто и никогда не имел прежде них. А чтобы знание их не было утеряно, они благоразумно изложили его на бумаге, ради пользы людей на все века.

На этом кончается история Целителей из Мотви, которая передавалась от одного поколения к другому таким вот образом:

*Седой старик в углу
от своего отца слышал эту повесть,
тот ее слышал от своего отца,
а от них запомнил и я.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Текст этой повести был опубликован Обществом рукописей Уэльса в книге «Целители из Мотви» (Ландовери, 1861). Источником послужили трое местных сказителей, которым повесть досталась по наследству,



а восходить она может к той самой эпохе, о которой рассказывает, т. е. к концу XII — началу XIII в.

Известны другие версии повести, однако эта, пожалуй — самая полная. Текст был воспроизведен Джоном Рисом в первом томе его труда «Celtic folklore» (1901). Дж. Риордан в своем собрании сказок (Folk-tales of the British Isles) опубликовал компиляцию из нескольких версий; эта компиляция известна в русских переложениях (см. [26; 38]).

О повести можно сказать словами из книги братьев Рис «Наследие кельтов»: «Здесь перед нами тот же принцип, который лежит в основе других повестей, — женщина, хоть и в облике смертного существа, по сути своей обительница Иного мира». «Мужчины, целиком подпавшие под власть любви женщины из таинственного Иного мира, навеки потеряны для мира людей» [36, с. 315, 353].

Образ Девы или Госпожи Озера хорошо известен всем, кто знаком с артурианой (самая замечательная история — о том, как Дева Озера погубила влюбленного в нее Мерлина — рассказана во французском «Мерлине» и пересказана у Мэлори). Однако этот образ гораздо древнее и восходит к тем временам, когда все реки, источники и озера кельтской Европы имели своих «хозяек». Имена многих таких богинь или полубогинь Галлии, Британии и Ирландии сохранились в названии их водных владений. Самые известные примеры — реки Сена (<Секвана) во Франции, Северн (<Хаврен) в Англии, Шэвнон (<Синанд) в Ирландии.

О культе вод и источников у кельтов написано очень много. В основном это культ «женственный». Ср. повесть «Оуэн, или Хозяйка Источника» [17] и см. примечание к «Гвенгреви» в наст. изд.

Перевод сделан по изданию: Rhys J. Celtic Folklore, Welsh and Manx: In 2 vols. London, 1980. (Oxford, 1901). Vol. 1.



Лин-и-Ван-Вах — «Озеро у (горы) Малый Ван», одной из Черных Гор, что в Кармартеншире. Из этого озера берет начало река Сауте, в верховьях которой и жила вдова с сыном.

В двенадцатом веке... когда борьба... близилась к концу... — М. Диллон и Н. Чедвик писали: «Смерть Генриха I в 1135 г. послужила поводом для объединения усилий по избавлению от врага... Это была эпоха Гриффида ап Кинана, восстановившего мощь Гвинеда и расширившего его территорию. Его сын Оуэн стал самым влиятельным правителем Уэльса и добавил к контролируемой территории Кередигион. Норманны потерпели сокрушительное поражение под Кардиганом в 1136 г. и бежали с большими потерями; а за последующие два года Оуэн и его брат Кадваладр двинулись на юг и завершили свою победу. При Оуэне валлийский народ полностью осознал свое национальное единство. Сам Оуэн дожил до того времени, когда увидел провал экспедиции Генриха II в 1165 г., после которого король оставил всякие надежды на покорение Уэльса» [8, с. 408—409].

Что касается южного Уэльса, то здесь сопротивление англо-норманнам возглавил король Рис ап Гриффид (1155—1197), известный также как «Лорд Рис». Генри II был вынужден заключить с ним мир (1171 г.) и оставить его в покое.

Генри II спросил одного валлийского вождя: «Думаете ли вы, что ваш мятежный народ может противостоять моей армии?» — «Мой народ, — отвечал валлиец, — может быть ослаблен и даже по большей части истреблен, но я не верю, что в день Последнего Суда пред Судьей всех будет отвечать вместо валлийцев какой-нибудь другой народ и не на языке Уэльса» [6, с. 200—201].

Борьба за независимость Уэльса не закончилась даже в конце XIII в., когда последний валлийский властитель Левелин ап Гриффид, а затем и брат его Давид были убиты и обезглавлены. Именно в знак



покорения Уэльса наследник английского престола носит с того времени (1301) титул Принца Уэльского. Но окончательно надежды на независимость Уэльса рухнули после восстания Оуэна Глендовера (1400—1409).

...поголовье ее скотины... умножилось... — Для лучшего понимания тогдашней жизни следует помнить, что в кельтских обществах скот был главным богатством и мерой стоимости. В Уэльсе, как и в Ирландии, «прежде все выплачивали скотом» [8, с. 137].

...он... увидел деву... — По свидетельству У. Сайкса, в XIX в. валлийцы называли таких леди из горных озер Gwragedd Annwn, «женщины из Аннувна»; известно было, что они время от времени навещают в «Верхний мир», т. е. к людям [87, р. 34]. С каждым озером в Уэльсе была связана какая-нибудь любопытная история в этом роде.

Мотви (Myddfai) — селение и округ в Кармартеншире.

...также не отвергла она недопеченный хлеб... — Как писали Алвин и Бринли Рис, Госпожа Озера «дважды отказывается принять от героя хлеб. Лишь на третий раз она принимает его дар — хлеб, испеченный лишь наполовину, т. е. одновременно испеченный и неиспеченный, а значит, соединяющий два мира» [36, с. 303]. Согласно одной из версий этой истории, мокрый хлеб сам плывет из озера в руки юноше, юноша с жадностью съедает его, после этого три Девы Озера дают ему себя поймать [87, р. 39].

...три удара без причины... — Во многих других валлийских историях о «чудесных женах» главным условием сохранения брака было ни в коем случае не прикасаться к женошке железом [85, 1].

В той или иной степени «чудесными» были и обыкновенные кельтские женщины. Один из брачных обычаев в сельских районах Уэльса, писал Джон Рис, состоял в том, что девушка заставляла



влюбленного в нее парня с готовностью проделать *cusanu ol ei thraed*, то есть проползти на коленях вслед за ней по лугу, целуя землю везде, где ее коснулась ножка милой [85, I, p. 304].

Таков был устный брачный договор... — О забавных обычаях кельтской старины, сохранявшихся на окраинах Британии в конце XVIII в., рассказал в 1805 г. «Журнал российской словесности» Николая Брусилова: «В графстве Кардиган молодой крестьянин, желающий жениться, сперва ложится в постель для изъяснения невесте своего намерения. Там двоякий бывает брак, большой и малый. Последний значит испытание. Если он неудачлив, невеста возвращается к родителям и почитается опять девкою. На малом полуострове Портланде молодые девушки не прежде выходят замуж, пока не сделаются беременными. Сего обычая не истребила даже христианская вера. Если связь любовников остается несколько времени бесплодною, то родители их не считают сужеными — девушка остается при своей чести, принимает других женихов и, сделавшись матерью, выходит действительно замуж» [34, с. 148—149]. О валлийском обычае «сватовства в постели» писал и У. Сайкс (1880) [87, p. 300].

...это были красивые дети. — Пользуясь случаем, приведем любопытную выдержку из «Санктпетербургских Ведомостей» от 14 марта 1777 года: «Г. Литлетон, правдивый и почтенный писатель в Англии, в некотором письме к своему приятелю сообщил свидетельство следующего весьма редкого человеческого плодородия. Недавно, пишет он, умер в Гальской [т. е. Валлийской] провинции некоторый крестьянин, живший неподалеку от Фестиниога, на сто шестом году от рождения. У него было детей от первой жены тридцать, от второй десять, от третьей четверо, да от двух наложниц семь. Самому младшему его сыну от роду восемьдесят лет, и при погребении сего крестьянина находилось потомства его восемьсот человек» [16].



...предалась безудержным взрывам смеха... — Т. А. Михайлова писала об особом отношении к смерти у кельтских народов, где «смерть далеко не всегда мыслится как нечто отрицательное: вспомним, например, ирландский народный обычай веселиться и танцевать во время поминок» [33, с. 15]. Аналогичный обычай еще в XVIII в. существовал и в шотландских Highlands.

И, поднявшись, она вышла из дома... — Алвин и Бринли Рис писали: «В валлийской повести о Лин-и-Ван некий юноша видит на поверхности озера прекрасную женщину. Чудесный мост протягивается через разделяющие их воды, когда он предлагает в дар женщине символ соединения противоположностей — хлеб, одновременно испеченный и неиспеченный, — и совершает следующий подвиг, различив тождественное, т. е. узнав ее рядом с сестрою, в точности на нее похожей. Женщина остается с ним до тех пор, пока он не наносит ей „три беспричинные пощечины“, и обстоятельства, в каких он наносит пощечины, показывают, что он неспособен понять универсальность парадокса, которым ее завоевал. Первую пощечину он дает своей сверхъестественной жене, когда она отказывается участвовать в обряде крещения, который разрушает связь человеческого существа со сверхъестественным. Вторую — когда она плачет на свадьбе, а третью — когда она смеется на похоронах. Неожиданное открытие, что в глазах сверхъестественного радость и печаль сходятся — и на свадьбах, и на похоронах, — оказывается для него шоком, но эта истина не высвобождает его дух, вместо этого он пытается задавить ее и навязать богине свой однобокий образ мыслей» (пер. Т. А. Михайловой) [36, с. 395].

«...наш брачный союз разрушен...» — Древние законы Уэльса (Законы Ховела Доброго, X в.) предусматривали несколько уважительных причин, по которым жена могла покинуть мужа вместе со



всем, что ей принадлежит: 1) измена мужа или молва о такой измене (если муж невиновен, то в этом должны поклясться пятьдесят свидетелей с его стороны); 2) проказа (лерга) у мужа; 3) его зловонное дыхание; 4) импотенция. Если жена уходила без уважительной причины до истечения семи лет брака, то она теряла часть своего имущества, но не свое вено и не подарки, полученные ею в качестве компенсации за дурное обхождение [78, I, p. 177—178].

...они исчезли под водою... — Одна восьмидесятилетняя женщина из Мотви в 1881 г. говорила, что помнит, как тысячи и тысячи людей посещали это озеро в первое воскресенье или первый понедельник августа, и когда она была молодой, то часто слышала, как старые люди говорили, что в это время в озере случается волнение и его воды закипают, и это, считали они, предвещает явление Госпожи Озера и ее быков [85, I, p. 15].

...судьба... мужа... не сохранилась в памяти. — Это не совсем так, потому что, по одной из версий, он последовал за Госпожою в озеро и утонул.

Риваллон. — По другой версии, так звали не старшего сына Госпожи Озера, а ее мужа; сыновей же звали Кадоган, Гриффид и Эйнион [87, p. 40].

...знание, которым она их наделила... — Р. Лумис полагал, что в образе Госпожи Озера сохраняется кое-что от Морганы, старшей из девяти фей, которые правят Островом Плодов [76, p. 121]. У Гальфрида Монмутского в «Жизни Мерлина» сказано:

*Старшая из девяти всех мудрее в искусстве целенья
И красотой своей сестер превосходит намного;
Имя Моргана ей, изучившей полезные свойства
Всякой травы, способной лечить телесную немощь*

(пер. С. А. Ошерова) [3, с. 157].



Как известно, к Моргане на остров Авалон был отвезен смертельно раненный король Артур.

...История Целителей из Мотви... — Потомки Госпожи Озера, Целители из Мотви, жили в тех краях вплоть до конца XIX в. Начиная с Риваллона, сына Госпожи, эти потомственные врачеватели получали от местных вельмож чины, земли и привилегии, и слава о них распространялась по всему Уэльсу. Джон Рис привел имена исторических лиц, которые считались потомками Госпожи Озера [85, I, p. 12—15].

МАРГАРЕТ. ПОЧЬ ИВЕНА



а берегу этого озера [Бала] живет прославленная особа; не застав ее дома, я был разочарован. Это Маргарет, дочь Ивена из Пенлина, последний образец силы и энергии древних бриттских леди. В то время ей было около девяноста лет. Эта необыкновенная женщина была величайшим охотником, стрелком и рыбаком своего времени. Она держала по меньшей мере дюжину догов, терьеров, борзых и спаниелей — все были превосходны в своем роде. Она убивала больше лисиц за один год, чем все охотники королевства в десять лет; энергично гребла и была королевой озера; превосходно играла на скрипке и знала всю нашу старинную музыку; не пренебрегала механическими искусствами, поскольку была отличным столяром; в возрасте семидесяти лет она была лучшим борцом в тех краях, и не многие молодые мужчины отваживались померять-



ся с нею силами. Несколько лет назад у нее была служанка подстать ей самой, но смерть, эта могучая охотница, укрыла землей эту верную ее товарку.

Маргарет была также кузнецом, сапожником и мастерила арфы. Она сама подковывала своих лошадей, делала себе обувь и строила лодки, когда подрядилась перевозить медную руду вниз по озерам. Я не должен забывать, что все окрестные барды ухаживали за Маргарет и прославляли ее подвиги в превосходных валлийских стихах. В конце концов она вышла за самого нежного из своих воздыхателей, — как будто предрешив сохранять то превосходство, которым одарила ее природа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Отрывок из книги известного британского путешественника Томаса Пеннанта «Tours in Wales in 1773» (2 vols. London, 1778—1784).

Перевод сделан по изданию: Pennant T. Margaret uch Evan // A Book of Wales / Ed. by D. M. and E. M. Lloyd. London; Glasgow, 1971. P. 199.

Пенлин — область в Мерионетшире. См. «Историю Талиесина» в наст. изд.

...образец силы и энергии древних бриттских леди. — Архетип кельтской женщины прекрасно живописал в свое время наш замечательный ученый А. Д. Михайлов на примере Изольды (Эссиалт): «Дочь ирландского короля — характер более цельный и сильный, чем Тристан или Марк. Она — человек одного порыва, одной страсти, яростной и целеустремленной. Она совсем не похожа на череду героинь куртуаз-



ой литературы, на Генъевру, Лодину, Эвиду рыцарских романов эпохи. В ней много языческого, варварского. По народным представлениям — она колдунья, то есть знахарка, сведущая в таинственных свойствах трав, в сокровенных приметах и заговорах, в вещих снах и знамениях. Если кто в нашей повести и принадлежит „другому“ миру, то это Изольда... Изольда — дитя этих диких скал и нелюдимого моря». Не случайно, пишет далее А. Д. Михайлов, любовный напиток — «плод ирландской земли, то есть, он тоже от Изольды; это ее неистовство, ее необузданность» [21, с. 641—642].

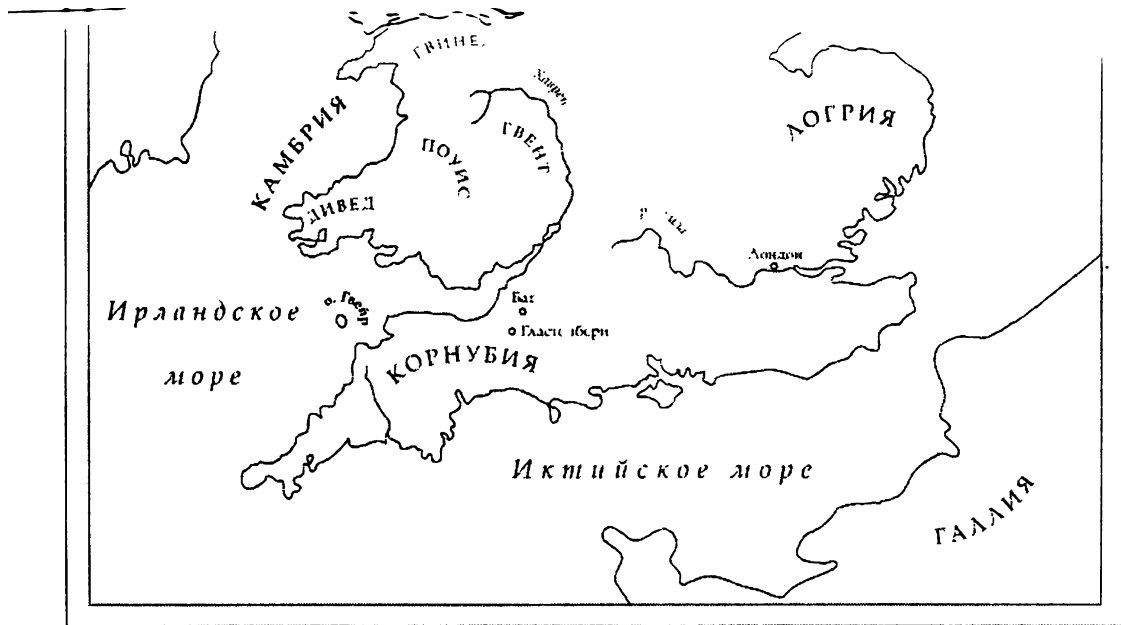
Гвендолен, Боудикка, Гвенвивар и другие героини текстов, собранных в этой книге, все они — «родные сестры» Изольды.

...которым одарила ее природа. — Здесь мы хотим привести сообщение из российского «Северного Меркурия» от 11—13 марта 1831 года, относящееся, правда, не к Уэльсу, а к Корнуоллу: «В Корнваллийских рудоконьях недавно нашли тело одного молодого рудокопа, по неосторожности провалившегося туда лет пятьдесят тому назад и который считался до сего времени пропавшим без вести. Труп остался невредим вследствие влияния купоросистых частиц в воздухе этих ям. Собралась толпа любопытных, и вдруг одна семидесятилетняя старушка, всмотревшись в труп при помощи своих очков, ну целовать его, плакать и смеяться в истерическом припадке. Когда она пришла в себя, то сведения от нее, что пятьдесят лет тому назад этот человек был женихом ее и что они друг друга любили страстно. Один из свидетелей пишет, что эта сцена произвела на всех неопишное впечатление. — Старуха умерла, обнимая труп этого юноши, лицо которого цвело жизнью и здоровьем» [37].

А рассказ Томаса Пеннанта об удивительной старухе из Уэльса, жившей в XVIII веке, заканчивает паше собрание «бриттских хроник».

Германское море





СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авсоний. Стихотворения / Изд. подг. М. Л. Гаспаров. М.: Наука, 1993. (Литературные памятники).
2. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат., вступит. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подг. А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. М.: Наука, 1984.
4. Гильдас. О разорении Британии / Пер. с лат. В. В. Эрлихмана // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. СПб.: Алетейя, 2001.
5. Грейвс Р. Белая Богиня: Историческая грамматика поэтической мифологии / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: Прогресс-Традиция, 1999.



6. Грин Дж. Р. Краткая история английского народа: В 3 вып. / Пер. с англ. В. Я. Богучарского. М.: Тип. А. Г. Кольчугина, 1897. Вып. 1.
7. Гроздова И. Н. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. XIX — начало XX в. Зимние праздники. М.: Наука, 1973.
8. Диллон М., Чедвик Н. К. Кельтские королевства / Пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2002.
9. Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека) / Пер. с др.-греч. О. П. Цыбенко. М.: Лабиринт, 2000. (Античное наследие).
10. Иванов В. В., Топоров В. Н. Див // Мифы народов мира: Энциклопедия. 2-е изд. Т. 1. М.: Сов. энци-я, 1991.
11. Калыгин В. П. Древнеирландская богиня Brigit в сравнительно-исторической перспективе // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1998. Т. 57 № 3.
12. Калыгин В. П. Кельтская мифология глазами лингвиста // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1999. Т. 58. № 5—6.
13. Кретъен де Труа. Эрек и Энида. Клижес. М.: Наука, 1980. (Литературные памятники).
14. Леру Ф. Друзиды / Пер. с фр. С. О. Цветковой. СПб.: Евразия, 2000.
15. Леру Ф., Гюйонварх К.-Ж. Кельтская цивилизация / Пер. с фр. Г. В. Бондаренко, Ю. Н. Стефанова. СПб.: Культурная Инициатива, 2001.
16. Литературное открытие // Санктпетербургские Ведомости. 1833. № 88. 18 апреля.



17. Мабиногион: Легенды средневекового Уэльса / Пер. с валл. В. Эрлихмана. М.: Аграф, 2002.
18. Марк Анней Лукан. Фарсалия, или Поэма о Гражданской войне / Пер. Л. Е. Остроумова. М.: Ладомир: Наука, 1993 (1951). (Литературные памятники).
19. Матюшина И. Г. Древнейшая лирика Европы. Кн. 1. М.: Изд-во РГГУ, 1999.
20. Михайлов А. Д. Артуровские легенды и их эволюция // Мэлори Т. Смерть Артура / Примеч. И. М. Бернштейн. М.: Наука, 1974. (Литературные памятники).
21. Михайлов А. Д. История легенды о Тристане и Изольде // Легенда о Тристане и Изольде / Изд. подг. А. Д. Михайлов. М.: Наука, 1976. (Литературные памятники).
22. Михайлова Т. А. Суибне-гельт: зверь или демон, безумец или изгой. М.: Аграф, 2001.
23. Моне Ф. И. Историческое обозрение мифологии северных народов Европы // Московский телеграф. 1827. № 9.
24. Мортон А. Л. Артуровский цикл и развитие феодального общества // Мортон А. Л. От Мэлори до Элиота / Пер. с англ. А. Зверева и Г. Прохоровой. М.: Прогресс, 1970.
25. Мэттьюз Д. Традиция Грааля / Пер. с англ. А. Ригина. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1997.
26. Народные сказки Британских островов: Сборник / Сост. Дж. Риордан. М.: Радуга, 1987 (на англ. яз.).
27. Ненний. История бриттов / Пер. с лат. А. С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М.: Наука, 1984.



28. Память острова Мэн: Книга сказаний / Пер. с англ., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2002. (Anima Celtica).
29. Пейнник Н., Джонс П. История языческой Европы / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 2000.
30. Плавание святого Брендана / Пер. с лат. и ст.-фр. Н. Горелова. СПб.: Азбука-классика, 2002.
31. Похищение Быка из Куальнге / Изд. подг. Т. А. Михайлова, С. В. Шкунаев; Примеч. С. В. Шкунаева. М.: Наука, 1985. (Литературные памятники).
32. Предания и мифы средневековой Ирландии / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. С. В. Шкунаева; Под ред. Г. К. Косикова. М.: МГУ, 1991. (Университетская б-ка).
33. Представления о смерти и локализация Иного мира у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т. А. Михайлова. М.: Языки славянской культуры, 2002.
34. Примечания о некоторых остатках дикости в образованных народах. Из соч. Якова М. Сарт // Журнал российской словесности, издаваемый Николаем Брусиловым. СПб., 1805. Ч. 3.
35. Разные известия // Санктпетербургские Ведомости. 1777. № 21. 14 марта.
36. Рис А., Рис Б. Наследие кельтов = Celtic Heritage: Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / Пер. с англ. и послесл. Т. А. Михайловой. М.: Энигма, 1999.
37. Северный Меркурий. СПб., 1831. № 30—31. 11—13 марта.
38. Сказания Красного Дракона: Волшебные сказки и предания кельтов / Под общей ред. А. Платова. М.: Менеджер, 1996. (Золотая ветвь).



39. Стихи королевы Гормлайт / Пер. с ирланд., коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2002.

40. Тацит Корнелий. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. М.: АСТ: Ладомир, 2001.

41. Фалилеев А. И. Древнесваллийский язык / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2002.

42. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А. В. Лебедев. М.: Наука, 1989.

43. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа / Пер. с англ. П. С. Гурова; Под ред. А. А. Гурштейна. М.: Мир, 1973.

44. Широкова Н. С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб.: Евразия, 2000.

45. Шотландская старина: Книга сказаний / Пер. с англ., сост. и коммент. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2001. (Anima Celtica).

46. Шукин М. Б. На рубеже Эр. СПб.: Фарн, 1994. (Российская археологическая библиотека; № 2).

47. Энциклопедия суеверий. М.: Миф: Локид, 2000.

48. A Fool's Bolt soon shott at Stonage // Peter Langtoft's Chronicle (as illustrated and improved by Robert of Brunne) from the death of Cadwalader to the end of King Edward the First's Reign / Transcribed, and now first published, from a MS. in the Inner-Temple Library by T. Hearne: In 2 vols. Oxford: Printed at the Theater, 1725. Vol. 2.

49. An account of St. Wenefride, from an old MS. of the Book call'd Festival or Festial, in the hands of Thomas Ward, of Longbridge near Warwick, Esq. // Peter Langtoft's Chronicle (as illustrated and improved by Robert of Brunne) from the death of Cadwalader to the end of King



Edward the First's Reign / Transcribed, and now first published, from a MS. in the Inner-Temple Library by T. Hearne: In 2 vols. Oxford: Printed at the Theater, 1725. Vol. 1.

50. Annales de Margan // Annales Monastici / Ed. by H. R. Luard. London, 1864. Vol. 1.

51. Ashe G. King Arthur's Avalon. The Story of Glastonbury. New York, 1958.

52. Borrow G. Wild Wales // Library of classics. London; Glasgow, 1928 (1862).

53. Bromwich R. Trioedd Ynys Prydein. The Welsh Triads. Cardiff: University of Wales Press, 1961.

54. Brut y Brenhinedd, Cotton Cleopatra version / Ed. and transl. by J. J. Parry. The Mediaeval Academy of America. Cambridge, 1937.

55. Brut y Tywysogyon or the Chronicle of the Princes. Red Book of Hergest version / Crit. text and transl. with introd. and notes by T. Jones. Cardiff: University of Wales Press, 1973 (1955).

56. Camden W. Britannia; sive florentissimorum regnorum, Angliae, Scotiae, Hiberniae, et insularum adiacentium ex intima antiquitate chorographica descriptio. Francofurdi, 1590.

57. Chalmers G. Caledonia, or a historical and topographical account of North Britain from the most ancient to the present times with a dictionary of places chorographical and philological. Paisley: Alexander Gardner, 1887 (1807). Vol. 1.

58. Commentarioli Britannicae descriptionis fragmentum. Auctore Humfredo Lluyd, Denbyghiense, Cambro-Britanno. Köln, MDLXXII.

59. Dio's Roman History / Transl. by E. Cary; On the basis of the version of Herbert B. Foster: In 9 vols. London; Cambridge, 1955. Vol. 8.



60. Encyclopaedia Britannica. A new survey of universal knowledge. Chicago; London; Toronto. [1956—]. Vol. 23.
61. Fabian R. The New Chronicles of England and France, in two parts / Reprinted from Pynson's edition of 1516. London, 1811.
62. Ford P. K. A fragment of the Hanes Taliesin by Llywelyn Sion // Etudes Celtiques. Paris, 1975. Vol. 14. F. 2.
63. French A. Meilyr's Elegy for Gruffudd ap Cynan // Etudes Celtiques. Paris, 1979. Vol. 16.
64. Gesta Stephani // Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II, and Richard I. London, 1886. Vol. 3.
65. Gill W. W. «The Wonders of the Isle of Man» // Folk-lore. Being the Quarterly Transactions of the Folk-lore Society. London, 1939. Vol. 50. N° 1. March.
66. Heather P J Layamon's Brut // Folk-lore: Transactions of the Folk-lore Society. London, 1937. Vol. 48. N° 4. December.
67. Henderson G. Arthurian Motifs in Gadhelic Literature // Miscellany presented to Kuno Meyer; Eds. O. J. Bergin and C. Marstrander. Halle, 1912.
68. Jenkin Thomas W. More Welsh Fairy and Folk Tales. Cardiff, 1957.
69. Jones F. Musical and poetical relicks of the Welsh bards: preserved by tradition and authentic MSS, from very remote antiquity; never before published. <...> A new ed. doubly augm. and impr. London, 1794.
70. Jones E. The Bardic museum of primitive British literature; and other admirable rarities; forming the second vol. of the musical, poetical and historical relicks of the Welsh bards and druids. <...> London, 1802.
71. Jones I. The most notable antiquity of Great Britain, vulgarly called Stonehenge on Salisbury Plain. Restored by I. Jones, Esq. London: Printed by J. Flesher, 1655.



72. Jones T. *The Story of Myrddin and the Five Dreams of Gwenddydd in the Chronicle of Elis Gruffudd // Etudes Celtiques*. Paris, 1959. Vol. 8. F. 2.
73. Keating G. *The History of Ireland / Ed. with transl. and notes by D. Comyn and P. S. Dinneen*. London: Irish Texts Society, 1902—1914. Vol. 2.
74. Layamon's *Brut, or Chronicle of Britain*; a poetical semi-Saxon paraphrase of the *Brut of Wace*. Now first published from the Cottonian MSS in the British Museum; accompanied by a literal translation, notes, and a grammatical glossary / By Sir F. Madden, keeper of the MSS in the British Museum. London: Published by the Society of Antiquaries of London, 1847. Vol. 1—3.
75. Lloyd J. E. *A history of Wales from the earliest times to the Edwardian conquest*. Vol. 1—2. [3rd ed.]. London, 1948.
76. Loomis R. S. *Wales and the Arthurian Legend*. Cardiff: University of Wales Press, 1956.
77. Morris J. *Arthurian Sources*. Vol. 3. *Persons: Ecclesiastics and Laypeople*. Chichester. Phillimore and Co., 1995.
78. O'Curry E. *On the Manners and Customs of the Ancient Irish: A series of lectures / Introd. by W. K. Sullivan*. London, 1873. Vol. 1—2.
79. *Orderici Vitalis Historia Acclesiastica. The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis. / Ed. and transl. by M. Chibnall*. Oxford, 1973. Vol. 4. Books 7, 8 (Oxford Medieval Texts).
80. Owen A. L. *The Famous Druids. A survey of three centuries of English literature on the Druids*. Oxford: Clarendon Press, 1962.
81. Owen H. *A History of Shrewsbury*. London, 1825. Vol. 2.
82. Pennant T. *Margaret uch Evan // A Book of Wales / Ed. by D. M. and E. M. Lloyd*. London; Glasgow, 1971.
83. *Pontici Virunnii Britannicae Historiae Liber II // Rerum Britannicarum, id est Angliae, Scotiae, vicinarumque insularum ac regionum scriptores vetustiores ac praecipui*. Heidelberg, 1587.



84. *Rerum Anglicarum scriptores post Bedam praecipui, ex vetustissimis codicibus manuscriptis nunc primum in lucem editi.* London, 1596.

85. Rhys J. *Celtic Folklore, Welsh and Manx: In 2 vols.* London, 1980 (Oxford, 1901).

86. Rhys J. *Preiddeu Annwfn // Le Morte D'Arthur* by Sir T. Malory. London: Published by J. M. Dent and Co., 1908 (1906).

87. Sikes W. *British Goblins: Welsh folk-lore, fairy mythology, legends and traditions.* Wakefield, 1973 (London, 1880).

88. *The Anglo-Saxon Chronicle: A revised translation / Ed. by D. White-lock.* London, 1961.

89. *The Beginnings of Welsh Poetry: Studies* by Sir Ifor Williams / Ed. by R. Bromwich. Cardiff: University of Wales Press, 1972.

90. *The Itinerary through Wales, and the Description of Wales / Transl. by Sir R. C. Hoare, Bart. // The historical works of Giraldus Cambrensis / Rev. and ed., with add. notes by T. Wright, Esq.* London: George Bell and sons; New York, 1892.

91. *The Poems of Taliesin / Ed. and annot. by Sir I. Williams; English version by J. E. Caerwyn Williams.* Dublin, 1968.

92. *The Twenty-four Kings Judged to be the Mightiest / By P. C. Bartrum // Etudes Celtiques.* Paris, 1968—1969. Vol. 12. F. 1.

93. Turner Sh. *The History of the Anglo-Saxons: comprising the history of England from the earliest period to the Norman conquest: In 3 vols.* London, 1823. Vol. 3.

94. *Vita Sancti Gildae, auctore (ut fertur) Caradoco Lancarvanensi // Gildas. De excidio Britanniae.* Vaduz, 1964 (London, 1838).



95. *Wales Illustrated*, in a series of views, comprising the picturesque scenery, towns, castles, seats of the nobility and gentry, antiquities etc. Accompanied by historical and topographical descriptions. London: Published by Jones and Co. [1830].

96. William of Newburgh. *Historia Rerum Anglicarum // Chronicles of the reigns of Stephen, Henry II, and Richard I.* London, 1884. Vol. 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
ХАВГЕН	17
БОУДИККА	33
БЛАДУД	49
СТОУНХЕНДЖ	59
ОПУСТОШЕНИЕ АННУВНА	75
ИСТОРИЯ ТАЛИЕСИНА	87
АРТУР И ГВЕНВИВАР	99
ДВЕ ИСТОРИИ ОБ АРТУРЕ	107
СЛАДОСТНАЯ ПЕЧАЛЬ	112
ИСТОРИЯ МИРДИНА ДИКОГО	118
ГВЕНВРЕВИ	131
СМЕРТЬ РОБЕРТА РУДЛАНСКОГО	141
ХРОНИКА ПРИНЦЕВ	148
ЛЕСНАЯ ГОСПОЖА	159

ЭЛИДОР И ФЭЙРИ	169
ДЕВА ОЗЕРА ЛИН-И-ВАН-ВАХ	174
МАРГАРЕТ, ДОЧЬ ИВЕНА	191
<i>Карта</i>	194
<i>Список литературы</i>	196

УЭЛЬС: ХРОНИКИ БРИТТОВ
КНИГА СКАЗАНИЙ

Редактор — А. Железцов

Оформление — М. Verte

Тех. редактор — В. Васильев

Корректоры — Т. Шаманова, С. Зубкова

Верстка — В. Спиридонова

Подписано в печать 12.11.2004. Печ. л. 13. Уч.-изд. л. 7.
Формат 60х70/16. Печать офсетная. Бумага офсетная №1.
Гарнитура «Палатино». Тираж 2000 экз. Заказ № 3668

Издательско-торговый дом «Летний сад»
121069, Москва, ул. Большая Никитская, 46.
Изд. лицензия ИД 03439 от 5.12.2000 г.

Книга отпечатана в ПФ «Полиграфист»
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3

ISBN 5-94381-093-5



9 795943 810939 >



ANIMA CELTICA